

sky original productions

ОТКРЫТИЕ ВЕДЬМ

Харкнесс использует собственную литературную алхимию, умело смешивая фантазию, романтику, историю и мистику в одной полностью завораживающей книге.

Chicago Tribune

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

The Big Book

Дебора Харкнесс
Открытие ведьм

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Харкнесс Д.

Открытие ведьм / Д. Харкнесс — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-14632-7

Диана Бишоп – историк из Оксфорда, специалист по старинным рукописям, но она же и потомок ведьм. После смерти родителей девушка решила отказаться от своего сверхъестественного дара и вспомнила о нем лишь тогда, когда в ее руках случайно оказывается заколдованная алхимическая рукопись, считавшаяся давно утраченной. С этого дня жизнь Дианы превращается в сплошной кошмар: ее преследуют, ей угрожают, ее запугивают. Однако убивать, похоже, не собираются, ведь только Диана способна получить доступ к книге, которая дает власть над всем миром.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-14632-7

© Харкнесс Д., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	53
Глава 9	62
Глава 10	74
Глава 11	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Дебора Харкнесс

Открытие ведьм

Deborah Harkness
A Discovery of Witches

© Deborah Harkness, 2011

© Н. Виленская, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Лесли, Джейку и блестящему будущему, которое их ожидает

В начале всего – отсутствие и желание.

В начале всего – кровь и страх.

В начале всего – открытие колдунов.

Глава 1

Переплетенный в кожу том, ничего особенного. Любой историк, будь он человеком, не усмотрел бы никакой разницы между этим томом и прочими старинными фолиантами Бодлианской библиотеки Оксфорда¹, однако я сразу поняла, что с ним что-то не так.

В читальном зале герцога Хамфри в этот сентябрьский вечер было пусто, и заявки выполнялись быстро: летний наплыв посетителей миновал, лихорадка осеннего семестра еще не началась. Тем не менее я удивилась, когда Шон, дежуривший на выдаче, заговорщицки шепнул:

– Ваши манускрипты прибыли, доктор Бишоп. – Библиотекарь застенчиво отряхнул свитер с ромбами от пыли веков, и песочная прядка упала ему на лоб.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась я. – И перестань называть меня доктором Бишоп. Мне все время кажется, что ты обращаешься к кому-то другому.

Я беззастенчиво превышала допустимое для одного заказа количество книг, и Шон уже больше недели мне в этом потворствовал. Еще в аспирантуре мы с ним частенько сживали в баре с розовыми стенами напротив университета.

Он с ухмылкой подвинул мне заказ по обшарпанной дубовой столешнице. Каждая из иллюстрированных алхимических рукописей лежала в защитной картонной папке.

– А, вот еще одна.

Шон юркнул в специальную комнатку и вернулся с толстой книгой – ин-кварто, пятнистый переплет телячьей кожи. Он положил ее поверх остальных и наклонился, чтобы рассмотреть получше. Тонкая золотая оправа очков сверкнула в свете приделанной к полке неяркой бронзовой лампы.

– Книгу давно не спрашивали – надо пометить, чтобы и ее поместили в папку.

– Напомнить тебе?

– Не надо. Уже внес в память. – Шон постучал себя по лбу.

– Видно, твоя память работает лучше моей.

Шон застенчиво на меня посмотрел и потянул бланк заказа, застрявший под переплетом.

– Смотри, не пускает.

Привычную тишину зала нарушили приглушенные голоса.

– Слышал? – Я оглянулась.

– Что именно? – спросил Шон, поднимая глаза от манускрипта.

Полустершаяся позолота на обрезе не объясняла излучаемого книгой радужного сияния. Я сморгнула:

– Да так, ничего.

Я торопливо потянула книгу к себе и тут же ощутила покалывание в пальцах. Шону наконец удалось вытащить бланк. Я взяла в руки всю стопку, придерживая ее подбородком. Привычные запахи карандашной стружки и мастики заглушил новый загадочный аромат.

– Диана, ты себя хорошо чувствуешь? – беспокоился Шон.

– Да, просто устала немного.

Я оторвала нос от манускрипта и быстро прошла через самую древнюю, относящуюся к пятнадцатому веку часть зала мимо поцарапанных елизаветинских столов (каждый с тремя книжными полками). Готические окна между ними привлекали внимание читателя к кессонным потолкам. Там блистал яркими красками с позолотой университетский герб – три короны и открытая книга – и повторялся девиз «Господь – мой свет».

¹ Томас Бодли (1545–1613) – английский ученый и дипломат. Библиотека при Оксфордском университете основана им в 1598 г. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Во всем зале, кроме меня, в пятницу вечером находился один-единственный человек – Джиллиан Чемберлен, тоже американка. Она была классицисткой, преподавала в Брин-Море² и сейчас корпела над переложенными стеклом папирусами. Я прошла мимо, стараясь не смотреть на нее, но меня выдало поскрипывание старых половиц.

Я почувствовала на себе ее взгляд – взгляд другой колдуньи.

– Диана? – окликнула она из полумрака.

Я остановилась, подавив вздох:

– Привет, Джиллиан.

Мне почему-то не хотелось показывать ей свои книги, и я встала подальше, да еще повернулась так, чтобы их загородить.

– Что будешь делать на Мейбон?³

Джиллиан вечно звала меня провести время с «сестрами». Теперь, когда до колдовского праздника осеннего равноденствия оставалась всего пара дней, она с удвоенным рвением пыталась приобщить меня к местному ковену.

– Работать, – кратко ответила я.

– Тут есть очень милые колдуны, – с укором произнесла Джиллиан. – Обязательно приходи к нам в понедельник.

– Спасибо, я подумаю. – Мои ноги уже шагали по направлению к Селден-Энду, просторному крылу восемнадцатого века, расположенному под прямым углом к главному залу. – Особенно на меня не рассчитывай – готовлю доклад к конференции.

Тетя Сара предупреждала меня, что одна колдунья другую нипочем не обманет, но попытаться-то можно.

Джиллиан сочувственно хмыкнула, но продолжала за мной следить.

Вот и мое привычное место возле высоких сводчатых окон. Хотелось поскорей скинуть книги на стол и вытереть руки, но я поборола искушение и положила их осторожно, проявляя уважение к возрасту.

Рукопись, зажавшая бланк заказа, лежала на самом верху. На ее корешке был отштампован золотом герб Элиаса Ашмола, коллекционера и алхимика семнадцатого столетия; его книжное собрание поступило в библиотеку из музея⁴ в девятнадцатом веке. Ниже герба значился номер – 782.

Потрогав бурый кожаный переплет, я тут же отдернула ладонь, но сделала это недостаточно быстро. По рукам и плечам побежали мурашки, мышцы шеи и спины напряглись. Ощущение вскоре прошло, но на смену ему явилась пустота, чувство несбывшегося желания. Потрясенная, я шагнула прочь от стола.

Даже с безопасного расстояния книга бросала мне вызов, угрожая разрушить стены, которыми я отгородила себя-ученого от себя – последней колдуньи из рода Бишопов. Ради честно заработанной докторской, хорошей должности и перспектив на будущее я отреклась от фамильного наследия – жизнь, которую я себе создала, опиралась на здравый смысл и мои способности, а не на предчувствия и заклинания. В Оксфорде я намеревалась завершить один исследовательский проект, опубликовать свои изыскания, проведя тщательный анализ и снабдив их подробными примечаниями, и представить это все на суд коллег – обычных людей. Никаких тайн, колдовскому шестому чувству в этой работе места не было.

Тем не менее один из заказанных мной алхимических манускриптов проявлял все признаки сверхъестественного, и я просто не могла это игнорировать. Руки у меня чесались открыть книгу и узнать наконец, в чем дело, но чувство еще более сильное, чем любопытство,

² *Брин-Мор* – женский колледж в штате Пенсильвания.

³ *Мейбон* – один из восьми языческих праздников, входящих в Колесо Года.

⁴ Музей Ашмола существует в Оксфорде с 1678 г.

приказывало не спешить и подумать: что мною движет – чисто академический интерес или родство с колдунами?

Бодли всегда была для меня святилищем, никак не связанным с Бишопами. Я глубоко вдохнула библиотечный воздух и закрыла глаза, надеясь обрести ясность, потом сложила на груди дрожащие руки и задумчиво уставилась на «Ашмол-782». За окном густели сумерки.

Моя мать сразу же поняла бы, что делать, – инстинктивно. Почти все Бишопы были ода-ренными колдунами, но Ребекка и среди них выделялась – так говорили все. Способности у нее проявились рано: уже в школе, в младших классах, она переколдовывала большинство старших товаров по ковену. Интуиция помогала ей разбираться в заклинаниях, а еще мама обладала невероятным провидческим даром, видела насквозь людей и понимала ход событий. Сара, ее младшая сестра и моя тетка, тоже была талантлива, но практиковала больше по части традиционных зелий и чар.

Мои коллеги-историки, разумеется, ничего об этом не знали, но в Мэдисоне, маленьком городке на севере штата Нью-Йорк, где я жила у Сары с семи лет, всем и каждому было известно, кто такие Бишопы. Наши предки переехали туда из Массачусетса после Войны за независимость. Тогда прошло уже больше ста лет с тех пор, как Бриджит Бишоп⁵ казнили в Сейлеме, но дурная слава сопровождала семью повсюду. На новом месте Бишопы очень старались доказать мэдисонским соседям, что колдуны приносят одну только пользу – и лечат, и погоду предсказывают. Со временем наша семья пустила корни достаточно глубоко, чтобы стойко выдерживать неизбежные вспышки страха и суеверия.

Но любопытство выманило мать за пределы безопасного Мэдисона. Для начала она отправилась в Гарвард, где встретила молодого Стивена Проктора. Он тоже происходил из старого колдовского рода и тоже мечтал оторваться от семейных традиций и Новой Англии. Ребекка и Стивен были чудесной парой: мать, по-американски открытая, уравнивала более старомодного и чопорного отца. Они стали антропологами и с головой погрузились в чужие культуры и верования, сочетая страсть к науке с глубокой любовью друг к другу. Обеспечив себе прочные академические позиции – Ребекка в своей альма-матер, отец в Уэллсли⁶, – они ездили со своими исследованиями по разным странам, а потом обосновались в Кембридже, в штате Массачусетс.

Мои детские воспоминания, хотя и немногочисленные, обладают необычайной яркостью. Вельветовые заплатки у отца на локтях, пахнущие ландышем духи матери. Звон бокалов в пятницу вечером, когда они, уложив меня спать, ужинали вдвоем при свечах. Сказки, которые мама рассказывала мне на ночь, стук коричневого отцовского портфеля, который он бросал на пол у входной двери.

Почти все дети помнят о своих родителях нечто подобное, но у меня есть и другие воспоминания. Мама никогда не стирала, но моя одежда всегда была чистой и аккуратно сложенной. Разрешение на экскурсию в зоопарк, забытое дома, вдруг появлялось на моей парте само собой. В каком бы состоянии ни находился отцовский кабинет, когда я приходила поцеловать папу перед сном (а обычно там царил основательный кавардак), утром в нем уже был образцовый порядок. В детском саду я спросила маму подружки Аманды, зачем она моет посуду водой и мылом – достаточно ведь сложить все в раковину, щелкнуть пальцами и немного пошептать. Миссис Шмидт посмеялась моим фантазиям, но все же они ее обескуражили: я это видела по глазам.

В тот же вечер родители объяснили мне, что о нашем домашнем волшебстве не следует рассказывать посторонним. Людей гораздо больше, чем колдунов, и они нас боятся, сказала

⁵ Бриджит Бишоп была казнена через повешение в июне 1692 г., первой из двадцати мужчин и женщин, осужденных за колдовство.

⁶ Уэллсли – женский колледж в штате Массачусетс.

мама, – а сильнее страха ничего нет на свете. Я тогда не сказала им, что тоже боюсь волшебства, особенно маминого.

Днем она ничем не отличалась от любой кембриджской матери – не слишком ухоженная, немного сумбурная, замученная работой и домом. Белокурые волосы она носила по моде взлохмаченными, но одевалась как в каком-нибудь 1977-м: длинные широкие юбки, брюки и рубашки на размер больше, чем надо, мужские куртки и блейзеры. Все эти одежды а-ля Энни Холл она скупала в комиссионных бостонских магазинах: на улице или в очереди супермаркета никто не взглянул бы на нее дважды.

Но дома, задернув шторы и заперев дверь, Ребекка преображалась. Движения из суетливых становились уверенными; иногда она прямо-таки плыла по дому. Когда мама напевала, подбирая с пола игрушки и книжки, лицо ее светилось неземной красотой.

В такие минуты, когда в ней сияла магия, нельзя было отвести глаз.

«В маме спрятана петарда», – улыбаясь во весь рот, шутил папа.

Но скоро я узнала, что петарды не просто пускают яркие звезды – они непредсказуемы и могут напугать.

Однажды вечером, когда отец читал лекцию, мать решила почистить серебро и вдруг загляделась на стоявшую на столе чашу с водой. Над чашей за клубился туман, из которого выходили крошечные призрачные фигурки. Они росли, и вскоре комната заполнилась диковинными существами. Они взбирались по занавескам, цеплялись к потолку. Сначала я смотрела на них с восторгом, раскрыв рот, но потом позвала на помощь маму, а она не могла оторваться от чаши. В конце концов одно создание, получеловек-полуживотное, подобралось совсем близко и ущипнуло меня за руку – лишь тогда мать вышла из транса. Красные искры, которые посыпались из нее, разогнали призраков. Отец, вернувшись, сразу почувствовал в доме запах паленых перьев и забеспокоился. Мы с мамой сидели обнявшись в постели. Мать при виде папы залилась покаянными слезами. С тех пор наша столовая всегда внушала мне страх.

А когда мне было семь лет, родители уехали в Африку и там погибли, после этого я вообще никогда больше не чувствовала себя в безопасности.

Я помотала головой и вновь сосредоточилась на стоящей передо мной дилемме. Магическая рукопись лежала на столе в круге света от лампы и взывала к чему-то темному, запрятанному в моей душе. Я опять дотронулась до гладкого кожаного переплета, и мне снова кольнуло пальцы. Когда-то, просматривая бумаги в кабинете отца, я уже испытала нечто подобное.

Решительно отвернувшись от загадочного тома, я занялась обычным делом – стала искать список алхимических текстов, подготовленный мной в Нью-Хейвене. Он нашелся на столе в куче черновиков, библиотечных бланков и заявок, карандашей, ручек и прочего. Список был составлен тщательно, манускрипты рассортированы по коллекциям, против каждого значился шифр, присвоенный бодлианским библиотекарем. Я приехала в Оксфорд несколько недель назад и с тех пор скрупулезно работала с этим списком. «Антропология, или Краткое описание двух начал человека: анатомического и психического», – говорилось в аннотации к «Ашмолу-782». Содержание, как и в большинстве изучаемых мною работ, было почти невозможно определить по заглавию, но я поняла бы, что это за книга, даже не открывая ее. Тетя Сара всегда проверяла свою почту на ощупь. Если в конверте лежал нежелательный счет, она попросту не вскрывала письмо и притворялась потом, что о задолженности за электричество впервые слышит.

Золотые циферки на корешке подмигнули мне.

Я села и призадумалась, как же быть. Открыть книгу, как будто я самый обычный историк? Или оставить ее и уйти?

Вот повеселилась бы Сара, увидев меня сейчас. Она всегда говорила, что мои попытки держаться подальше от магии ни к чему не приведут, но после смерти родителей я совсем

не пользовалась волшебством. Все колдуны и колдуньи, явившиеся на поминки, искали во мне черты Бишопов и Прокторов, гладили по голове и предрекали, что очень скоро я займу место матери в местном ковене. Некоторые шептались о том, что моим родителям не следовало жениться.

«Слишком большая сила, – тихонько говорили они, думая, что я не слышу. – Они прилекли бы к себе внимание, даже если бы не занимались древними культами».

Этого мне хватило, чтобы обвинить в смерти родителей сверхъестественные способности. Я решила попробовать жить по-другому и, повернувшись спиной ко всему магическому, занялась тем же, чем занимались все обычные девочки моего возраста, – ездила верхом, встречалась с мальчиками, читала романтические книжки. Таким образом я надеялась затеряться среди простых смертных. В переходном возрасте я страдала от депрессии и тревоги, но обычный человеческий доктор заверил тетю, что это вполне нормально.

Сара ничего ему не рассказала о голосах, о моей привычке брать телефонную трубку за минуту до звонка, о том, как она в полнолуние ограждает чарами все окна и двери, чтобы я во сне не ушла в лес. Не рассказала, что стулья в доме укладываются в пирамиду, когда я злюсь, и падают на пол, когда злость проходит.

Когда мне стукнуло тринадцать, тетя стала учить меня азам колдовской науки, чтобы отвести в это русло хотя бы часть моей силы. Бесконтактное зажигание свечек, проверенные временем зелья от прыщей – обычный начальный курс колдуньи-подростка. Но даже самые простые заклинания мне не давались, зелья выкипали, а выполнять тетины задания, чтобы выяснить, перешел ли ко мне материнский дар ясновидения, я упорно отказывалась.

Когда гормональная перестройка завершилась, голоса, спонтанные возгорания и прочие явления тоже начали проходить. Но я все так же отказывалась приобщаться к семейному бизнесу. Тетя побаивалась жить в одном доме с необученной колдуньей и потому испытала некоторое облегчение, когда я отправилась в колледж в Мэн. Типичная история взросления, если не считать колдовской ее части.

Из Мэдисона мне удалось выбраться благодаря своим интеллектуальным способностям – я всегда опережала ровесников, начала разговаривать и выучилась читать раньше, чем обычные дети, с ходу запоминала учебники благодаря феноменальной фотографической памяти и выдавала на контрольных нужные результаты. Обнаружив, что в школе вполне можно обойтись и без магического наследия, я проскочила за год пару последних классов и поступила в колледж в шестнадцать лет.

Поначалу я попробовала себя на театральном факультете. Меня увлекали костюмы и зрелищность, поражало, как пьесы помогают перенестись в другое время и место. Профессора сразу же начали ставить меня в пример как прекрасную актрису, которой игра позволяет преобразиться в совершенно другую личность. Первые намеки на то, что этим я обязана не только актерскому дару, проявились в роли Офелии. Как только я ее получила, волосы у меня немедленно отросли до пояса. Я часами просиживала у местного озера, замороженная сверкающей гладью, а отросшие косы ниспадали до самой воды. Мальчик, игравший Гамлета, поддался иллюзии. У нас случился страстный, хотя и мимолетный роман. Я потихоньку сходила с ума, заражая весь актерский состав.

Премьера стала событием, это да, но каждая моя новая роль была сопряжена с какой-то проблемой. На втором курсе, когда мне дали Аннабеллу в пьесе Джона Форда⁷ «Жаль, что она блудница», положение сделалось совсем уж невыносимым. Как и за героиней Форда, за мной повсюду бегали ухажеры (и не только люди). Наконец занавес опустился в последний раз, но поклонники никуда не делись, и стало предельно ясно, что свои силы контролировать я никак не могу. Я не знала и не желала знать, сколько в моей игре от магии, – сделала короткую

⁷ Джон Форд (1586–1637) – английский драматург и поэт.

стрижку, а многослойные топы и широкие юбки сменила на униформу серьезной и честолобивой студентки-юристки: черные водолазки, защитного цвета брюки, туфли на низком каблуке. Избыток энергии я вымещала в спорте.

После театрального отделения я стала искать серьезную специальность, которая никакого отношения не имела бы к магии. Для математики мне не доставало точности и терпения, на биологии я ни один опыт не довела до конца и постоянно проваливала контрольные.

В конце второго курса канцелярия потребовала, чтобы я наконец выбрала что-нибудь, если не хочу проучиться пять лет вместо четырех, – и тут благодаря летней английской программе мне подвернулась возможность уйти еще дальше от всего бишоповского. Я влюбилась в Оксфорд, в утренний свет его тихих улиц. Курс истории включал в себя жизнеописания королей с королевами, и если у меня в голове и звучали голоса, то принадлежали они героям книг, написанных в шестнадцатом-семнадцатом веках. Это вполне можно было приписать величию английской литературы. А лучше всего было то, что никто здесь меня не знал и никакие колдуны, если они даже присутствовали тем летом в городе, ко мне не приставали. Вернувшись домой, я выбрала историю своей специальностью, прошла все полагающиеся курсы в рекордное время и в двадцать лет окончила колледж с отличием.

Взявшись писать докторскую, я изо всех возможных вариантов предпочла Оксфорд. Я занималась историей науки, и темой моих исследований стал период, когда наука начала вытеснять магию, а законы Ньютона – астрологию вкупе с охотой на ведьм. Поиск рационального начала в природе и отказ от сверхъестественного, характерные для того времени, отражали мою внутреннюю борьбу. Стена, воздвигнутая мной между собственными разумом и наследственностью, стала еще прочнее.

Тетя Сара фыркнула, услышав, что предметом моей диссертации будут химики семнадцатого столетия. Ее ярко-рыжие волосы хорошо сочетались с огненным нравом и острым язычком. Будучи колдуньей прямой и здравомыслящей, она немедленно завладевала всеобщим вниманием, стоило ей войти в комнату. Мэдисонское общество призывало ее на помощь в случае больших и малых городских бед. Наши с ней отношения сильно улучшились, поскольку теперь она уже не потчевала меня ежедневными наблюдениями по части слабости и непостоянства людской натуры.

Впрочем, хоть нас и разделяли сотни миль, тетя по-прежнему считала мои попытки отречься от магии смехотворными и каждый раз непременно мне об этом сообщала.

«Эта наука в свое время называлась у нас алхимией, и магии в ней было хоть отбавляй».

«Неправда, – горячо возражала я (в своих исследованиях я как раз пыталась доказать, как тесно алхимия была связана с наукой). – Сила алхимии в том, что развивался экспериментальный подход, а не в поисках волшебного эликсира, превращающего свинец в золото и делающего человека бессмертным».

«Как скажешь, но ты, желая сойти за человека, выбрала странный путь», – отвечала Сара с сомнением в голосе.

Получив степень, я стала активно бороться за место в Йеле (единственный университет в Америке более английский, чем сама Англия). Меня предупреждали, что успеха я вряд ли добьюсь, но я накатала две книжки, наполучала премий, заработала гранты и, вопреки всем предостережениям, пробилась-таки, куда мечтала.

Что еще важнее, теперь я сама распоряжалась своей жизнью, и ни один человек на факультете, даже специалисты по американской истории, не связывали моей фамилии с первой женщиной, казненной за колдовство в Сейлеме в 1692 году. Защищая заработанную тяжким трудом независимость, я с корнем вырвала магию из своей жизни. Без исключений, конечно, не обходилось: пришлось, например, воспользоваться одним из Сариных заклинаний, когда стиральная машина чуть не затопила мою квартирку на Вустер-сквер. Все мы не без греха.

Вспомнив об этой своей промашке, я затаила дыхание, взяла рукопись обеими руками и положила ее на наклонную подставку, предназначенную для работы с редкими книгами. Решение было принято: я отнесусь к рукописи «Ашмол-782» как серьезный ученый. Опишу ее содержание, не обращая внимания на жжение в пальцах и странный запах. А после этого со всей профессиональной объективностью рассмотрю вопрос, стоит заниматься этой книгой далее или нет. Но когда я расстегивала медные застёжки на переплете, пальцы все-таки дрожали.

Книга тихонько вздохнула.

Я быстро оглянулась через плечо. В зале по-прежнему было пусто и тихо, только тикали часы в углу.

Я открыла новый файл в ноутбуке, решив не упоминать там о таинственном вздохе. Знакомое действие, совершаемое в сотый, если не в тысячный раз, успокаивало не меньше, чем галочки в списке. Я напечатала номер, заглавие, заглавие из каталога, подробно описала размер и фактуру переплета.

Оставалось только открыть фолиант.

Переплет, несмотря на откиннутые застёжки, не желал открываться, словно его приклеили. Тихо выругавшись, я приложила к нему ладонь, чтобы манускрипт мог со мной познакомиться. Класть руку на книгу – еще не магия. После привычного покалывания (так обычно бывает, когда на тебя смотрит колдун или колдунья) фолиант будто бы расслабился и раскрылся легко.

Первый лист был чистым. На втором, пергаментном, рукой Ашмола было проставлено: «Антропология, или Краткое описание двух начал человека». Эти ровные округлые буквы были знакомы мне так же хорошо, как собственный почерк. «Анатомического и психического» добавили позже карандашом. Этот почерк я тоже знала, но не могла вспомнить, чей он. Можно было бы потрогать надпись и что-нибудь разузнать с помощью прикосновения, но это значило бы нарушить библиотечные правила, да и как задокументируешь добытую таким путем информацию? Я внесла в компьютер «чернила и карандаш, разный почерк», написала о предполагаемом возрасте обеих надписей.

Эта пергаментная страница, необычайно тяжелая, как раз и была источником волновавшего меня запаха. От нее пахло не просто древностью, но чем-то мускусным, затхлым. Следующие три страницы, как я сразу заметила, были аккуратно вырезаны.

Ну, тут, по крайней мере, можно без проблем все задокументировать. «Не менее трех листов удалено с помощью линейки или бритвы», – набила я и заглянула под корешок, но не сумела определить, не вырвано ли из книги что-нибудь еще. Когда я наклонилась над пергаментом, то особенно остро почувствовала силу и странный аромат, они очень отвлекали.

Сразу после вырезанных страниц шла иллюстрация – младенец женского пола в стеклянном сосуде. В одной ручонке у девочки серебряная роза, в другой золотая, на ногах крылышки, на длинные черные волосы падали дождем красные капли. Сделанная чернилами подпись объясняла, что это философское дитя – аллегорическое изображение важнейшей стадии в создании философского камня, приносящего владельцу здоровье, богатство и мудрость и прочие блага.

Яркие краски на удивление хорошо сохранились (художники тех времен подмешивали в краски толченые камни, в том числе драгоценные), а рисунок делал подлинный мастер. Пришлось буквально взять себя в руки, чтобы эти самые руки не тянулись к манускрипту.

В деталях художник, несмотря на весь свой талант, явно ошибся. Горло сосуда должно быть направлено вверх, а не вниз, самого же ребенка полагалось рисовать наполовину черным, наполовину белым в знак того, что это гермафродит. Философское дитя изображали с мужскими гениталиями и женской грудью или, на худой конец, с двумя головами.

По алхимическим иллюстрациям, аллегорическим и всегда крайне неоднозначным, я пыталась понять, систематизировали ли алхимики свои наблюдения в те дни, когда периодической таблицы элементов еще не существовало. Луна, к примеру, почти всегда представляла серебро, солнце – золото. Химическое соединение того и другого изображалось как брачный союз. Позднее картинки уступили место словам, а слова, в свою очередь, химическим формулам.

Эта конкретная книга вызывала сомнения в том, что алхимиками руководила хоть какая-то логика. В каждой иллюстрации содержалось не меньше одной серьезной ошибки, а подписей никаких и вовсе не было.

Я искала хоть что-нибудь знакомое, и вдруг в тусклом свете на одной странице проступили следы букв. Я повернула лампу, сфокусировав свет.

Ничего не видно.

С величайшей осторожностью я перевернула страницу и увидела слова, сотни слов, которые, мерцая, скользили по листу. Различить их можно было только при хорошем освещении и правильном ракурсе.

Вот так так!

Выходит, мой «Ашмол-782» – палимпсест, рукопись внутри рукописи. Когда-то писцы за недостатком пергамента тщательно смывали старые книги и записывали на чистых страницах новый текст. Со временем стертые записи проявлялись, словно призраки, разглядеть их под чернильными пятнами можно было с помощью ультрафиолетовых лучей.

Эту рукопись, однако, никакой ультрафиолет не взял бы: ее не смыли, а спрятали каким-то магическим способом. Но кому могло понадобиться заколдовывать алхимический текст? Туманные намеки и красивые причудливые иллюстрации ведь и без того очень трудно расшифровать даже специалистам.

Отвлечшись от мельтешающих нечитабельных букв, я записала в компьютер: «Сплошные загадки. Заголовки пятнадцатого – семнадцатого веков, изображения большей частью пятнадцатого (источники, возможно, и старше?). Бумажные и пергаментные листы перемешаны. Чернила черные и цветные, последние необычайно высокого качества. Иллюстрации хорошо выполнены, но многие детали неверны или отсутствуют вовсе. Они изображают создание философского камня и алхимические концепции: сотворение, смерть, воскрешение и трансмутацию. Неточная копия более раннего манускрипта? Аномалия на аномалии».

Мои пальцы застыли на клавишах.

Если новая информация расходится с уже имеющимися данными, ученые либо отбрасывают это новое, угрожающее взлелеянным ими теориям, либо обращают на загадку все свое внимание. Я, скорее всего, выбрала бы второй вариант, но магическая природа книги склоняла к первому. А еще ученые в непонятных случаях тянут время.

«К этой книге, возможно, придется вернуться еще раз», – допечатала я, обуреваемая противоречивыми чувствами, и, затаив дыхание, осторожно закрыла том. Магические потоки по-прежнему пронизывали книгу, особенно возле застеек.

Ну, хоть закрыла без проблем, уже хорошо. Я сидела, уставившись на манускрипт. Так и тянуло погладить коричневый кожаный переплет, но я удержалась, как раньше удерживалась от прикосновения к иллюстрациям. Нельзя претендовать на большее, чем то, что может узнать из этой книги обычный историк.

Тетя Сара всегда говорила, что магия – это дар. Если так, то дар этот достался мне совсем не за так: он связывал меня со всеми прежними колдунами Бишопами. За то, чтобы вступить в наследственные права и овладеть сокровенным волшебным ремеслом, заклинаниями и чарами, нужно заплатить определенную цену. Раскрыв «Ашмол-782», я разрушила стену между мной-колдуньей и мной-ученым, но теперь снова ее воздвигла и твердо намеревалась остаться по ту – немагическую ее сторону.

Я закрыла компьютер, собрала бумаги, уложила книги в стопку, поместив «Ашмол-782» в самый низ. Джиллиан, к счастью, на месте не было, хотя ее стол остался неубранным – решила, вероятно, поработать допоздна и вышла на чашку кофе.

– Закончила уже? – спросил Шон.

– Не совсем. Три верхние хотела бы оставить на понедельник.

– А четвертую?

– С ней все, – выпалила я, подвигая к нему стопку книг. – Можешь отправлять обратно в хранилище.

Шон положил книгу сверху на весь прочий возврат, проводил меня к лестнице, попрощался и скрылся в служебной комнатке. Включился конвейер, уносящий загадочный том в недра библиотеки.

Я чуть было не остановила Шона, но в последний момент удержалась.

У самых дверей воздух сгустился, как будто библиотека не хотела меня отпускать. На мгновение все вокруг вспыхнуло, словно обрез колдовской книги у Шона на столе. Меня пробрала невольная дрожь, волоски на руках поднялись дыбом. Здесь только что произошло какое-то волшебство.

Я повернулась было опять к читальному залу герцога Хамфри, но устояла и решительно вышла вон, сказав себе: пустяки.

Уверена? – шепнул голос, на который я столько времени старательно не обращала внимания.

Глава 2

Оксфордские колокола прозвонили семь раз. В эту пору года темнело быстрее, чем летом, но серые сумерки еще медлили. Библиотечные фонари, зажженные всего полчаса назад, расплывались в них золотыми лужицами.

Двадцать первое сентября. Колдуны и колдуньи всего мира сейчас празднуют канун осеннего равноденствия, встречая Мейбон и грядущую зимнюю тьму, но оксфордским придется обойтись без меня. Мне в самом деле предстояло выступить с ключевым докладом на одной важной конференции в будущем месяце, а я еще его толком не продумала, и потому начала беспокоиться.

При мысли о пирующих где-то колдунах у меня заурчало в желудке. Я сидела в библиотеке с утра, с половины десятого, и только раз прервалась на обед.

Шон сегодня не работал, книги выдавала какая-то новенькая. Когда я заказала особенно ветхую единицу хранения, она стала предлагать взамен микрофильм. Заведующий читальным залом, мистер Джонсон, услышав это, счел нужным вмешаться.

– Извините, доктор Бишоп, – торопливо заговорил он, поправляя очки в тяжелой темной оправе, – если вам нужен этот манускрипт, мы будем счастливы его предоставить.

Требуемое он доставил мне лично, продолжая извиняться: «Новые сотрудники, вы же понимаете...» Польщенная его отношением к моей ученой персоне, я весь день провела за чтением.

Только вечером я сняла кольца-грузики с верхних углов книги и осторожно закрыла ее, довольная, что хорошо поработала. Весь уик-энд после столкновения с заколдованным фолиантом я занималась обычными повседневными делами и алхимии не касалась. Заполнила финансовые документы, заплатила по счетам, написала рекомендательные письма, даже рецензию на книгу наконец добила. Перемежалось это еще более обыденными хлопотами – стиркой, многочисленными чашками чая и попытками воплотить в жизнь рецепты из кулинарных программ Би-би-си.

Сегодня, начав с утра пораньше, я старалась сосредоточиться на текущей работе и не вспоминать о загадочном палимпсесте со странными иллюстрациями. По мере выполнения того, что я наметила на день, у меня возникли четыре вопроса; ответ на третий отыскать было проще всего: он содержался в «Ноутс энд квайериз»⁸. Номера этого заумного журнала занимали один из высоких, до потолка, книжных шкафов. Я встала, решив перед уходом поставить еще одну галочку в своем списке.

Чтобы взять что-то с верхних полок в отделении Селден-Энд, следовало подняться по обшарпанной винтовой лесенке на небольшую галерею, располагавшуюся прямо над рабочими столами. Подшивками в клеенчатых переплетах, аккуратно расставленными в хронологическом порядке, никто, похоже, не пользовался, кроме меня и одного пожилого преподавателя литературы из колледжа Магдалины. Отыскав нужный том, я шепотом выругалась, поскольку дотянуться до него не могла.

Мне послышался чей-то приглушенный смех, хотя за столом в дальнем конце галереи никого не было. Ну вот, снова мне что-то чудится. Оксфорд все еще пустовал; все университетские ушли около часа назад, чтобы пропустить перед ужином стаканчик бесплатного шерри в профессорской гостиной своего колледжа. Джиллиан и та ушла по случаю праздника, повторив свое приглашение и подозрительно покосившись на стопку заказанных мною книг.

Стремянки в поле зрения не обнаружилось – обычное дело для Бодли. На то, чтоб отыскать ее внизу и втащить наверх, ушло бы добрых пятнадцать минут. Ну что ж... в пятницу я,

⁸ «Ноутс энд квайериз» – ежеквартальный журнал, освещающий вопросы истории и английской литературы.

правда, держала в руках колдовскую книгу, но сумела взять себя в руки и никакого чародейства не сотворила. И кто меня здесь увидит?

Резонно, казалось бы, но все же как-то не по себе. Собственные правила я нарушала нечасто и вела счет всем случаям, вынуждавшим меня обращаться к магии. За год это будет уже пятый раз, включая забарахлившую стиральную машину и «Ашмол-782». Неплохо для конца сентября, однако бывало и лучше.

Вздыхнув, я подставила руку и вообразила, что снимаю подшивку с полки.

Девятнадцатый том «Ноутс энд квайериз» накренился, шлепнулся мне на ладонь и открылся на нужной странице.

На все про все ушло три секунды. Я перевела дух, избавляясь от чувства вины, и ощутила между лопатками два ледяных прикосновения.

Свидетель моего преступления был явно не человек.

Взгляд колдуна вызывает у другого колдуна щекотку, но планету с людьми делят не одни колдуны. Есть даймоны – артистические натуры, скользящие на грани между безумием и гениальностью. «Рок-звезды и серийные убийцы» – так отзывается о них моя тетя. Есть древние и прекрасные кровопийцы вампиры – если они не убьют вас сразу, то заморозят своей красотой.

Взгляд даймона я чувствую как легкий, чуть обескураживающий поцелуй, а внимательный взгляд вампира жжет холодом и приносит ощущение опасности.

Перебрав в уме читателей зала герцога Хамфри, я вспомнила лишь одного вампира – ангелоподобного монаха, любовно листавшего средневековые служебники и молитвенники. В отделы редких книг вампиры забредают довольно редко, иногда их приводят туда тщеславие и ностальгия, а вот колдуны и даймоны там встречаются куда чаще. Взять хоть Джиллиан Чемберлен, изучающую свои папирусы через лупу. А в читальном зале, где собраны труды по музыке, я сегодня видела сразу двух даймонов – оба оторопело подняли головы, когда я проходила мимо них – шла в «Блэкуэллс» чая попить. Один попросил принести ему латте, что красноречиво свидетельствовало о глубине его погружения в очередное безумство.

Но сейчас за мной наблюдал вампир.

Я уже сталкивалась с ними по роду своей деятельности, ведь мне приходилось сотрудничать с естественниками, а вампиры часто идут в такие области науки: им спешить некуда, а научные изыскания вознаграждают за долгий и терпеливый труд. Вампиры любят работать в одиночку, так что их никто не заподозрит, разве что ближайшие сотрудники. Занимаясь наукой, гораздо легче коротать долгие столетия.

В наши дни вампиров интересуют в основном ускорители элементарных частиц, расшифровка генома и молекулярная биология, а раньше они занимались сплошь алхимией, анатомией и электричеством. Если что-нибудь взрывается, замешаны тайны вселенной или человеческая кровь, без вампира тут точно не обойтись.

Крепко сжимая злополучные «Ноутс энд квайериз», я обернулась лицом к наблюдателю. Он стоял внизу в тени, напротив меня, около шкафа со справочниками по палеографии, прислонившись к красивой деревянной колонне, поддерживающей галерею. В руках у него был открытый труд Дженет Робертс «Путеводитель по рукописным английским шрифтам до 1500 года».

Этого типа я видела впервые, но была уверена, что древние рукописи он читает вполне свободно и без пособий.

По телесериалам и книжкам в мягкой обложке все знают, как красивы вампиры, но увидеть кого-то из них вживую – совсем другое. Фигура словно изваяна резцом искусного скульптора, движения завораживают, музыка звучит в каждом слове, взгляд притягивает – именно так они и ловят свою добычу. Долгий взгляд, несколько тихих слов, прикосновение, и, если уж вы попались на удочку, спасения нет.

Глядя вниз, я пришла к неутешительным выводам, что знаю все это, увы, в основном в теории, а от нее вряд ли будет толк при реальной встрече в Бодлианской библиотеке.

Единственный вампир, с которым я более или менее близко общалась, работал на швейцарском ускорителе элементарных частиц. Джереми, стройный, голубоглазый блондин с заразительным смехом и сногшибательной внешностью. Переспав со всем Женевским кантоном, он принялся за Лозанну. Я старалась не задумываться, что он делает с этими женщинами потом, и упорно отвергала настойчивые предложения пойти выпить. Джереми я всегда принимала за типичного представителя вида, но по сравнению с тем, кто стоял передо мной сейчас, он показался бы костлявым неуклюжим молокососом.

Этот, учитывая даже, что я смотрела на него с галереи, выглядел очень высоким – значительно выше шести футов. Широкие плечи, узкие бедра, стройные мускулистые ноги. Кисти рук поражали своим изяществом и притягивали взгляд – странно, что они принадлежат такому атлету.

Я оглядела его с ног до головы, а он не отрываясь смотрел на меня. Глаза казались на расстоянии черными – чернее ночи, над ними изгибались густые и такие же черные брови, одна из которых была вопросительно поднята. Надбровные дуги смыкались с высокими скулами. Единственной мягкой чертой на этом прекрасном, безупречно правильном лице был большой рот, выглядевший так же странно, как и тонкие пальцы.

Меня нервировало не столько физическое совершенство, сколько хищное сочетание силы, ловкости и ума, ощущаемое даже на расстоянии. На вампире были черные брюки и серый свитер, черные локоны коротко подстрижены на затылке; незнакомец походил на пантеру, которая готова в любой момент наброситься, но пока медлит.

Бледные губы дрогнули в учтивой улыбке, зубы видно не было, но я очень даже хорошо представляла себе эти острые, совершенно ровные зубы.

Одна мысль о них вызвала прилив адреналина. Кончики пальцев защипало. «Беги отсюда сию же минуту!» – подсказывали инстинкты.

Лестница, до которой было четыре шага, показалась мне очень далекой. Я ринулась вниз, споткнулась на последней ступеньке и угодила прямо в объятия вампира – он, разумеется, двигался быстрее меня.

Пальцы у него были прохладные, а руки гораздо сильнее, чем у простого смертного. В воздухе витал запах гвоздики, корицы и каких-то вроде бы благовоний. Вампир, отпустив меня, с легким поклоном подал мне упавшие «Ноутс энд квайериз».

– Доктор Бишоп, если не ошибаюсь?

Я кивнула, дрожа с головы до пят.

Длинными бледными пальцами правой руки он достал из кармана визитную карточку, белую с голубым, и протянул мне:

– Мэтью Клермонт.

Я взяла карточку за уголок, стараясь не прикасаться к этим пальцам. Рядом с фамилией – знакомый университетский девиз, три короны и открытая книга. Разные звания – да его уже приняли в Королевское общество.

Неплохо для того, кому на вид и сорока нет, – на самом-то деле он наверняка старше раз в десять.

Научная специальность... ну что ж, ничего странного, если вампир является профессором биохимии, состоит в Оксфордской неврологической ассоциации при больнице Джона Рэдклиффа. Кровь и анатомия – это вампиры любят. На карточке, помимо офисного, значились телефоны трех разных лабораторий и электронный адрес. Раньше мы с ним не встречались, но недоступным его вряд ли можно назвать.

– Профессор Клермонт, – пискнула я, подавляя желание с воплями броситься к выходу.

– Мы с вами не знакомы...

В его произношении (типичный выпускник Оксфорда или Кембриджа) слышались какие-то мягкие нотки, но акцент я затруднялась определить. Глаза, неотрывно на меня глядевшие, вблизи оказались совсем не черными – расширенные зрачки окаймляла зеленовато-серая радужка. Оторвать от них взгляд я никак не могла...

– ...но я большой поклонник ваших трудов.

Я опешила. Профессор биохимии может, конечно, интересоваться алхимиками семнадцатого века, но вряд ли. Держась за воротник белой блузки, я оглядела читальный зал, где нас было двое. Хоть бы одна душа у старинных дубовых ящиков каталога или за одним из компьютеров, а библиотекарь сидит слишком далеко, чтобы прийти мне на помощь.

– Ваша статья об алхимической символике цветов прямо-таки захватила меня, а работу о подходе Роберта Бойля к расширению и сжатию вещества я нашел вполне убедительной. – То, что в разговоре участвовал он один, его, видимо, не смущало. – Вашу последнюю книгу об алхимическом ученичестве я еще не закончил, но читаю с большим удовольствием.

– Спасибо, – пролепетала я.

Его взгляд переместился к моему горлу, а потом снова на лицо, когда я перестала тереть пуговицу на шее.

– Вы наделены даром оживлять прошлое – читатель сразу же это чувствует. – Я приняла это за комплимент – уж кому знать, как не вампиру. Клермонт немного помолчал и спросил: – Не согласитесь ли вы со мной поужинать?

У меня отвисла челюсть. В библиотеке мне, конечно, от него не уйти, но ужинать с ним? Учитывая еще, что нормальную еду он явно не ест.

– У меня другие планы на вечер! – выпалила я.

Что бы такое придумать? Клермонт явно понимает, что я колдунья, а Мейбон я, очевидно, не праздную.

– Жаль, – с легкой улыбкой промурлыкал он. – Может быть, в другой раз. Вы приехали на год, верно?

Рядом с вампиром всегда чувствуешь себя не в своей тарелке, а гвоздичный аромат, идущий от Клермонта, напомнил мне запах «Ашмола-782». Думать я толком не могла, а потому просто кивнула.

– Так я и думал. В таком случае наши дороги неизбежно пересекутся, Оксфорд – очень маленький город.

– Очень, – поддакнула я, жалея, что не поехала в Лондон.

– Тогда до встречи, доктор Бишоп. Был очень рад познакомиться. – Клермонт протянул руку.

Его глаза, не считая краткого экскурса к шее, все время смотрели прямо в мои, – кажется, он и не моргал даже. Я призвала все свое мужество, не желая первой отводить взгляд.

Помедлив секунду, я пожала протянутую руку. Вампир слегка стиснул мои пальцы. Потом отступил, улыбнулся и растаял в библиотечном мраке.

Когда немного отошли похолодевшие пальцы, я вернулась к своему столу и выключила компьютер. «Зачем же ты нас брала, если даже взглянуть не хочешь?» – словно укоряли меня «Ноутс энд квайериз». Список вопросов тоже смотрел с укором. Я вырвала его из блокнота, скомкала и бросила в корзину, бормоча:

– Довлест дневи злоба его.

Вечерний смотритель читального зала взглянул на свои часы, когда я вернула книги:

– Рано сегодня уходите, доктор Бишоп?

Я кивнула, плотно сжав губы: мне очень хотелось спросить, знает ли он, что в секции палеографии только что был вампир.

Библиотекарь принял от меня стопку картонных папок с манускриптами.

– Оставить за вами на завтра?

– Да-да. Оставьте.

Приличия соблюдены – можно наконец удалиться. Стук моих каблуков отражался эхом от каменных стен. Через ажурную железную дверь читального зала, мимо книжных шкафов, огороженных бархатными шнурами, вниз по истертым деревянным ступеням в закрытый двор. Я прислонилась к чугунной ограде вокруг бронзовой статуи Уильяма Герберта⁹ и вдохнула холодный воздух, изгоняя запах гвоздики с корицей.

«Мало ли чего в Оксфорде не случается по ночам, – сказала я себе назидательно. – Еще один вампир в городе, вот и все».

Домой, несмотря на все здравые рассуждения, я шла быстрее обычного. На темной Нью-Колледж-лейн было и обычно-то страшновато. Я открыла с помощью своей карточки заднюю калитку Нового колледжа, а когда она с щелчком захлопнулась за мной, немного расслабилась, как будто каждая дверь и стена между мной и библиотекой прибавляла мне безопасности. Теперь мимо часовни по узкому проходу во внутренний двор, примыкающий к единственному сохранившемуся в Оксфорде средневековому садику. Глядя на зеленую горку в его середине, студенты некогда размышляли о тайнах природы и Бога. Шпили и арки колледжа сегодня казались мне готическими как никогда, и я торопливо юркнула внутрь.

Ну вот я и дома, можно вздохнуть свободно. Преподавательский корпус, в котором помещалась моя квартира, предназначался для гостей, ранее учившихся в Оксфорде. Сама квартира располагалась на последнем этаже и состояла из спальни, гостиной с круглым обеденным столом и маленькой, но хорошо оборудованной кухни. Старые гравюры, деревянные панели, обшарпанная мебель конца девятнадцатого столетия, видимо стоявшая в прошлом в преподавательской гостиной и доме декана.

Я сунула в тостер два ломтика хлеба, выпила залпом стакан холодной воды, открыла окно (в комнатах было душно). Вернулась с едой в гостиную, скинула туфли, включила проигрыватель. Зазвучала прозрачная мелодия Моцарта. Садясь на диван с бордовой обивкой, я собиралась отдохнуть пару минут, принять ванну и просмотреть сделанные за день заметки... а проснулась в полчетвертого утра с колотящимся сердцем, затекшей шеей и привкусом гвоздики во рту.

Я снова напилась воды, закрыла кухонное окно, поежившись от холода и сырости, взглянула на наручные часы и прикинула в уме: не позвонить ли домой? Там всего пол-одиннадцатого, а Сара и Эм – настоящие совы. Я выключила свет везде, кроме спальни, взяла мобильник. Скинула грязную одежду – и почему это в библиотеке всегда так пачкаешься? Надела старые штаны для йоги и черный свитер с растянутым воротом – удобней всякой пижамы.

Я уселась на кровать, такую манящую, реальную, успокоилась и чуть не передумала насчет звонка, но вода так и не смыла привкуса гвоздики. Я набрала номер и тут же услышала:

– Мы ждали, что ты позвонишь.

Колдуньи.

– Все нормально, Сара, – вздохнула я.

– У меня совершенно другое впечатление. – Младшая сестра моей матери, по обыкновению, взяла быка за рога. – Табита весь вечер как на иголках, у Эм было видение, что ты заблудилась ночью в лесу, а я ничего не могу проглотить с самого завтрака.

С этой проклятой кошкой вечно беда. Табита – Сарино дитяtko и сразу чувствует, когда в семействе что-то не так.

– Говорю тебе, все в порядке. Неожиданная встреча в библиотеке, ничего больше.

Щелчок: Эм взяла трубку на другом аппарате.

– А почему ты Мейбон не празднуешь? – спросила она.

⁹ Уильям Герберт, 3-й граф Пемброк (1580–1630), был ректором Оксфордского университета, основал Пемброк-колледж.

Эмили Метер я помню с самого раннего детства. В старших классах школы они с Ребеккой Бишоп работали как-то летом на Плимутской плантации¹⁰ – помогали на раскопках, рыли ямы, возили тачки. Они подружились и переписывались все время, пока Эм училась в Вассаре, а мать в Гарварде. В Кембридже они снова встретились – Эм работала там в детской секции библиотеки. После смерти моих родителей Эм сначала проводила у нас в Мэдисоне все выходные, а потом устроилась в местную начальную школу. Они с Сарой стали неразлучной парой, хотя Эм снимала в городе собственную квартиру и в спальню они при мне никогда вместе не уходили, пока я не выросла. Но ни меня, ни соседей, ни вообще кого бы то ни было в Мэдисоне обмануть они не могли. Все относились к ним как к паре, где бы они там ни спали. Когда я уехала из дома Бишопов, Эм и вовсе переселилась туда. Она, как и мои мать с теткой, происходила из старинного колдовского рода.

– Меня приглашали, но я решила поработать.

– Это колдунья из Брин-Мора тебя приглашала?

Американской классицисткой Эм интересовалась в основном потому, что когда-то встречалась с матерью Джиллиан (о чем сама проговорила одним летним вечером после изрядного количества выпитого вина, молвив туманно: «Это было в шестидесятых»).

– Да, она, – устало ответила я.

Сара и Эм были убеждены, что теперь, получив постоянное место в университете, я наконец опомнюсь и начну всерьез относиться к своей магии. Разубедить их было невозможно – они трепетали от волнения всякий раз, как я вступала в контакт с кем-нибудь из колдунов.

– Но я провела вечер не с ней, а с Элиасом Ашмолем.

– Кто это? – спросила Эм Сару.

– Да так, книги собирал по алхимии. Умер уже.

– Я еще здесь, между прочим, – напомнила я.

– Так кто же тебя отвлек? – спросила Сара.

Нечего и пытаться скрыть хоть что-то от колдуний.

– Я встретила в библиотеке вампира. Некого Мэтью Клермонта. Никогда прежде его не видела.

Эм на том конце, видимо, припоминала знакомую нечисть. Сара тоже молчала (видимо, решала, вспылить или нет), а потом отрезала:

– Надеюсь, от него будет легче избавиться, чем от даймонов, которые к тебе так и липнут.

– Даймоны не приближались ко мне с тех пор, как я бросила сцену.

– А тот, из Библиотеки Бейнеке?¹¹ Когда ты только начала работать в Йеле? – напомнила Эм. – Шел по улице, а потом вдруг отправился за тобой.

– Он был психически нестабилен, – возразила я.

Подумаешь, поколдовала разок со стиральной машиной или нечаянно привлекла любопытного даймона. Это не в счет.

– Ты притягиваешь сверхъестественных созданий, как цветок – пчел, Диана, но даймоны и вполтину не так опасны, как вампиры. Держись от него подальше, – сурово велела Сара.

– Я не собираюсь искать с ним встреч. – Пальцы опять сами собой потянулись к шее. – Ничего общего у нас нет.

– Дело не в этом, – повысила голос Сара, – а в том, что колдуны не должны общаться с вампирами или даймонами. Ты сама знаешь, что людям в подобных случаях легче нас обнаружить. Ни один даймон или вампир не стоит такого риска.

Из всех существ, населявших наш мир, Сара принимала всерьез только колдунов. Людей она почитала несчастными слепыми созданиями, даймонов, этих вечных подростков, считала

¹⁰ Музей под открытым небом в штате Массачусетс, на месте поселения английских колонистов XVIII в.

¹¹ Библиотека Бейнеке – библиотека редких изданий и рукописей Йельского университета.

не заслуживающими доверия, вампиры в ее иерархии стояли ниже кошек и примерно на ступень ниже псов-дворянжек.

– Ты давно уже научила меня этим правилам, Сара.

– Правила не все соблюдают, милая, – заметила Эм. – Что ему было нужно?

– Сказал, что его интересуют мои работы. Но он биолог, поэтому я в это не слишком верю, – стала рассказывать я, теребя одеяло. – На ужин меня приглашал.

– На ужин? – переспросила недоверчиво Сара.

– Ресторанное меню потребностям вампира не очень-то отвечает, – засмеялась Эм.

– Вряд ли я еще его увижу. Судя по визитке, он руководит тремя лабораториями и занимает две преподавательские должности.

– Типичный случай, – пробормотала Сара. – Вот что бывает, когда время девать некуда. И перестань мусолить одеяло – дырку протрешь. – Включив свой колдовской радар на полную мощность, она не только слышала меня, но и видела.

– Он не обкрадывает пожилых дам и не рискует чужими деньгами на бирже, – возразила я (баснословное богатство вампиров было всегдашним Сариным пунктиком). – Он биохимик и врач, мозгом занимается.

– Все это очень интересно, Диана, но чего он на самом деле хотел? – На мое раздражение Сара отвечала своим нетерпением – обычный диалог между двумя женщинами из рода Бишопов.

– Уж точно не ужинать ее повести, – уверенно вставила Эм.

– Но чего-то он точно хотел, – фыркнула Сара. – Вампиры колдуньям свиданий не назначают – если, конечно, он не намеревался поужинать тобой. Колдовскую кровь они обожают.

– Может, любопытничал просто... или ему в самом деле понравились твои книги. – Сомнение в голосе Эм вызвало у меня смех.

– Нам не пришлось бы вести этот разговор, прими ты элементарные меры предосторожности, – заворчала Сара. – Защитное заклинание, немного предвидения...

– Не стану я пользоваться магией, чтобы узнать, зачем вампир хотел со мной поужинать, – твердо ответила я. – Это не обсуждается, Сара.

– Не хочешь нас слушать – так не звони и не спрашивай. – Терпение Сары, как обычно, подошло к концу, и она бросила трубку.

– Ты же знаешь, как Сара волнуется за тебя, – извиняющимся голосом произнесла Эм. – Она понять не может, почему ты не пользуешься своим даром – хотя бы в целях самозащиты.

Потому что за пользование даром надо платить – я им это уже не раз объясняла.

– Это скользкий путь, Эм, – снова попыталась я. – Сегодня защищаешься от вампира в библиотеке, завтра от трудного вопроса на лекции. Потом начинаешь подбирать тему для исследования так, чтобы наверняка выиграть грант. Для меня очень важно самой создать себе репутацию, а с магией у меня не будет ничего по-настоящему своего. Не хочу быть очередной колдуньей Бишоп. – Я собиралась уже было рассказать Эм об «Ашмоле-782», но что-то меня удержало.

– Знаю, милая, знаю, – проворковала Эм, – но Сара все равно беспокоится. Ты у нее теперь единственная родня.

Я запустила пальцы в волосы, потерла висок. В разговорах такого рода всегда всплывают мои родители. Сказать ей еще об одном тревожном моменте или не говорить?

– Что, милая? – Своим шестым чувством Эм уловила мою тревогу.

– Он знал мое имя. Мы виделись впервые, но он знал, кто я.

Эм задумалась.

– Но ведь на обложке твоей последней книги есть фотография?

Я с шумом выдохнула:

– Ну конечно. Какая я глупая! Поцелуй за меня Сару, ладно?

– Обязательно поцелую. Будь осторожна, Диана, слышишь? Может быть, английские вампиры ведут себя с колдуньями не так образцово, как американские.

Я улыбнулась, вспоминая, как учтиво поклонился мне Клермонт:

– Хорошо. Ты не волнуйся, скорее всего, мы с ним больше не встретимся.

Эм промолчала.

– Эм?

– Время покажет.

Эм предсказывала будущее не так хорошо, как это, по слухам, делала моя мать. Ее что-то грызло, но заставить колдунью поделиться смутными подозрениями – дело почти невозможное. Она не скажет мне, что беспокоит ее в Мэтью Клермонте. Во всяком случае, сейчас.

Глава 3

Вампир сидел в темноте на крытом мостике, перекинутом через Нью-Колледж-лейн который соединял два здания Хэртфорд-колледжа. Мэтью прислонился спиной к изъеденной временем каменной стене одной из новейших построек колледжа, а ногами уперся в кровлю моста.

Колдунья, на удивление уверенно преодолев неровный булыжник у Бодлианской библиотеки, прошла прямо под ним, ускоряя шаг. Она нервничала и из-за этого казалась ранимой и совсем юной.

Вот тебе и маститый историк, усмехнулся вампир, припоминая факты ее биографии. Он видел ее фото, но все-таки полагал, что женщина, успевшая добиться таких академических успехов, должна быть старше.

Диана Бишоп, несмотря на все беспокойство, шагала, выпрямив спину и развернув плечи. Пожалуй, напугать ее будет не так легко, как он рассчитывал: в библиотеке колдунья встретила его взгляд без страха, который Мэтью привык внушать всем невампирам, да и многим вампирам тоже.

Бишоп свернула за угол, и Мэтью прокрался за ней по крышам до ограды Нового колледжа, а потом соскользнул вниз. Зная расположение корпусов, он догадывался, где находятся ее комнаты. Когда она начала подниматься по лестнице, он уже спрятался в нише напротив.

Она зажгла везде свет, отворила окно в кухне и скрылась из глаз.

Хорошо. Не придется бить стекла или вскрывать замок.

Мэтью быстро пересек двор и без труда вскарабкался по старой стене, цепляясь за медный водосток и разросшиеся побеги плюща. Отсюда он хорошо чувал запах колдуньи и слышал шелест переворачиваемых страниц. Вытянув шею, он заглянул в окно.

Бишоп читала. Ее спокойное лицо выглядело совсем по-другому. Кожа, можно сказать, идеально облегла костяк. Вот голова ее медленно наклонилась, с тихим усталым вздохом колдунья откинулась на подушки. Вскоре по ровному дыханию Мэтью определил, что она спит.

Он запрыгнул в полуоткрытое окно кухни. Давно он уже не забирался вот так в комнаты, где обитала женщина, да и в прежние времена делал это редко, разве что в пылу страсти. На сей раз им двигало нечто совсем другое, но пришлось бы долго объясняться, если бы кто-нибудь застал его здесь.

Мэтью нужно было узнать, не у нее ли «Ашмол-782». Ее стол в библиотеке он не успел обыскать как следует. Среди заказанных ею на сегодня рукописей нужного тома, насколько он видел, не было, но какая колдунья, особенно Бишоп, выпустит такую книгу из рук? Мэтью бесшумно прочесал небольшую квартирку. Ни в спальне, ни в ванной книги не обнаружилось.

Он подкрался к дивану, на котором спала колдунья. Ее веки дрожали, как будто она смотрела видимый ей одной фильм, одна рука сжалась в кулак, ноги то и дело дергались, словно в танце, – но, несмотря на все то, что вытворяло тело, лицо оставалось безмятежным.

Что-то здесь не так – он почувствовал это сразу, увидев Бишоп в библиотеке. Мэтью разглядывал ее, скрестив руки, и никак не мог разгадать. От нее не пахло обычными кодовскими запахами – беленой, полыню и серой. Что-то она скрывает, думал он, дело тут не просто в пропавшей рукописи.

Стол, который она использовала как письменный, был завален книгами и бумагами. Скорее всего, там и лежит похищенный том. Мэтью сделал шаг к столу и замер, почуяв запах электричества.

Тело Дианы Бишоп излучало бледно-голубой, почти белый свет. Он окутал ее прозрачным саваном, и на мгновение она словно замерцала. Мэтью, уже несколько веков не видевший, чтобы с колдунами происходило подобное, потряс головой.

Но его ждало неотложное дело, и вампир возобновил поиски. На столе книги не было. Мэтью сердито провел рукой по волосам. Запах колдуньи отвлекал его, сбивал с толку. Бишоп заворочалась, подтянула коленки к груди, и снова заструился загадочный свет, вспыхнул, угас.

Мэтью нахмурился. То, что он подслушал вчера вечером, не совпадало с тем, что он видел собственными глазами. Две колдуньи сплетничали о третьей, заказавшей «Ашмол-782». «Эта американка не пользуется своей магической силой», – говорила одна, но Мэтью наблюдал эту силу как в библиотеке, так и теперь – она буквально сочилась из спящей Бишоп. Эта женщина, скорее всего, пользовалась магией и для научных изысканий. Многие, о ком она писала, были друзьями Мэтью: Корнелиус Дреббель¹², Андреас Либавиус¹³, Исаак Ньютон. Бишоп удалось весьма достоверно описать все их мании и чудачества – разве способен современный историк без помощи магии так понимать людей, живших давным-давно? Быть может, она и его, Мэтью, сумеет разглядеть с той же дьявольской зоркостью?

Трижды пробили часы, и он вздрогнул. В горле пересохло. Мэтью осознал, что уже несколько часов стоит неподвижно, глядя на спящую, на то, как вздымаются и опадают волны колдовской силы. Не утолить ли жажду, отведав колдовской крови? Это может навести его на след книги и раскрыть прочие ее тайны. Но вампир сдержался. «Ашмол-782» – больше ему ничего от этой загадочной Бишоп не нужно.

Раз книга не у нее, значит в библиотеке.

Вампир выскользнул в кухонное окно и растворился в ночи.

¹² *Корнелиус Дреббель* (1572–1633) – голландский изобретатель, оптик и химик.

¹³ *Андреас Либавиус* (Либау; 1555–1616) – немецкий врач, химик.

Глава 4

Так я и проснулась четыре часа спустя – на застланной кровати, с телефоном в руке. Правая нога свесилась, тапка с нее упала. Бросив взгляд на часы, я ахнула. Придется отменить греблю, а заодно и пробежку.

Я наскоро приняла душ и, прихлебывая обжигающий чай, стала сушить свои соломенного цвета волосы длиной до плеч. Расчесывай – не расчесывай, они у меня непослушные, как у большинства колдуний. Сара винила в этом избыток магии в организме и твердила, что регулярное ее применение способствует понижению статического электричества.

Почистив зубы, я влезла в джинсы, свежую белую блузку, черный жакет. Знакомый ритуал, привычная одежда – почему же сегодня мне кажется, что все сидит на мне как-то не так? Я одернула жакет. Ну, скверно сшито, что ж тут поделаешь.

Из зеркала на меня смотрело лицо матери. Не помню, когда это сходство установилось полностью – в колледже, что ли? Никто его не замечал, пока я не приехала домой с первого курса на День благодарения, но с тех пор от всех, знавших Ребекку Бишоп, я только о нем и слышу.

Какая я бледная – это от недосыпа. На белом лице веснушки, унаследованные от отца, выделялись предельно четко, но темные круги под глазами их переплюнули. Даже нос с подбородком как-то выдались и удлиннились. Интересно, как выглядит по утрам безупречный профессор Клермонт? Вероятно, не хуже, чем вчера вечером. Негодяй. Я скорчила зеркалу рожицу.

В дверях я остановилась и оглядела квартиру. Что-то не переставало меня беспокоить. Что-то важное. Забытая встреча? Невыполненное задание? Мне стало не по себе, в животе что-то сжалось, но потом прошло. Проверив ежедневник и скопившуюся на столе почту, я списала странные ощущения на голод и вышла на лестницу. По дороге любезные дамы с кухни дали мне тост. Они помнили меня еще аспиранткой и каждый раз, когда я выглядела расстроенной, пытались накормить яблочным пирогом.

Тост и булжчик на Нью-Колледж-лейн убедили меня в том, что события прошлой ночи мне просто приснились. Волосы цеплялись за воротник, дыхание слегка белело на холодке. Утренний Оксфорд, с его мокрыми мостовыми, косыми лучами солнца в тумане, фургонами, доставляющими еду на кухни колледжа, и запахом пригоревшего кофе, воплощал собой все, что есть на свете нормального. Вампиры в таких местах не водятся.

Служитель Бодлианской библиотеки, в синем форменном пиджаке, рассматривал мой читательский билет так, словно видел меня впервые и подозревал во мне прославленную книжную воровку, но наконец пропустил. Достав бумажник, блокнот и компьютер, я поставила сумку в одну из клетушек у двери и поднялась по винтовой деревянной лестнице на третий этаж.

Библиотечный запах – древний камень, пыль, жуки-древоточцы, старая тряпичная бумага – всегда поднимал мне настроение. В лучах лившегося в окна солнца плясали пылинки, пятна света ложились на древние стены и потрепанные объявления о прошлогодних лекциях. Очень скоро, когда откроются шлюзы и орды студентов затопят такой умиротворенный сейчас город, здесь появятся свежие объявления.

Тихонько напевая, я кивнула бюстам Томаса Бодли и короля Карла I, охраняющим арку входа в читальный зал герцога Хамфри, толкнула створки, вошла и тут же услышала голос заведующего, в котором угадывалось отчаяние:

– Придется посадить его в Селден-Энде.

Библиотека только что открылась, но у персонала уже возникли проблемы. Раньше я наблюдала подобную суету лишь в случае визита особо именитых ученых.

– Он уже там. Сделал заказ и ждет. – Вчерашняя девушка-библиотекарь, державшая в руках стопку книг, нахмурилась при виде меня. – Это тоже его – принесли из зала Нью-Бодлиан.

Там хранилась восточноазиатская литература: не моя тематика – так что я сразу потеряла интерес к загадочному посетителю.

– Отнесите ему и скажите, что заказанные рукописи поступят в течение часа. – С этими словами взбудораженный мистер Джонсон скрылся в своем кабинете.

Шон закатил глаза.

– Привет, Диана, – приветствовал он меня. – Выдать то, что оставлено за тобой?

– Да, пожалуйста, – прошептала я, предвкушая встречу с манускриптами. – Похоже, у вас важный посетитель?

– Да уж, – сухо отозвался Шон, а потом исчез в комнатке, где книги запирались на ночь, и вернулся с моими сокровищами. – Держи. Номер места?

– А4.

Я всегда сидела там, в юго-восточном углу Селден-Энда, где естественное освещение было лучше всего.

– Видите ли, доктор Бишоп, – тут же подскочил мистер Джонсон, – место А3 занял профессор Клермонт. Возможно, вам будет удобнее на А1 или А6. – Заведующий, нервно переминаясь с ноги на ногу, поправил очки. Его глаза моргали за толстыми стеклами.

– Профессор Клермонт?!

– Да. Он работает с записями Нидема – ему нужен свет и пространство, чтобы их разложить.

– Джозеф Нидем, историк, изучающий китайскую науку? – У меня заклокотало где-то в области солнечного сплетения.

– Да. Он тоже был биохимиком, отсюда и интерес профессора Клермонта. – Озабоченность мистера Джонсона возрастала с каждой секундой. – Ну так как же? Вы согласны занять А1?

– Лучше А6.

Сидеть рядом с вампиром, хотя бы и через одно место, мне как-то не улыбалось, но сидеть напротив было и вовсе невыносимо. Попробуй сосредоточиться под таким взглядом. Будь столы в средневековом крыле поудобнее, я уселась бы под одной из горгулий, стерегущих узкие окна, и уж как-нибудь вытерпела бы неодобрение Джиллиан Чемберлен.

– Превосходно. Спасибо, что отнеслись с пониманием, – облегченно вздохнул мистер Джонсон.

Войдя в светлый Селден-Энд, я прищурилась. Клермонт выглядел ничуть не хуже вчерашнего, но его кожа поражала бледностью по контрасту с черными волосами. Сегодня на нем был серый с зеленым свитер с открытым воротом, чуть приподнятым сзади, а также – как обнаружилось при взгляде под стол – серые брюки, носки в тон и черные ботинки, стоявшие явно больше, чем гардероб какого-нибудь ученого.

Ощущение беспокойства вернулось. Почему он сидит в библиотеке, а не у себя в лаборатории?

Я даже не думала ступать тише обыкновенного, но вампир, углубившийся в чтение, меня как будто не замечал. Он сидел по диагонали, за дальним столом. Я шлепнула пластиковый пакет и книги на место А5, обозначив границы своей территории, – лишь тогда он с явным удивлением вскинул брови:

– Доктор Бишоп! Доброе утро.

– Профессор Клермонт...

Он, вероятно, слышал все, что говорили про него на выдаче при входе в зал, – слух у вампиров как у летучих мышей. Не глядя ему в глаза, я вынула из пакета свое имущество

и воздвигла на столе целую крепостную стену, отгородившись от чужих взглядов. Клермонт дождался, когда я закончу, и вновь углубился в чтение.

Я подсоединила к компьютеру шнур и залезла под стол, чтобы воткнуть его в розетку. Когда я выпрямилась, вампир все так же читал, старательно сдерживая улыбку.

– На северной стороне вам было бы куда как удобнее, – пробурчала я, пытаюсь найти свой книжный список.

Клермонт поднял на меня глаза, которые из-за расширенных зрачков казались очень темными.

– Я вам мешаю, доктор Бишоп?

– Нет, что вы! – торопливо отозвалась я; у меня свело горло от внезапного резкого аромата гвоздики. – Просто удивляюсь, что это вы выбрали южное крыло.

– Неужели вы верите всему, что написано в книгах? – Черная бровь выгнулась вопросительным знаком.

– Думаю ли я, что вы тут же загоритесь, если на вас упадет луч солнца? Нет, не думаю. – Вампиры не сгорают на солнце, и клыков у них тоже нет. Все это мифы, придуманные людьми. – Но я ни разу не видела, чтобы кому-то из вас нравилось греться на солнышке.

Клермонт не шелохнулся, но я могла бы поклясться, что он подавил смех.

– А какой у вас опыт общения с такими, как я, доктор Бишоп?

И откуда он знает, что такого опыта у меня почти нет? Чувства у вампиров, конечно, острые, но ничем сверхъестественным вроде чтения мыслей они не владеют. Такое под силу лишь колдунам и изредка даймонам. «Так в природе устроено», – объясняла мне тетя, когда я в детстве никак не могла заснуть, потому что боялась, что вампиры унесут через окно мои мысли.

Я внимательно всмотрелась в своего собеседника:

– Мне кажется, профессор Клермонт, что даже многолетний опыт не дал бы ответа на вопрос, который я себе сейчас задаю.

– Буду счастлив ответить, если смогу. – Клермонт закрыл книгу. Он вел себя терпеливо, как учитель, обращающийся ко вздорному и не слишком способному ученику.

– Чего вы, собственно, хотите?

Он непринужденно откинулся на спинку кресла, положив руки на подлокотники.

– Хочу понять, как развивались взгляды доктора Нидема на морфогенез.

– Морфогенез?

– Изменения зародышевых клеток, приводящие к дифференциации...

– Мне известно, что такое морфогенез, профессор Клермонт. Я не об этом спрашивала.

Он скривился. Я защитным жестом скрестила на груди руки.

– Понимаю. – Опершись локтями о подлокотники, вампир сплел длинные пальцы. – Вчера я пришел в Бодлианскую библиотеку посмотреть кое-какие рукописи и решил заодно сориентироваться на местности – вы же понимаете. Я здесь нечасто бываю. Потом увидел в галерее вас и открыл нечто для себя неожиданное. – Его губы снова дернулись.

Я покраснела, вспомнив о своем колдовстве, – и чего ради? Чтобы снять книгу с полки. То, что он старомодно именовал библиотеку ее полным именем, показалось мне очень милым, но я постаралась не подавать виду.

«Осторожней, Диана, – сказала я себе. – Он тебя очаровать пытается».

– Вы хотите сказать, что вампир и колдунья, чинно сидящие друг против друга над рукописями, как самые обыкновенные читатели, – это всего лишь странное стечение обстоятельств?

– За обыкновенного читателя я вряд ли сойду, вы так не думаете? – почти шепотом с издевкой отозвался Клермонт и подался немного вперед, его бледное лицо на свету словно засияло. – Но в целом вы правы. Это всего лишь цепочка совпадений, вполне объяснимых.

– Я думала, что ученые в совпадения больше не верят.

– Некоторым поневоле приходится, – с тихим смехом ответил Клермонт.

Он смотрел прямо на меня, и мне это сильно действовало на нервы. Девушка-библиотекарь подкатила к его столу старинную деревянную тележку с аккуратно сложенными кипами рукописей в картонных коробках.

– Спасибо, Валери. – Вампир перевел взгляд на нее. – Я высоко ценю вашу помощь.

– Всегда рада помочь, профессор Клермонт, – порозовела смущенная Валери, восторженно на него глядя.

Ее вампир очаровал без особых усилий. Я фыркнула.

– Если понадобится что-то еще, обращайтесь, пожалуйста.

С этими словами Валери удалилась в свою комнатку у входа.

Клермонт взял с тележки верхнюю коробку, развязал тесемки длинными пальцами и снова посмотрел на меня.

– Не хочу больше вас отвлекать.

Вот так. Я достаточно имела дело со старшими коллегами и поняла – лучше смолчать: мой ответ только ухудшил бы ситуацию. Я включила ноутбук, изо всех сил ткнув пальцем в кнопку, открыла коробку, взяла первый манускрипт в кожаном переплете и положила его на специальную подставку для чтения.

Следующие полтора часа я провела, снова и снова перечитывая первые страницы. Книга начиналась стихами, приписываемыми Джорджу Рипли¹⁴, – они сулили раскрыть тайны философского камня. После сегодняшних неожиданностей описания того, как создать Черного Дракона, Зеленого Льва и смешать из химических ингредиентов мистическую кровь, казались мне еще более туманными, чем обычно.

Зато Клермонт прилежно трудился – его механический карандаш «Монблан-мастер-штюк» так и летал по бумаге. Слыша шорох переворачиваемых страниц, я стискивала зубы и сызнова начинала чтение.

Мистер Джонсон иногда прогуливался по залу – посмотреть, не портим ли мы, часом, книги. Вампир продолжал строчить, я сверлила гневным взглядом их обоих.

В 10:45 знакомая щекотка предупредила меня о появлении Джиллиан Чемберлен. Она направилась прямо ко мне – видимо, собиралась поделиться впечатлениями от Мейбона, но при виде вампира уронила пакет с бумагой и карандашами. Клермонт поднял голову и смотрел на нее, пока она не ретировалась обратно в средневековое отделение.

В 11.10 я ощутила на шее легкий поцелуй – явился даймон-кофеман из зала с литературой о музыке. В руках он теребил белые наушники – сначала намотал на пальцы, потом раскрутил. Даймон заметил меня, кивнул Мэтью и уселся за один из библиотечных компьютеров в центре зала. «НЕИСПРАВЕН. ВЫЗВАТЬ ТЕХНИКА», – гласила приклеенная к экрану записка, но даймон просидел как ни в чем не бывало добрых несколько часов. Временами он оглядывался через плечо или смотрел в потолок, точно не мог понять, где он и как, собственно, здесь оказался.

Я углубилась в Рипли, чувствуя макушкой холодный взгляд Клермонта.

В 11.40 такой же ледяной взгляд уперся мне в спину.

Ну, это уже слишком. Сара всегда говорила, что на десять человек обязательно приходится одно создание, но сегодня в зале герцога Хамфри нелюдей собралось впятеро больше, чем людей. И откуда они только взялись?

Резко вскочив с места, я обернулась. Ангелоподобный вампир с охапкой средневековых служебников в руках и с тонзурой втискивался в слишком маленькое для него кресло. Под моим яростным взглядом он испуганно пискнул. Потом увидел Клермонта, побледнел (выходит, вампиры тоже бледнеют), с виноватым видом откланялся и улизнул в темный угол.

¹⁴ Джордж Рипли – знаменитый английский алхимик XV в.

За день Селден-Энд посетили несколько человек и еще трое созданий.

Две вампириши, по виду сестры, прошли мимо Клермонта к стоявшим подле окна полкам с литературой по местной истории. Взяли по книжке о первобытных жителях Бедфордшира и Дорсета и стали что-то писать по очереди в одном на двоих блокноте. Клермонт стремительно повернулся на шепот одной из них (у нормального существа от такого шея бы сразу сломалась). От его тихого шипения у меня волосы на затылке встали дыбом. Вампириши переглянулись и удалились столь же неслышно, как и вошли.

Третьим был пожилой мужчина. Он долго стоял на ярком солнце и восхищенно рассматривал свинцовые переплеты окон, а потом перевел взгляд на меня. Одет он был в обычном академическом стиле – коричневый твидовый пиджак с замшевыми заплатками на локтях, болотно-зеленые вельветовые брюки, хлопковая рубашка с чернильными кляксами на кармане. Сначала я приняла его за обычного оксфордского академика, но потом кожа покрылась мурашками, и я поняла, что это колдун. Мы не были знакомы, так что я снова углубилась в чтение.

Однако легкое давление в области затылка мешало сосредоточиться. Когда оно переместилось на уши и обручем обхватило лоб, внутри у меня все сжалось от страха. Это было уже не приветствие, а угроза, но с какой стати мне угрожает незнакомый колдун?

С показной непринужденностью он подошел к моему столу, и в разболевшейся голове послышался шепот. Слов я не разбирала. Ясно было, что шепчет колдун, – знать бы еще, кто он.

Дыхание мое участилось. «*Уйди из моей головы*», – произнесла я мысленно, но яростно, взявшись за лоб.

Клермонт в одно мгновение оказался рядом – одна рука на спинке моего кресла, другая плашмя на столе. Его широкие плечи нависли надо мной, как крылья ястреба над добычей.

– У вас все в порядке?

– В полном, – пробормотала я, окончательно сбита с толку. Зачем вампир защищает меня от такого же, как я, колдуна?

На галерее какая-то читательница вытянула шею посмотреть, что тут за шум. Она встала, нахмурилась – любой человек обратит внимание на колдунов и вампира, если они соберутся вместе.

– Оставьте меня в покое: люди нас заметят, – прошипела я.

Клермонт, выпрямившись во весь рост спиной к колдуну, загораживал меня от него, как ангел-хранитель.

– Извините, – промурлыкал колдун, – я думал, это место свободно...

Его шаги начали удаляться, и давление в моей голове постепенно прошло.

Вампир протянул было руку к моему плечу, но, помедлив, снова положил ее на спинку кресла. На меня повеяло прохладным ветерком.

– Вы так бледны, – тихо промолвил Клермонт. – Хотите, провожу вас домой?

– Нет. – Я потрясла головой, надеясь, что он уйдет и даст мне собраться.

Читательница с галереи все еще подозрительно наблюдала за нами.

– Доктор Бишоп, я думаю, мне следует проводить вас домой.

– Нет! – повторила я громче, чем нужно, а потом перешла на шепот: – Я не дам себя выжить из этой библиотеки – ни вам, ни кому-либо другому.

Клермонт наклонился чересчур близко ко мне и медленно вдохнул. На меня снова повеяло гвоздикой и корицей. Поняв по моему взгляду, что я не шучу, он сжал губы и вернулся на свое место.

Напряжение разрядилось. Я с грехом пополам добралась до второй страницы, Клермонт листал свои заметки и исписанные блокноты с видом судьи, выносящего приговор по крайне сложному делу.

К трем часам нервы у меня сдали окончательно. День пропал впустую.

Я собрала вещи, уложила рукопись в папку.

– Домой идете, доктор Бишоп? – мягко, но с огоньком в глазах спросил Клермонт.

– Да, – отрезала я.

Вампир принял невозмутимый вид.

Все создания проводили меня глазами – зловещий колдун, Джиллиан, вампир-монах, даже даймон. Библиотекаря, работавшего после обеда, я не знала, поскольку обычно никогда в это время не уходила. Мистер Джонсон слегка отодвинул стул, увидел, что это я, и удивленно посмотрел на часы.

Распахнув стеклянные двери библиотеки, я вышла вон и вдохнула полной грудью. Но чтобы прийти в себя, одного свежего воздуха было мало.

Четверть часа спустя, облачившись в растянутые легинсы, выцветшую майку с надписью «Лодочный клуб Нового колледжа», флисовый пуловер и кроссовки, я отправилась на пробежку.

У реки мне стало немного легче. Один из врачей, наблюдавших за мной, называл мои тревожные приступы адреналиновым отравлением. Они мучили меня с детства. Мой организм, объяснял врач, по каким-то непонятным причинам все время пребывает в настороженном состоянии. Другой специалист на полном серьезе сказал тете Саре, что это наследие предков – охотников-собирателей. Излишек адреналина в крови мне надлежало понижать с помощью бега – будто я убегающая ото льва горная коза.

К несчастью для того доктора, я побывала вместе с родителями в Серенгети и видела, как это происходит в реальности. Участь, постигшая козу, произвела на меня весьма сильное впечатление.

С тех пор я перепробовала и лекарства, и медитацию, но лучше всего снимала панику именно физическая активность. В Оксфорде я занималась греблей – по утрам, пока на узкую речку не вышли лодочные команды. Но сейчас, пока не начался учебный год, и днем народу не будет.

Под ногами хрустел гравий. Приблизившись к лодочным сараям, я помахала лодочнику Питу – он возился с разводным ключом и смазкой, исправляя причиненный спортсменами-студентами ущерб. Я остановилась у седьмого сарая, отдышалась, дожидаясь, пока не пройдет боль в боку, взяла ключ с фонаря у дверей.

Внутри стояли белые с желтым лодки: большие восьмерки для мужчин, чуть поуже для девушек и прочие, всевозможных форм и размеров. На носу совсем новой, не оснащенной пока лодки висела табличка: «ЛЮБОВНИЦУ ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА БРАТЬ ТОЛЬКО С РАЗРЕШЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КЛУБА». Имя лодки, названной в честь персонажа, которого придумал выпускник Нового колледжа¹⁵, аккуратно вывели на борту викторианским шрифтом.

Позади висело на стропах суденышко менее двенадцати дюймов в ширину, но длиной добрых двадцать пять футов, висело низко – как раз на уровне пояса. Я мысленно поблагодарила Пита. На банке лежала записка: «В следующий понедельник лодка снова будет на стапеле: командная тренировка».

Я скинула кроссовки, взяла со стойки у двери весла с гнутыми лопастями, отнесла их на пристань и вернулась за лодкой.

Спустив ялик на воду, я поставила ногу на банку, чтобы он не уплыл, и вдела весла в уключины. Придерживая их одной рукой, как пару очень больших палочек для еды, осторожно ступила в лодку и оттолкнулась. Лодочка отошла от причала.

Гребля была для меня чем-то вроде религии: раз за разом повторяющиеся ритуалы и движения превратились в своего рода медитацию. Обряд начинался, когда я прикасалась к

¹⁵ Имеется в виду писатель Джон Фаулз.

лодке, но настоящая магия крылась в точности, ритме и силе. Гребля еще со студенческих дней успокаивала меня, как ничто другое.

Весла погрузились в воду, скользнули вперед. Я набрала темп, напрягая ноги, чувствуя упругий напор воды при каждом гребке. Холодный ветер пронизывал меня насквозь при каждом рывке.

Когда ритм установился, я начала испытывать чувство полета. В такие блаженные минуты я парила в пространстве и во времени – невесомое тело на бегущей куда-то реке. Моя быстрая лодочка мчалась вперед, а я составляла с ней и веслами единое целое. Я закрыла глаза, расплылась в улыбке. Все сегодняшние происшествия утратили значение.

За сомкнутыми веками стало темно, над головой загрохотал транспорт: я шла под Доннингтонским мостом. Снова вынырнув на солнце, я открыла глаза, и в грудь мне тут же уперся холодный вампирский взгляд.

На мосту стоял кто-то в длинном развевающемся пальто. Лица я не различала, но, судя по росту и ширине плеч, это был Мэтью Клермонт. Опять!

Выругавшись, я чуть не упустила весло. Городская пристань была недалеко. Так и захотелось нарушить судоходные правила, переправиться на тот берег и съездить вампира по прекрасной голове веслом или, скажем, багром. Обдумывая этот маневр, я увидела на причале стройную женщину в заляпанном краской комбинезоне. Она курила сигарету и говорила по мобильному телефону.

Не совсем обычное зрелище для пристани города Оксфорда.

Женщина подняла глаза, и я ощутила прикосновение. Даймон. Она, по-волчьи ослабившись, сказала что-то в свой телефон.

Просто ни в какие ворота. Сначала Клермонт, а за ним целый хвост нелюдей. Я отказалась от соблазнительного маневра и вложила тревогу в греблю, но все обретенное было спокойствие пропало.

Пройдя вниз по реке, я развернула лодку у паба «Айсис-таверн». У одного из столиков стоял Клермонт. Он добрался сюда от Доннингтонского моста – пешком, заметим себе, – быстрее, чем я на гоночном ялике.

Я сильно нажала на весла, и они приподнялись над лодочкой, словно два крыла. Ялик подошел к плавучему деревянному причалу возле паба. Когда я вылезла, Клермонт уже преодолел двадцать футов лужайки, разделявших нас. Под его тяжестью причал чуть качнуло, а вместе с ним качнулась и лодка.

– Какого черта? – Перешагнув весло, я подошла по дощатому пирсу к вампиру. – Зачем вы со своими друзьями преследуете меня?

Я запыхалась после гребли, щеки пылали.

– Они мне не друзья, доктор Бишоп, – нахмурился он.

– Правда? Я не видела столько вампиров, колдунов и даймонов в одном месте с тридцати лет – тогда тетушки вытаскивали меня на летний языческий фестиваль. Если это не ваши друзья, то почему за вами таскаются? – Я вытерла рукой лоб, откинув назад влажные волосы.

– Бог мой, – недоверчиво пробормотал вампир. – Выходит, слухи не лгут.

– Какие слухи? – нетерпеливо спросила я.

– Вы полагаете, что эти... создания во мне заинтересованы? – В голосе Клермонта, помимо брезгливости, слышалось еще и удивление. – Невероятно!

Я через голову стащила пуловер. Взгляд Клермонта скользнул по моим рукам от ключиц до пальцев, и я вдруг почувствовала себя голой в своей обычной спортивной одежде.

– Да, полагаю. Я училась в Оксфорде и бываю здесь каждый год. Единственный непривычный фактор в этот мой приезд – это вы. Как только вы появились вчера вечером, я лишилась возможности спокойно работать: меня выжили из библиотеки, на меня таращатся незнакомые вампиры и даймоны, мне угрожают неизвестные колдуны.

Клермонту, судя по произвольному жесту, захотелось взять меня за плечи и потрясти. Я тоже довольно высокая, почти пять футов семь дюймов, но при разговоре с ним мне приходилось запрокидывать голову. Сознавая, насколько он больше и сильнее меня, я отступила назад, скрестила руки на груди и приказала себе-ученому привести нервы в порядок.

– Их интересую не я, доктор, Бишоп, а вы.

– С какой это стати?

– Вы действительно не знаете, почему все даймоны, колдуны и вампиры к югу от Мидлендс ходят за вами следом? – недоверчиво спросил Клермонт, глядя на меня так, точно видел впервые.

– Нет. – Я оглянулась на двух мужчин, пьющих послеобеденную пинту за уличным столиком, – счастье, что они были заняты разговором. – В Оксфорде я читаю старые рукописи, занимаюсь греблей, готовлюсь к конференции и никуда не лезу. Ничего больше. У созданий нет никакого повода мною интересоваться.

– Подумайте хорошенько, Диана. – Когда он назвал меня по имени, я испытала нечто не совсем понятное, но не страх. – Что именно вы читали недавно? – Он приопустил веки, но от меня не укрылся жадный блеск его глаз.

Тетушки не ошиблись. Мэтью Клермонт чего-то от меня хочет.

Странные глаза, черные в сером ободке, снова уставились на меня.

– Они преследуют вас, потому что думают, что вы нашли нечто давно утраченное, – нехотя объяснил он. – Они хотят заполучить это назад и верят, что вы можете им помочь.

Я припомнила рукописи, которыми занималась последние несколько дней, и сердце у меня сжалось. Кандидат был только один.

– Откуда вы знаете, что им нужно, если они не ваши друзья?

– Слышал, доктор Бишоп, – терпеливо отозвался он, снова переходя к официальной манере обращения. – У меня очень хороший слух, и я довольно наблюдателен. В воскресенье вечером, на концерте, две колдуньи обсуждали третью, американку, – она нашла в Бодлианской библиотеке книгу, считавшуюся пропавшей. С тех пор я с беспокойством стал замечать, что в Оксфорде появились новые лица.

– Сейчас Мейбон, вот колдуны и съехались. – Я говорила спокойно, подражая ему, хотя он так и не ответил на мой последний вопрос.

– Дело не в Мейбоне, а в рукописи, – с насмешливой улыбкой возразил Клермонт и покачал головой.

– Что вы знаете об «Ашмоле-782»? – тихо спросила я.

– Меньше, чем вы. – Клермонт прищурился и еще больше сделался похож на опасного крупного хищника. – Я эту книгу не видел, а вы ее держали в руках. Где она теперь, доктор Бишоп? Надеюсь, у вас хватило ума не оставлять ее дома?

– Вы думаете, я украла ее? – ошеломленно ответила я. – Из Бодли? Да как вы смеете!

– В понедельник вечером ее у вас не было, сегодня в библиотеке тоже.

– Вы и впрямь наблюдательны, если углядели это со своего места, – съязвила я. – Если хотите знать, я сдала ее в пятницу. – Да ведь он, наверное, рылся у меня на столе, с опозданием дошло до меня. – Что же это за рукопись такая, побуждающая ученого совать нос в чужие заметки?

Он поморщился. Я поймала его на горячем, но к триумфу примешивался страх при мысли о том, что этот вампир подобрался ко мне так близко.

– Я это сделал из любопытства, – осклабился он.

Сара не обманывала меня: клыков нет.

– Вы не думаете, надеюсь, что я вам поверю.

– Хотите верьте, хотите нет, доктор Бишоп, только будьте настороже. Создания настроены весьма серьезно, а уж когда они поймут, что вы не совсем обычная колдунья... – покачал головой Клермонт.

– О чем вы? – Мне стало дурно, от лица отхлынула кровь.

– Для современного колдуна такой потенциал – редкость, – промурлыкал вампир. – Это пока еще не всем ясно, но я-то вижу. В моменты концентрации от вас исходит свечение, и когда вы сердитесь – тоже. Бывающие в библиотеке даймоны скоро это поймут, если еще до сих пор не поняли.

– Спасибо, что предупредили, но ваша помощь мне не нужна. – Я хотела уйти, но он схватил меня за руку выше локтя.

– Не будьте так уверены. Остерегайтесь, прошу вас. – Клермонт ненадолго замолчал, черты его исказились, утратив свою правильность, – в нем шла какая-то внутренняя борьба. – Особенно если снова увидите того колдуна.

Я многозначительно посмотрела на его руку. Он отпустил меня и снова опустил веки, прикрывая глаза.

Размеренная гребля на обратном пути не могла больше прогнать тревогу. Время от времени на дорожке, шедшей вдоль реки, мелькало серое пятно, но в остальном ничего необычного – люди на велосипедах возвращались домой с работы, самая обыкновенная женщина выгуливала собаку.

Вернув лодку в сарай и заперев дверь, я размеренной трусцой побежала по дорожке.

За рекой перед университетской пристанью стоял Мэтью Клермонт.

Я прибавила темп и оглянулась через плечо, но его там больше не было.

Глава 5

После ужина, сев на диван у нерастопленного камина, я включила свой ноутбук. Зачем ученому такого масштаба, как Клермонт, понадобилась алхимическая рукопись, пусть даже и заколдованная? Понадобилась настолько, что он весь день просидел в библиотеке наискосок от колдуньи, читая чьи-то старые записи о морфогенезе? Я откопала в кармане сумки его визитную карточку и прислонила ее к экрану.

В Интернете, продравшись через новости о нераскрытом убийстве и неизбежные баннеры социальных сетей, я нашла сразу несколько упоминаний о нем: веб-страница с преподавателями, статья из Википедии, отсылки к Королевскому обществу.

Я кликнула на список преподавателей. Так-так. Мэтью Клермонт принадлежал к тем профессорам, которые не выставляют в Сети никаких сведений о себе, даже академического характера. На веб-сайте Йеля можно найти информацию, в том числе и адресную, практически о каждом профессоре, но в Оксфорде частная жизнь, видимо, охраняется куда строже. Неудивительно, что у них вампиры работают.

В связи с больницей он не упоминался вообще, хотя она фигурировала на визитке. Я набрала в поиске «неврологические исследования больницы Джона Рэдклиффа», но на открывшемся сайте не было ни единой фамилии – только длинный перечень того, чем они там занимаются. Перебрав все ссылки, я в конце концов обнаружила Клермонта на странице, посвященной лобной доле. Только фамилию, ничего больше.

Википедия и сайт Королевского общества тоже не помогли. Чтобы узнать что-нибудь, помимо того, о чем говорилось на главной странице последнего, требовался пароль. Ни его, ни имя пользователя я подобрать не сумела, и мне заблокировали доступ после шестой неудачной попытки.

Раздосадованная, я запустила поиск в научных журналах.

Есть!

Я довольно откинулась на спинку дивана.

В Интернете Мэтью Клермонт присутствовал лишь номинально, зато в научной периодике активно публиковался. Рассортировав полученные результаты хронологически, я получила картину его интересов в науке. Но торжество мое длилось недолго: картин было целых четыре.

Первая относилась к функциям мозга. Здесь я далеко не все понимала, но сделала вывод, что Клермонт завоевал себе репутацию в науке и в медицине исследованиями лобной доли – изучал, как она обрабатывает человеческие импульсы и желания. Он сделал несколько важных открытий, касающихся отложенного вознаграждения и префронтальной коры. Я открыла новое окно и посмотрела на схеме, о какой части мозга шла речь.

Говорят, что жизнь в науке – не что иное, как завуалированная автобиография. У меня участился пульс. Клермонт, будучи вампиром, должен был кое-что понимать в отложенном вознаграждении.

Вторая сфера интересов резко переключалась с головного мозга на волков – норвежских, если точнее. Их он, по-видимому, изучал в полярные ночи – для вампира это не проблема, учитывая температуру его тела и способность видеть в темноте. Я попыталась представить его на снегу, одетым в парку, с блокнотом в руках. Не получилось.

После волков начались первые упоминания о крови.

В Норвегии вампир стал анализировать кровь волков и определять семейные группы и наследственные механизмы. Он выделил четыре клана – три местных и четвертый, родоначальник которого пришел из Швеции или Финляндии. Волки из разных стай, согласно заклю-

чению Клермонта, спаривались на удивление часто, обмениваясь генетическим материалом и обеспечивая эволюцию вида.

В настоящее время Клермонт отслеживал наследственные признаки как у других видов животных, так и у человека. Многие из его недавних публикаций были весьма узкоспециализированными – он делился методами окрашивания образцов и работы со старой ломкой ДНК.

Я подергала себя за волосы, надеясь таким образом улучшить кровообращение и стимулировать усталые клетки мозга. Разве может ученый сделать столько всего в таком количестве дисциплин? На одно только приобретение квалификации жизни не хватит – человеческой жизни, конечно...

Вампиру проще – у него много десятилетий в запасе. Сколько по-настоящему лет Мэтью Клермонту, который выглядит на тридцать с хвостиком?

Я заварила свежий чай, откопала в сумке мобильник и, сжимая в одной руке дымящуюся чашку, другой набрала номер большим пальцем.

С учеными всегда легко: телефон у них всегда при себе и отвечают они, как правило, уже на втором гудке.

– Кристофер Робертс.

– Привет, Крис, это Диана Бишоп.

– Диана! – приветливо откликнулся он. Где-то на заднем фоне негромко играла музыка. – Я слышал, твоя книга опять получила премию. Поздравляю!

– Спасибо. – Я поерзала на диване. – Для меня это была неожиданность.

– А для меня нет. Как твой доклад, кстати? Уже написан?

– Где там, и близко нет. – Вот чем мне следует заниматься, а не выслеживать в Интернете вампиров. – Извини, что отрываю, ты явно в лаборатории... есть у тебя минутка?

– Конечно. – Он крикнул кому-то, чтобы убавили звук, – никакого эффекта. – Погоди, я сейчас. – (Приглушенные звуки и тишина.) – Ну вот, так-то лучше. Молодежь просто бурлит энергией в начале семестра, – смущенно пояснил Крис.

– Она всегда бурлит, Крис. – Мне стало немного грустно из-за того, что я пропущу начало года и не увижу новых студентов.

– Тебе видней. Ну, в чем проблема?

Мы с Крисом начали преподавать в Йеле одновременно. Штатная должность ему, как и мне, не светила, однако он обогнал меня на год, заработав стипендию Макарута за блестящую работу по молекулярной биологии.

Когда я нахально позвонила ему спросить, почему алхимики описывают две нагреваемые в перегонном кубе субстанции как ветви одного дерева, он не стал строить из себя надменного гения. Никто на всем химическом факультете не хотел мне помочь, а он отрядил двух аспирантов собрать нужный материал и пригласил меня на воссоздание эксперимента. Понаблюдав, как серое месиво в колбе распускается в красное дерево с сотнями веток, мы стали друзьями.

Набрав в грудь побольше воздуха, я сказала:

– Я тут на днях познакомилась кое с кем...

Крис, годами знакомивший меня с товарищами по тренажерному залу, издал радостный вопль.

– Не то, что ты думаешь, – торопливо пояснила я. – Он ученый.

– Прекрасно. Красавец-ученый – вот что тебе нужно. Тебе нужно заполучить интересную задачу... а еще наладить личную жизнь.

– Кто бы говорил. Ты во сколько вчера ушел из лаборатории? И потом, в моей жизни один красавец-ученый уже имеется.

– Ты тему-то не меняй.

– Оксфорд – город маленький, и мы с ним все время сталкиваемся. Он здесь, похоже, большая шишка. – Я скрестила пальцы – ничего, это ведь почти правда. – Я тут посмотрела в Интернете, чем он занимается, мне не все понятно, одно с другим как-то не сходится.

– Не говори только, что он астрофизик. В физике я слабоват, ты же знаешь.

– Тоже мне гений.

– Еще как гений! Но моя гениальность не распространяется на карточные игры и физику. Давай уже его фамилию. – Крис старался быть терпеливым, но рядом с ним трудно не казаться тугодумом.

– Мэтью Клермонт. – Его имя застряло у меня в горле, как запах гвоздики вчерашним вечером.

– Отшельник-невидимка? – присвистнул Крис. Мои руки покрылись мурашками. – Ты что, его взглядом околдовала?

Крис не знал, что я колдунья, и слово «околдовала» употребил чисто случайно.

– Ему понравилась моя работа о Бойле.

– Да уж... – усмехнулся Крис. – Ты на него смотришь своими сияющими синими с золотом глазами, а у него на уме закон Бойля? Он ученый, но не монах же все-таки. Кстати, он в самом деле большая шишка.

– Правда? – промямлила я.

– Ну да. Феномен вроде тебя – начал публиковаться еще аспирантом. Причем писал не лажу какую-нибудь, а такое, что маститому ученому опубликовать не стыдно.

Я сверилась со своими заметками в линованном желтом блокноте.

– Про нейронные механизмы и префронтальную кору?

– Подготовилась, молодец, – одобрил Крис. – За его ранними публикациями я не очень следил, он меня больше интересует как химик, но работы о волках вызвали сенсацию.

– Почему?

– Он столько о них знал: как выбирают место обитания, как формируют социальные группы и спариваются – как будто сам волком был.

– Может, так оно и есть. – Реплика, задуманная как непринужденная, вышла завистливой и резковатой.

Мэтью Клермону сверхъестественные способности и вампирская жажда крови почему-то не мешали делать карьеру. У меня появилась уверенность, что уж он-то непременно потрогал бы иллюстрации в «Ашмоле-782».

– Это бы прекрасно все объясняло, – Крис не обратил внимания на мой тон, – но поскольку он не волк, остается признать, что он очень талантлив. Именно на основе этих работ его приняли в Королевское общество. Его называли вторым Аттенборо¹⁶, но после этого он как-то скрылся из виду.

Еще бы ему не скрыться!

– А когда появился опять, занялся химией и теорией эволюции?

– Да, но эволюция – вполне естественный переход от волков.

– Почему он интересуется тобой как химик?

– Ну... он ведет себя так, будто открыл нечто крупное.

– То есть? – нахмурилась я.

– Нервозно. Мы в таких случаях отсиживаемся в лабораториях и не ездим на конференции, боясь ляпнуть лишнее и навести на след кого-то другого.

– Как волки.

О волках я теперь многое знала. Собственническое настороженное поведение, которое описал Крис, было свойственно как раз норвежскому волку.

¹⁶ Дэвид Аттенборо (р. 1926) – натуралист и телеведущий. Много лет ведет естественнонаучные программы на Би-би-си.

– Точно, – засмеялся Крис. – Он никого там не покусал? Или, может, на луну воет?

– Не слыхала. Он всегда был таким отшельником?

– Чего не знаю, того не знаю. Он имеет степень по медицине и должен, по идее, принимать пациентов, хотя как практик никогда не славился. Волки его тоже любили, но на симпозиумах он уже три года не появлялся. Погоди-ка... несколько лет назад что-то такое было.

– Что именно?

– Он делал доклад – тему не помню, – и какая-то женщина ему задала вопрос. Нормальный вопрос, умный, но он ей ничего толкового не ответил. А когда она проявила настойчивость, взбесился. Мой приятель там был – говорит, никогда не видел, чтобы вежливый, казалось бы, человек так быстро выходил из себя.

Я застучала по клавишам, разыскивая информацию об этом происшествии.

– Доктор Джекил и мистер Хайд? В Сети об этом ничего нет.

– Неудивительно. Химики не любят выносить сор из избы. Не хватало, чтоб бюрократы, решая вопрос о грантах, думали, что все мы буйнопомешанные. Это прерогатива физиков.

– А Клермонт получает гранты?

– Да-а. По уши в деньгах. За его карьеру можешь не беспокоиться. Репутация женоненавистника не мешает ему получать финансирование. Слишком уж он хорош как ученый.

– Ты с ним встречался когда-нибудь? – Я надеялась, что Крис сможет что-то сказать о его характере.

– Нет. Таких, кто его лично знает, наберется всего пара десятков. Зато рассказов о нем ходит много. Интеллектуальный сноб, лекций не читает, женщин не любит, на письма не отвечает, аспирантов не берет.

– Ты, похоже, думаешь, что все это чушь.

– Не то чтобы чушь, – задумчиво отозвался Крис, – просто это не так уж важно, если он раскроет тайны эволюции или вылечит болезнь Паркинсона.

– Послушать тебя, так он нечто среднее между Солком¹⁷ и Дарвином.

– Неплохая аналогия, знаешь ли.

– Настолько гениален? – Мне вспомнилось, с какой сосредоточенностью Клермонт вгрызался в бумаги Нидема. Может, и гениален.

– Ага. Если б я делал ставки на деньги, – Крис понизил голос, – поставил бы сотню долларов, что он рано или поздно получит Нобелевку.

Крис и сам был гением, но он не знал, что Мэтью Клермонт – вампир. Никакой Нобелевки не будет: Клермонт позаботится о том, чтобы не нарушалась его тайна. Нобелевских лауреатов ведь фотографируют.

– Ладно, спорим, – засмеялась я.

– Начинай копить, Диана, потому что это пари ты не выиграешь, – усмехнулся Крис.

В прошлый раз проиграл он: я спорила на пятьдесят долларов, что ему дадут штатную должность раньше меня. Свою ставку он держал за рамкой фотографии, снятой в тот день, когда ему позвонили из фонда Макартура, – той, где он смущенно улыбается, запустив руки в черные кудри, темнокожее лицо так и сияет. Должность он получил спустя девять месяцев.

– Спасибо, Крис, ты мне очень помог, – сказала я искренне. – Возвращайся к своим ребятам, пока они чего-нибудь не взорвали.

– Да уж, пойду проверю. Пожарная тревога не включалась пока, уже хорошо. – Он помолчал и сказал: – Сознавайся, Диана. Тебя ведь не то волнует, что ты можешь ляпнуть глупость Клермонту на вечеринке, – ясно, что дело касается твоей научной работы. Что в нем так тебя зацепило?

¹⁷ *Джонас Солк* (1914–1995) – американский исследователь и вирусолог. Известен как разработчик первой вакцины против полиомиелита.

Иногда Крис, кажется, подозревал, что со мной не все ладно, но не могла же я сказать ему правду.

– У меня слабость к умным мужчинам.

– Ладно, можешь не говорить, – вздохнул он. – Врать ты совсем не умеешь. Только будь осторожна. Если он разобьет тебе сердце, мне придется надрать ему задницу, а у меня в этом семестре и так дел невпроворот.

– Не разобьет, – заверила я. – Просто коллега, у которого широкий круг чтения.

– Ты такая умница, но иногда ничегошеньки не понимаешь. Спорю на десятку, он еще до конца недели куда-нибудь тебя пригласит.

– Вижу, жизнь тебя ничему не учит, – опять засмеялась я. – Идет. Десятка или ее эквивалент в фунтах.

Мы распрощались. Знаний о Мэтью Клермонте у меня почти не прибавилось, зато определились вопросы. Первое место занимал следующий: почему некто, собирающийся совершить открытие в области эволюции, интересуется алхимией семнадцатого века?

Я рылась в Интернете, пока глаза не устали. К полуночи я вся обложила заметками о волках и генетике, но так и не вычислила, зачем Клермонту мог понадобиться «Ашмол-782».

Глава 6

Следующее утро выдалось серым, куда более типичным для ранней осени. Хотелось одного: надеть на себя несколько свитеров и остаться дома.

Я дошла до пристани, но беспокойная река уж точно не манила, и я побежала в парк. Ночной консьерж, которому я помахала, сначала удивленно на меня посмотрел, а потом выразил свое одобрение, подняв большие пальцы.

Ноги, шлепая по тротуару, гнали напряжение прочь. Добравшись до гравийных дорожек университетского парка, я уже дышала всей грудью и готовилась просидеть в библиотеке целый день, сколько бы созданий туда ни сбежалось.

– Доктор Бишоп! – окликнул меня консьерж на обратном пути.

– Да?

– Извините, что не пустил вчера вашего гостя, но таковы правила. В следующий раз дайте знать, что ждете кого-то, и я сразу отправлю ваших друзей наверх.

Ясность духа, подаренная пробежкой, испарилась в одно мгновение.

– Мужчина, женщина? – резко спросила я.

– Женщина.

Мои вздернутые было плечи опустились.

– Очень милая. Вообще-то, мне нравятся австралийки. Они такие дружелюбные, но без того, чтобы, знаете... – Еще бы не знать. В австралийках нет американской настырности. – Мы, конечно, звонили вам...

Я нахмурилась. Конечно, отключила телефон, потому что Сара не способна вычислить разницу во времени между Мэдисоном и Оксфордом и постоянно звонит среди ночи.

– Спасибо, что сказали. Буду предупреждать вас обо всех посетителях.

Зеркало в ванной доказывало, что последних два дня не прошли даром. Круги, появившиеся вчера под глазами, теперь больше смахивали на синяки, но на руке, за которую меня так сильно ухватил Клермонт, следов, как ни странно, не было.

Приняв душ, я надела широкие брюки и водолазку. Чернота того и другого, подчеркивая мой рост и маскируя атлетическое сложение, попутно делала меня похожей на труп. Пришлось накинуть сиреневый свитерок, завязав спереди рукава. Он прибавлял синевы под глазами, но хотя бы давал понять, что я еще не отошла в мир иной. Волосы потрескивали и стояли практически дыбом – только и осталось, что собрать их кое-как в узел.

Тележка с заказами Клермонта была нагружена доверху. Приготовившись к очередному столкновению с ним, я храбро подошла к выдаче.

Заведующий и оба библиотекаря опять сустились, как всполошенные куры. На сей раз их активность сосредоточилась в треугольнике между выдачей, каталожными ящиками и кабинетом мистера Джонсона. Нагруженные тележки под пристальным взглядом горгулий распределялись по столам старого отделения.

– Спасибо, Шон, – прозвучал из его глубины баритон Клермонта.

С одной стороны, хорошо, что мне не придется сидеть с вампиром в одном зале. С другой – я не смогу ни выйти, ни заказать книгу без его ведома. К тому же сегодня он явился с помощницей: миниатюрная девушка в коричневом свитере до колен раскладывала бумаги и папки во второй нише.

Она обернулась, и я с удивлением отметила, что это вполне взрослая женщина. Глаза, черные с янтарем, прожигали холодом.

Но и без этого было понятно, что передо мной вампир: прозрачная кожа и ненатурально густые, блестящие волосы. Локоны обрамляли ее лицо, вились по плечам. Сделав шаг в мою

сторону и даже не пытаюсь скрыть своей вампирической грации, она смерила меня уничтожающим взглядом. Ее явно привели сюда против воли, и она винила во всем меня.

– Мириам... – Клермонт вышел в проход, вежливо улыбнулся и запустил пальцы в волосы, отчего они легли еще красивее. – Доброе утро, доктор Бишоп.

Я пригладила собственную прическу, заправила за ухо выбившуюся прядь.

– Доброе утро, профессор Клермонт. Снова здесь, как я вижу.

– Да, но не в Селден-Энде. Нас любезно устроили здесь, где мы никого беспокоить не будем.

Вампириша сердито водрузила на стол стопку бумаг.

– Позвольте представить мою коллегу, доктора Мириам Шепард. Мириам – доктор Диана Бишоп.

– Доктор Бишоп... – Мириам протянула руку. Пожав ее, я вздрогнула от контраста между ее маленькими ледяными пальцами и своими, большими и теплыми. Она сдавила мою ладонь как в тисках – высвободившись, я с трудом поборолла желание ею потрясти.

– Доктор Шепард... – Настал неловкий момент. О чем, собственно, принято спрашивать утром вампира? Я ограничилась чисто человеческой банальностью: – Ну что ж, пора за работу.

– Успешного вам дня. – Клермонт держался ничуть не теплее Мириам.

Рядом возник мистер Джонсон с небольшой стопочкой моих папок.

– Возвращаем вас на А4, доктор Бишоп, – радостно сообщил он. – Сейчас отнесу.

Широкие плечи Клермонта загораживали от меня его стол. Так и не высмотрев, нет ли там каких-нибудь переплетенных в кожу рукописей, я подавила любопытство и отправилась в свой Селден-Энд.

Клермонт больше не сидел наискосок от меня, но я, вынимая карандаши и включая компьютер, все равно ощущала его присутствие. Усевшись спиной к пустому залу, я взяла верхнюю папку, достала книгу в кожаном переплете, положила на подставку.

Чтение, заметки – привычная рутина скоро захватила меня целиком, и с первой книгой я покончила быстро. На часах не было еще и одиннадцати – я решила посмотреть до обеда еще одну рукопись.

Следующая была тоньше первой, но в ней имелись интересные зарисовки алхимической аппаратуры и обрывочные описания опытов – нечто среднее между поваренными рецептами и пособием для отравителя. «Нагревайте вашу колбу с ртутью на огне в течение трех часов, – гласила одна инструкция, – при соединении же ее с Философским Младенцем снимите и представьте ей разлагаться, пока ее не унесет Черный Ворон». Мои пальцы, набирая скорость, порхали по клавишам ноутбука.

Я думала, что сегодня меня снова будут пожирать глазами разного рода создания – но вот уж час пробил, а я по-прежнему сидела в Селден-Энде почти одна. Единственным читателем, кроме меня, был аспирант в бело-красно-синем шарфе Кэбл-колледжа. Вперив взгляд в стопку закрытых книг, он довольно шумно грыз ногти.

Заполнив два новых бланка и убрав рукописи в папки, я, довольная утренними достижениями, вышла на обед. Джиллиан Чемберлен злобно глянула на меня с неудобного места под старинными часами, две вчерашние вампириши вогнали в кожу ледяные иголки, даймон из музыкального зала привел с собой двоих других. Все трое потрошили аппарат для чтения микрофильмов, на полу валялась размотавшаяся пленка.

Клермонт с ассистенткой сидели на прежних местах, у выдачи. Вчера он заявлял, что созданий притягиваю я, а не он, но сегодняшняя картина доказывала обратное.

Сдавая рукописи, я изо всех сил притворялась, будто не замечаю его холодного взгляда.

– С этими все? – спросил Шон.

– Да. Там на столе еще две. Если можно взять еще и эти, будет совсем хорошо. – Я подала ему бланки. – Пообедать не хочешь пойти?

– Валери пошла – придется сидеть тут, к сожалению.

– Ну ничего, в другой раз.

– Перерыв на обед, Мириам, – тихо сказал Клермонт у меня за спиной.

– Я не голодна, – ответила она мелодичным сопрано с гневными нотками.

– Вам полезно будет пройтись по свежему воздуху, – непререкаемым тоном настоял он.

Мириам шумно вздохнула, швырнула на стол карандаш и отправилась вслед за мной.

Днем я всегда перекусывала в кафе на втором этаже книжного магазина. Я улыбалась при мысли, что Мириам все эти двадцать минут придется торчать в «Блэкуэллсе» среди закупающих открытки туристов, оксфордских путеводителей и детективных романов.

Взяв сэндвич с чаем, я втиснулась в дальний угол переполненного кафе между смутно знакомым историком, читавшим газету, и студентом, занимавшимся попеременно MP3-плеером, мобильником и компьютером.

С чашкой в руках я выглянула в окно и нахмурилась. Давешний даймон из библиотеки, которого я не знала, болтался у ворот, глядя на окна кафе.

Ощутив на скулах поцелуйное прикосновение, я увидела перед собой другого даймона – женщину с красивым, но асимметричным лицом. Рот слишком велик, громадные карие глаза посажены слишком близко, волосы слишком светлые для медового цвета кожи.

– Доктор Бишоп?

От ее австралийского акцента у меня по спине прошел холодок.

– Да, – ответила я шепотом, глядя на лестницу. Мириам не показывалась. – Диана Бишоп.

– Агата Уилсон, – улыбнулась она. – Ваша приятельница внизу обо мне не знает.

Что за старомодное имя для женщины всего десятью годами старше меня? Весьма стильная дама. А имя знакомое – мне оно, кажется, встречалось в одном модном журнале.

– Можно присесть? – Она кивнула на только что освободившееся место, откуда ушел историк.

– Да, конечно, – промямлила я.

В понедельник – вампир, во вторник – колдун, пытающийся забраться мне в голову, в среду, видимо, день даймонов.

Они гоняются за мной по всему колледжу, а я о них знаю еще меньше, чем о вампирах. Их мало кто понимает: Сара на мои расспросы всегда отвечала невразумительно. Даймоны у нее выглядели какой-то криминальной прослойкой. Избыток ума и творческих способностей побуждал их лгать, красть, мошенничать и даже убивать – они знали, что им любое преступление сойдет с рук. Обстоятельства их рождения казались Саре еще более возмутительными. Невозможно предсказать, где и когда появится на свет новый даймон, поскольку они обычно рождаются у людей. Для тетушки это лишь подкрепляло их маргинальное положение в мире нелюдей. Она ценила колдовские династии и традиции и не одобряла подобной непредсказуемости.

Агата Уилсон села, помолчала немного и разразилась потоком слов. С даймонами, по словам Сары, разговаривать невозможно – они всегда начинают откуда-то с середины.

– Такая энергия не могла не привлечь нас, – заявила она деловым тоном, словно я задала ей вопрос. – Колдуны собрались на Мейбон, это прекрасно, но нельзя же быть такими болтливыми. Вампиры все слышат. – Она сделала паузу и добавила: – Мы уже не чаяли увидеть ее еще раз.

– Кого? – тихо спросила я.

– Книгу, – доверительно сообщила она.

– Книгу, – повторила я тупо.

– Ну да. После всего, что с ней сделали колдуны. – Взгляд Агаты был устремлен куда-то в центр зала. – Вы тоже колдунья, и я, наверно, зря говорю с вами. Но мне кажется, только

вы одна способны понять, как они это сделали. А теперь еще это. – Она с грустным видом протянула мне газету, оставленную историком.

Заголовок «ВАМПИР В ЛОНДОНЕ» сразу бросился мне в глаза.

«Столичная полиция, – торопливо прочитала я, – не может предложить новых версий относительно загадочного двойного убийства в Вестминстере. Тела двадцатидвухлетнего Дэниела Беннета и двадцатилетнего Джейсона Энрайта были обнаружены ранним воскресным утром позади паба „Белый олень“ на Сент-Олбан-стрит владельцем паба Регом Скоттом. У обоих жертв рассечены сонные артерии и наличествуют многочисленные мелкие раны на шее, руках и торсе. Смерть, согласно судебно-медицинской экспертизе, произошла от сильной потери крови, хотя на месте преступления следов крови нет.

Расследователи „вампирского убийства“, как окрестили преступление местные жители, обратились за советом к Питеру Ноксу, автору бестселлеров на темы современного оккультизма: „Дьявол нашего времени“ и „Магия воскресает: почему в эпоху науки нужна тайна“. В случаях ритуальных убийств с ним консультируются полицейские всего мира.

„Здесь я не вижу указаний ни на ритуал, ни на серийное преступление“, – заявил Нокс на пресс-конференции, хотя Кристиана Нильссон (прошлым летом в Копенгагене) и Сергей Морозов (осенью 2007 года в Санкт-Петербурге) были убиты таким же образом. Под нажимом журналистов Нокс, однако, признал, что в Лондоне могли действовать один или несколько подражателей.

Обеспокоенные жители квартала учредили круглосуточные дежурства. Местная полиция патрулирует район постоянно, отвечает на вопросы, дает советы по обеспечению безопасности. Всем лондонцам рекомендовано принимать дополнительные меры предосторожности, особенно по ночам».

– Обычная сенсация, – сказала я, вернув газету Агате. – Все средства массовой информации кормятся человеческим страхом.

– Мне думается, – она обвела взглядом зал, – что за этим кроется нечто большее. С вампирами никогда не знаешь наверняка, они ведь недалеко ушли от животных. А говорят, это мы дерганые, – поджала губы Агата, – но привлекать к себе человеческое внимание опасно для всех нас.

Слишком много разговоров о вампирах и колдунах в общественном месте – но студент за нашим столом не снимал наушников, а остальные, судя по всему, были заняты собой или собственными разговорами.

– Я ничего не знаю об этой рукописи и о том, что с ней сделали колдуны, мисс Уилсон. И у меня на руках ее нет. – Вдруг и она тоже думает, что я украла «Ашмол-782».

– Зовите меня Агатой. – Она уперлась взглядом в ковер. – Рукопись в библиотеке, я знаю. Это они велели вам сдать ее?

Кто «они» – колдуны, вампиры, библиотекари?

– Колдуны? – прошептала я.

Агата кивнула, продолжая наблюдать за посетителями кафе.

– Нет. Я попросту закончила с ней работать и вернула ее в хранилище.

– В хранилище, – со знанием дела повторила Агата. – Все думают, что библиотека – всего лишь здание, но это не так.

Мне вспомнилось странное чувство, испытанное мной, когда Шон положил книгу на конвейер.

– Колдуны делают с библиотекой все, что хотят, – сказала Агата, – но эта книга не только ваша. Не колдунам решать, где ее хранить и кто ее может видеть.

– Да что в ней такого, в конце концов?

– Она объясняет наше существование. – В голосе Агаты послышались отчаянные ноты. – В ней заключена вся наша история – начало, середина, даже конец. Нам, даймонам, она нужнее, чем вампирам и колдунам: нам жизненно необходимо понять, какое место мы занимаем в мире.

Нет, она не в замешательстве, решила я. Она как несфокусированная камера: надо просто повернуть объектив в нужную сторону.

– Вы знаете, какое занимаете место, – осторожно сказала я. – Планету населяют четыре разумных вида – люди, даймоны, вампиры и колдуны.

– Но откуда мы взялись? Как были созданы? Зачем мы здесь? – Карие глаза моргнули. – Вот вы, например, знаете, откуда ваша сила берется?

– Нет, – покачала головой я.

– Никто не знает, а мы вот хотим знать. Сначала люди считали даймонов ангелами-хранителями. Потом богами, прикованными к земле и одержимыми страстями. Мы отличались от людей, и они ненавидели нас за это. Если ребенок рождался даймоном, родители от него отрекались. Говорили, что мы вселяемся в них и делаем их безумными. А ведь мы при всей своей одаренности не злые, не то что вампиры. – Она все время говорила, не повышая голоса, но гнев чувствовался. – И никогда никого не сводили с ума. Мы даже больше, чем колдуны, жертвы человеческого страха и зависти.

– О колдунах тоже много чего напридумывали. – Я вспомнила об охоте на ведьм и массовых казнях.

– Колдуны рождаются от колдунов, вампиров создают другие вампиры. В часы одиночества и растерянности вам приходят на помощь семейные предания и воспоминания, а у нас нет ничего, кроме человеческих сказок. Неудивительно, что столько даймонов сломлены духом. Наша единственная надежда – когда-нибудь встретить себе подобных. Натаниэлю, моему сыну, повезло, потому что я тоже даймон. Я вовремя заметила признаки и помогла ему понять, кто он. – Справившись немного с собой, она снова подняла на меня грустный взгляд. – Может быть, люди и правы, называя нас одержимыми. Я вижу то, чего не должна видеть, Диана.

Даймоны тоже бывают провидцами, но никому не ведомо, так ли достоверны их видения, как видения колдунов.

– Я вижу кровь и страх. Вижу вас. – Ее взгляд снова расфокусировался. – Вампира иногда тоже. Он очень давно желал получить эту книгу, а вместо нее нашел вас... разве не любопытно?

– Зачем книга нужна Мэтью Клермонту?

– Вампиры и колдуны с нами не делятся, – пожала плечами Агата. – Ваш вампир тоже молчит, хотя относится к даймонам лучше, чем большинство его сородичей. Сплошные секреты, а люди теперь куда как умны. Они быстро все разгадают, если не принять мер. Людям нравятся тайны, и власть они любят.

– Он вовсе не мой вампир, – вспыхнула я.

– Вы уверены? – проронила она, глядя в хромовую кофе-машину «Эспрессо», как в волшебное зеркало.

– Да, – с нажимом сказала я.

– В книге, обыкновенной с виду, может содержаться тайна, способная изменить мир. Вы колдунья и знаете, какой силой обладают слова. Если бы ваш вампир знал эту тайну, вы бы ему не понадобились. – Карие глаза Агаты сделались теплыми и лучистыми.

– Мэтью Клермонт вполне может сам заказать эту рукопись. – При мысли о том, что сейчас он, возможно, как раз это и делает, мне вдруг стало холодно.

– Когда она снова будет у вас, – прошептала Агата, схватив меня за руку, – вспомните, пожалуйста, что не вам одним нужно знать ее содержание. Даймоны тоже участвуют. Обещайте, что не забудете нас.

Я запаниковала, когда она прикоснулась ко мне. В битком набитом кафе нечем было дышать. Глядя в сторону выхода, я подавляла в себе реакцию «бежать или драться».

– Обещаю, – неохотно протянула я, сама не зная, на что соглашаюсь.

– Хорошо. – Она отпустила мою руку, отвела взгляд. – Спасибо, что поговорили со мной. Мы еще увидимся, и помните, что слово нужно держать.

Я сунула чайник и чашку в пластиковый рукав для грязной посуды, выбросила пакет из-под сэндвича, оглянулась через плечо. Агата читала спортивный раздел в газете.

Выходя из «Блэкуэллса», я не видела Мириам, но чувствовала на себе ее взгляд.

Селден-Энд, пока меня не было, заполнили нормальные люди. Все они прилежно работали, не ведая о присутствии чуждых рас. Завидуя их незнанию, я попыталась сосредоточиться на очередной рукописи, но встреча в «Блэкуэллсе» и события последних дней мешали. Иллюстрации в «Ашмол-782» как-то не очень совпадали с содержанием, о котором говорила Агата Уилсон. Кроме того, если ей и Мэтью Клермонту так нужна эта книга, почему они просто не закажут ее?

Я закрыла глаза, припоминая пресловутую рукопись и стараясь систематизировать то, что произошло после. Представила пазл, рассыпанный на белом столе, – стоит только уложить разноцветные кусочки в нужном порядке. Легко сказать... Я раздраженно отодвинула стул и направилась к выходу.

– Заказы будут? – спросил Шон, принимая у меня книги.

Я вручила ему пачку только что заполненных заявок. Оценив ее объем, он улыбнулся, но промолчал.

Оставалось сделать еще две вещи. Первой требовала обыкновенная вежливость. Вампиры непонятным для меня образом не дали прочим созданиям докучать мне в читальном зале. Колдунам и вампирам не часто представляется случай благодарить друг друга, но Клермонт за два дня уже дважды обеспечивал мне защиту. В конце концов, я не такая уколобая и нетерпимая, как Сара и ее подруги по мэдисонскому ковену.

– Профессор Клермонт?

Вампир поднял глаза.

– Благодарю вас, – сказала я просто, стойко выдержав его взгляд.

Он отвел глаза первым, с легким удивлением ответил:

– Не стоит.

Второе дело было связано с чистым расчетом. Мы с Мэтью Клермонтом обоюдно нуждались друг в друге: мне хотелось услышать, почему «Ашмол-782» привлекает к себе столько внимания.

– Вы можете обращаться ко мне по имени, – предложила я на волне нерастраченной смелости, и сердце мое на долю секунды остановилось. Это была не та легкая вежливая улыбка, к которой я успела привыкнуть: рот у него разъехался до ушей. Хорош, чтоб ему, в энный раз подумала я.

– Хорошо, но тогда и вы называйте меня по имени – Мэтью.

Я кивнула. Сердце не желало биться ровно. Что-то захлестнуло меня, размывая тревогу, оставшуюся после неожиданной встречи с Агатой Уилсон.

Ноздри Мэтью слегка раздулись, улыбка сделалась еще шире. Он чуял, что со мной происходит, – больше того, знал, в чем тут дело.

Я залилась краской.

– Приятного вечера, Диана. – Мое имя в его устах приобрело экзотическое звучание.

– Хорошего вечера, Мэтью, – ответила я и пустилась наутек.

Вечером я задержалась на реке дотемна, и смутный силуэт на буксирной дорожке всегда маячил чуть впереди наподобие темной путеводной звезды.

Глава 7

В четверть третьего меня разбудил кошмар. Я тонула, барахтаясь под одеялом, которое сон преобразил в гущу водорослей, и тщетно пыталась всплыть. Мне уже почти удалось, но тут кто-то схватил меня за лодыжку и потянул вниз.

Как всегда в таких случаях, я проснулась, так и не увидев, что меня держит, – вся в поту, с колотящимся о ребра сердцем. Полежала немного, отважилась сесть.

За окном плавало белое лицо с темными ямами глаз.

С опозданием сообразив, что это мое отражение, я еле добежала до ванной и после приступа рвоты еще полчаса пролежала, свернувшись клубком на холодном кафеле, проклиная Мэтью Клермонта и других виновников своего жуткого самочувствия. Потом опять залезла в постель, поспала и на рассвете, едва волоча ноги, отправилась на лодочную тренировку.

– В такой-то туман, доктор Бишоп? – удивился консьерж Фред. – Судя по виду, вы работаете без сна и отдыха. Прилегли бы, река до завтра никуда ведь не денется.

– Нет, пойду, – поразмыслив, сказала я. – В выходные ведь уже начнут съезжаться студенты.

Из-за мокрой мостовой и общего состояния я бежала медленнее обычного. Мой путь лежал мимо Ориель-колледжа к высоким железным воротам между Корпус-Кристи и Мёртоном. В темное время суток их запирали, чтобы не пускать народ на речные луга, но все оксфордские гребцы первым делом учились перелезать через них – что я и сделала.

Я спустила лодку на воду, и знакомый ритуал успокоил меня: отчаливая в туман, я почти пришла в норму.

В такую погоду гребля еще больше напоминает полет. Белая пелена приглушает птиц и шум автомобилей, усиливает тихий плеск весел и поскрипывание сидений. Не видно ориентиров на берегу, и потому приходится продвигаться, полагаясь исключительно на инстинкты.

Я вошла в легкий привычный ритм, насторожив слух и зрение. Плеск весел предупредит меня, если я подойду чересчур близко к берегу, тень скажет о приближении другой лодки. Туман был таким густым, что я подумывала уже повернуть обратно, но слишком уж манил длинный прямой отрезок впереди.

Развернулась я у самого паба. Два голоса на воде оживленно спорили, как выиграть гонку со столкновениями – характерное для Кембриджа и Оксфорда развлечение.

– Хотите пройти вперед? – спросила я.

– Хотим! – откликнулась пара и пронеслась мимо.

Плеск их весел затих вдали. Я решила дойти до своей пристани и ограничиться этим. Маловато, конечно, но последствия третьей по счету полубессонной ночи я, в общем-то, ликвидировала.

Убрав все на место и заперев сарай, я медленно пошла к городу. Время и пространство в тумане утрачивали значение. Я закрыла глаза, воображая, что это не Оксфорд, что у этого места вообще нет имени.

Открыв их и увидев какую-то фигуру прямо перед собой, я ахнула от испуга и рефлексивно выставила вперед руки.

– Ох, извините, Диана. Я думал, вы меня видите. – Из тумана выплыло озабоченное лицо Мэтью Клермонта.

– Я шла с закрытыми глазами.

Я ухватила за воротник своей флиски и, когда он немного отступил, прислонилась к дереву, выравнивая дыхание.

– Можете мне кое-что объяснить? – спросил Клермонт, как только я с этим справилась.

– Если хотите знать, почему я катаюсь на лодке в туман, когда за мной тащится хвост даймонов, колдунов и вампиров, то нет.

Этим утром я не была настроена выслушивать лекцию.

– Хороший вопрос, – с толикой яда заметил вампир, – но я хотел спросить о другом: зачем вы закрыли глаза?

– А вы никогда так не делаете? – засмеялась я.

– Нет. У вампиров только пять чувств, и мы, как правило, используем все.

– Никакой магии, Мэтью. В эту игру я играю с детства. Тетя ужасно злилась – когда я приходила домой, ноги у меня вечно были в синяках и царапинах.

Вампир, сунув руки в карманы грифельно-серых брюк, задумчиво устремил взгляд в туман. Сегодня он был без пальто, и его волосы из-за голубовато-серого свитера казались еще чернее. Легко что-то оделся, учитывая погоду. Я в своих лодочных легинсах с дырой на попе почувствовала себя замарашкой.

– Как прогулялись? – Можно подумать, он сам не знает – ведь он-то не на прогулку вышел.

– Отлично.

– В такой час здесь почти никого не встретишь.

– Мне нравится, когда на реке пусто.

– Но ведь это же риск – в такую погоду.

Не будь он вампиром, следящим за каждым моим шагом, я приняла бы это замечание за неловкую попытку завязать разговор.

– В чем риск?

– Никто не увидит, если с вами что-то случится.

На реке я никогда ничего не боялась и только плечами пожала, хотя он, в общем, был прав.

– В понедельник здесь будет полно студентов. Хочу насладиться последними спокойными днями.

– Разве семестр начинается на следующей неделе? – искренне удивился Клермонт.

– Что за вопрос для преподавателя? – хихикнула я.

– Я со студентами дел не имею, занимаюсь чисто исследовательской работой. – Он поджал губы – явно не любит, когда смеются над ним.

– Хорошо вам. – Я подумала о трехстах заполошных первогодках, которым читала вводный курс.

– Спокойно. Колбы с мензурками не против, когда я засиживаюсь допоздна, а доктор Шепард и доктор Уитмор, другой ассистент, скрашивают мое одиночество.

Я замерзла, отсырела, и обмен любезностями с вампиром в густом тумане представлялся мне чем-то не слишком естественным.

– Простите, но мне пора.

– Хотите, подвезу?

Четыре дня назад я бы ни за что не села в машину к вампиру, но сейчас эта идея буквально согрела меня. Кроме того, представился случай спросить, зачем биохимику понадобился алхимический трактат семнадцатого столетия.

– Да, спасибо.

Застенчивая радость Клермонта меня обезоружила.

– Машина здесь рядом. – Он показал в сторону колледжа Крайст-Чёрч.

Окутанная туманом странная пара, колдунья с вампиром, двинулась вперед. Он подстраивал шаг под меня и вообще держался свободнее, чем раньше, в библиотеке.

– Это ваш колледж?

– Нет, там я не числился никогда.

Напрашивался вопрос, в каких колледжах он состоял и сколько ему все-таки лет. Временами он казался мне ровесником самого Оксфорда.

– Не туда, Диана, – остановил он меня (я свернула к стоянке колледжа) и показал на маленькую огороженную площадку.

Под ярко-желтой вывеской «ПАРКОВКА СТРОГО ЗАПРЕЩЕНА» стоял черный «ягуар», на зеркале заднего вида болталось разрешение на парковку от больницы Джона Рэдклиффа.

– Ага! – подбоченилась я. – Паркуетесь где вздумается.

– Обычно я вполне законопослушен в этом отношении, – возразил Мэтью. – Сделал исключение только из-за тумана.

Потянувшись, он открыл дверцу, возле которой я стояла. «Ягуар» был старой модели, без всяких дистанционных пультов и навигационных систем, но выглядел так, словно только что выехал из салона. Я забралась внутрь и утонула в кожаном карамельного цвета сиденье.

Впервые я оказалась в столь шикарной машине. Она утвердила бы Сару в худших подозрениях насчет разъезжающих на «ягуарах» вампиров. У нее самой древняя «хонда-сивик», когда-то лиловая, но теперь выцветшая до бурого цвета.

Клермонт подъехал к воротам колледжа и остановился, дожидаясь просвета в утреннем потоке велосипедов, грузовиков и автобусов.

– Не хотите ли позавтракать? – спросил он, небрежно держа полированный руль. – Вы, наверное, сильно проголодались после занятий спортом.

Он уже второй раз приглашал меня поесть вместе с ним. Может, вампирам просто нравится смотреть, как едят другие?

Сами они, как всем известно, питаются человеческой кровью, но только ли ею? Начиная жалеть, что позволила вампиру себя подвезти, я застегнула молнию на флиске и подвинулась чуть ближе к двери.

– Диана?

– Хорошо бы, – призналась я нерешительно. – А за чашку чая просто убить могу.

– Я знаю подходящее место, – кивнул он, глядя на улицу.

Поднявшись на холм, машина свернула направо и вниз, на Хай-стрит. Мы проехали статую супруги Георга II под куполом Куинз-колледжа, покатали к ботаническому саду. Из тихо урчащего «ягуара» Оксфорд, с его башнями и шпилями, возникающими вдруг из тумана, выглядел еще более неземным, чем всегда.

Разговор прервался. Мне казалось, что я ерзаю, дышу и моргаю без всякой надобности. Сам Клермонт сидел очень тихо, не моргал вовсе, почти не дышал – даже машиной управлял так, будто всю свою долгую жизнь учился беречь энергию. Я снова спросила себя: сколько же ему лет?

Скоро он подъехал к маленькому кафе на одной из боковых улиц. Местные жители внутри уплетали завтрак, читали газеты, болтали с соседями и, как с удовольствием отметила я, поглощали чай из огромных кружек.

– Вот не знала, что здесь есть такое местечко.

– Оно засекречено, – шутливо заметил Клермонт. – Местные не хотят, чтобы университетские к ним вторгались.

Я потянулась к ручке, но Клермонт уже открывал дверцу снаружи.

– Вот это скорость, – съязвила я.

– Магия.

Женщин, открывающих автомобильные дверцы самостоятельно, Клермонт, видимо, не любил точно так же, как и несогласных с ним женщин.

– Я вполне способна сама открыть дверь, – сказала я, выбираясь наружу.

– Почему вы, современные женщины, так рветесь открывать двери сами? Доказываете силу своих мускулов?

– Нет, утверждаем свою независимость. – Я с вызовом скрестила руки на груди, вспоминая рассказ Криса о женщине, дерзнувшей задавать Клермонту вопросы на конференции.

Он молча захлопнул дверцу машины и открыл передо мной дверь кафе. Я осталась на месте, ожидая, когда войдет он. Изнутри пахло теплом, беконом, поджаренным хлебом. У меня потекли слюнки.

– Вы безнадежно отстали от века, – сдалась я со вздохом.

Если он намерен купить мне горячий завтрак, пусть себе открывает.

– После вас, – проронил он.

Лицо Клермонта, в тумане почти обычное, при ярком свете поражало бледностью. Несколько посетителей проводили нас взглядами, вампир напрягся. Плохая была идея, подумалось мне.

– Привет, Мэтью, – окликнула его женщина за стойкой. – Вдвоем сегодня?

– Вдвоем, Мэри, – просветлел он. – Как Дэн?

– Уже хорошо, раз жалуется, как ему надоело лежать. Я бы сказала, на поправку пошел.

– Замечательная новость. Не нальете ли при случае чая вот этой леди? Она убить за него грозит.

– Обойдемся без кровопролития, дорогуша. – Пухлая Мэри, улыбнувшись мне, выдвинулась из-за стойки, проводила нас к дальнему столику рядом с кухонной дверью, шлепнула на него два ламинированных меню. – Здесь вам никто не мешает, сидите сколько хотите. Сейчас пришло Стеф с чаем.

Клермонт, посадив меня у стены, сел напротив, между мной и всем залом. Свернул трубочкой меню, потом развернул, весь будто ошетинился – он расслабился, пока мы были вдвоем, но на людях сразу занервничал.

Благодаря знакомству с повадками норвежских волков я поняла, что значит его поведение. Он меня охранял.

– Где вы видите угрозу, Мэтью? Я уже сказала, что могу сама о себе позаботиться. – Мой голос звучал чуть резче, чем хотелось бы.

– Не сомневаюсь, – с сомнением произнес он.

– Послушайте, – я старалась говорить ровно, – вы как-то сумели отогнать... их от меня, чтобы я могла поработать. – Соседние столики стояли слишком близко, и точнее выразаться было опасно. – Я вам благодарна, но здесь сидят одни только люди. Единственное, что нам грозит, – это обратить на себя внимание. Вольно, профессор.

– Вон тот мужчина, – Клермонт повел головой в сторону кассы, – сказал своему приятелю, что вы аппетитная. – Лицо у него потемнело, несмотря на шутливый тон.

Я подавила смехок:

– Не думаю, что он хочет меня укусить.

Вампир посерел.

– Насколько я понимаю современный британский сленг, «аппетитная» – не угроза, а комплимент.

Клермонт продолжал сердиться.

– Если вам не нравится то, что вы слышите, – перестаньте подслушивать. – Этот мужской протекционизм выводил меня из терпения.

– Легче сказать, чем сделать. – Он повертел в руках банку с пастой «Мармит».

Более молодая и стройная версия Мэри принесла нам громадный керамический чайник с двумя кружками.

– Молоко и сахар на столе, Мэтью, – сказала она, поглядывая на меня с любопытством.

– Это Диана, Стеф. Она приехала из Америки.

– Правда? Вы в Калифорнии живете? Умираю, хочу в Калифорнию.

– Да нет, в Коннектикуте.

– Маленький такой штат, да? – Я разочаровала ее.

– Да, и снег там бывает.

– Предпочитаю солнце и пальмы. – Снег заморозил в ней какой бы то ни было интерес ко мне. – Что закажем?

– Я в самом деле проголодалась, – сказала я виновато, заказав болтушку из двух яиц, четыре тоста и несколько ломтиков бекона.

Стеф, которая слышала, наверно, и не такое, записала все это без комментариев.

– Вам только чай, Мэтью? – спросила она, забирая меню.

Он кивнул.

Когда она отошла, я наклонилась к нему через стол:

– Они знают, кто вы?

Наши лица оказались на расстоянии фута. Сегодня от него тоже пахло гвоздикой, но свежей, только что срезанной. Я втянула в себя аромат.

– Знают, что я не совсем такой, как они. Мэри, возможно, подозревает, что совсем не такой, но не обращает внимания. Она полагает, что я спас Дэну жизнь.

– Спасли? Каким образом?

Вампиры обычно убивают, а не спасают.

– Я работал какое-то время в Рэдклиффе, когда там недоставало врачей. Мэри смотрела одну медицинскую передачу и потому распознала симптомы, когда у ее мужа случился инсульт, и обратилась к нам. Без нее он умер бы или стал инвалидом.

– Но она считает, что Дэна спасли вы? – Опьяненная его запахом, я сняла крышку с чайника и подышала парами танина, чтобы как-то переключиться.

– Сначала его спасла Мэри. Но в больнице у него проявилась аллергия на лекарства. Бдительная Мэри сказала об этом лечащему врачу, а тот отмахнулся. Я услышал... и принял меры.

– И часто вы лечите пациентов? – Я налила нам по кружке крепчайшего чая. Руки у меня немного дрожали при мысли о вампире, расхаживающем по больничным палатам.

– Нет. – Он поиграл сахарницей. – Только в экстренных случаях.

Я подвинула ему кружку, он передал мне сахар. Я положила себе ровно пол-ложечки, вылила половину маленького молочника. Именно такой чай я люблю – черный как деготь, разбавленный молоком и с намеком на сахар. Размешала напиток по часовой стрелке и попробовала, точно зная, что теперь он не обожжет мне язык. Превосходно.

Вампир улыбался.

– В чем дело? – спросила я.

– Я еще не видел, чтобы кто-то так скрупулезно подходил к чаепитию.

– Возможно, вы просто не имели дела с подлинными ценителями. Главное здесь – оценить крепость, прежде чем добавлять молоко и сахар. – Его кружка так и стояла нетронутая. – А вы, я вижу, любите натуральный, без ничего.

– Чай – не совсем мой напиток, – сказал он, немного понизив голос.

– Какой же ваш? – не подумав, брякнула я.

Его юмористический настрой тут же сменился яростью.

– Обязательно надо спрашивать? Даже люди знают какой.

– Извините, я не хотела...

– Надеюсь, что так.

Схватив кружку обеими руками, я стала молча пить чай. Стеф принесла тосты в специальной подставке и тарелку с яичницей и беконом.

– Мама велела еще овощей добавить, – пояснила она, когда я округлила глаза при виде жареных грибов с помидорами. – Говорит, краше вас в гроб кладут.

– Спасибо! – Критическое замечание Мэри ничуть не повлияло на мою благодарность. Стеф ухмыльнулась, Клермонт одарил меня легкой улыбкой.

Я взяла вилку. Все было с пылу с жару, снаружи подрумяненное, внутри нежное. Я занялась тостами, намазывая их маслом. Вампир следил за мной так же пристально, как когда я заваривала чай.

– Почему биохимия и медицина? – Я набила рот хлебом, чтобы вынудить его хоть что-то сказать.

– Почему история?

«Э нет. Так просто ты от меня не отделаешься».

– Ваша очередь отвечать.

– Хотел, вероятно, понять, почему я здесь, – промолвил он, строя на столе замок из сахарницы и синих пакетиков с заменителем.

Совпадение его слов с тем, что говорила вчера Агата, поразило меня.

– Это вопрос для философа, не для ученого. – Я слизнула масло с пальца, скрывая растерянность.

– Вы думаете, ученые себе таких вопросов не задают? – снова разозлился он.

– Задавали когда-то. – Внезапные перемены в его настроении очень меня пугали. – Сейчас, по-моему, всех волнует не «почему», а «как». Как работает организм, как планеты движутся во Вселенной.

– Хорошие ученые мыслят иначе.

Люди у него за спиной встали, и он напрягся, словно готовясь отразить нападение.

– Такие, как вы?

Он промолчал.

– Когда-нибудь вам придется объяснить мне связь между строением мозга, исследованием ДНК, поведением животных и эволюцией. Как-то не очень это все сочетается. – Я откусила еще кусок тоста.

Левая бровь Клермонта вопросительно выгнулась.

– Вы, я вижу, прошерстили кучу научных журналов.

– Это только честно, – пожала плечами я. – Вы-то в курсе моих работ – надо было как-то уравнивать шансы.

Он пробормотал что-то – кажется, по-французски – и сказал:

– У меня было достаточно времени на размышления. – Кольцо пакетиков с заменителем сахара образовало вокруг замка ров. – Никакой связи между тем, что вы перечислили, нет.

– Неправда.

Он, само собой, опять взбесился. Внезапный перепад настроения напомнил мне, что я завтракаю со смертельно опасным созданием.

– В чем же она, по-вашему? – процедил он сквозь зубы.

– Не знаю, – правдиво ответила я, – но что-то такое есть. Какой-то вопрос, соединяющий ваши интересы в одну цепочку и придающий им смысл. Иначе пришлось бы допустить, что вы интеллектуальная сорока и бросаетесь на все подряд, – но это, учитывая ваши работы, просто смешно. Или вы подвержены скуке, хотя никаких фактов в пользу этого нет.

Пауза затягивалась, а Клермонт все сверлил меня взглядом. Желудок начал протестовать против слишком обильного завтрака. Я подлила себе чая, положила сахара, добавила сливок.

– Для колдуньи вы весьма наблюдательны, – признал вампир.

– Не одни вампиры умеют охотиться, Мэтью.

– Верно. Все мы за чем-то охотимся, не так ли, Диана? Теперь ваш черед. Так почему же история?

– Вы еще не на все мои вопросы ответили. – Самый важный я так и не задала.

Но он покачал головой, и я, превратившись из следователя в допрашиваемую, перешла в оборону.

– Поначалу меня, вероятно, привлекла ясность. Прошное выглядело таким предсказуемым, закономерным, неувидительным.

– Сразу видно, что вы в нем не жили, – сухо заметил вампир.

– Обратное выяснилось достаточно скоро, – со смехом признала я, – но на первых порах все представлялось именно так. Оксфордские профессора делали из истории связное повествование – начало, середина, конец. Все логично, все неизбежно. Это зацепило меня, как ни одна другая дисциплина. Я стала историком и ни разу не пожалела.

– Хотя и узнали, что человечество – ни в прошлом, ни в настоящем – не подчиняется логике?

– Утратив ясность, история стала еще привлекательнее. Каждый раз, беря в руки старый документ или книгу, я вступаю в бой с людьми, жившими много веков назад. Моя задача – вывести на свет тайны, которые они не могли или не хотели открыть.

– А если вам это не удастся?

– Такого пока не случалось, – поразмыслив, сказала я. – Мне, по крайней мере, так кажется. Все, что нужно, – это умение слушать. Никто на самом деле не хочет, чтобы тайна так и осталась тайной, – никто, даже мертвые. Люди повсюду оставляют ключи, которые приводят внимательного исследователя к разгадке.

– Значит, вы не только историк, но и детектив тоже.

– Да, только в моей работе ставки гораздо ниже. – Я сочла, что допрос на этом окончен, – не тут-то было.

– А историей науки почему занялись?

– По зову великих умов, наверно. – Это, вопреки моему желанию, прозвучало чересчур бойко, да еще и с вопросительной интонацией.

Клермонт начал разбирать сахарный замок.

Здравый смысл советовал помолчать, но узелки моих собственных тайн норовили развязаться сами собой.

– Мне хотелось понять, как люди выработали мировоззрение, в котором почти нет магии. Как убедили себя, что магия не играет роли.

Вампир поднял на меня серый холодный взгляд:

– И вы это поняли?

– Как сказать. Я прониклась их логикой и проследила, как умирала под ножами экспериментаторов вера в то, что наш мир есть волшебное, необъяснимое место. Но экспериментаторы в конечном счете так и не победили. Магия никуда не делась: она ждала, что люди, разочаровавшись в науке, вернуться к ней.

– Отсюда алхимия, – сказал он.

– Нет, – возразила я. – Алхимия – одна из ранних форм экспериментальной науки.

– Возможно, но не станете же вы утверждать, что в алхимии отсутствует магия. Я читал вашу работу – даже вам не удалось это затушевать.

– Тогда это наука с примесью магии. Или магия с примесью науки, если вам так больше нравится.

– А вам?

– Не знаю точно.

– Что ж, спасибо. – Клермонт, судя по его взгляду, знал, как трудно мне говорить об этом.

– Пожалуйста. – Я отвела волосы с глаз, чувствуя легкий мандраж. – Можно еще вопрос? – (Он насторожился, однако кивнул.) – Почему предмет моей работы, алхимия, интересует и вас?

Он не хотел отвечать, но передумал – я-то ведь выдала ему свой секрет.

– Алхимики тоже хотели знать, почему мы здесь. – Я видела, что Клермонт говорит правду, но это не проясняло его интереса к «Ашмолу-782». Он посмотрел на часы. – Если вы закончили, я отвезу вас домой. Думаю, перед библиотекой вы захотите переодеться во что-нибудь теплое.

– Что мне нужно, так это душ. – Я встала и потянулась, распрямляя хронически сведенную шею. – И на йогу сегодня обязательно надо сходить. Сидячий образ жизни меня угнетает.

– Вы занимаетесь йогой? – встрепнулся вампир.

– Жить без нее не могу. Люблю все – упражнения и медитацию.

– Охотно верю. Ваша гребля – комбинация движения и медитации.

Я покраснела. На реке он следил за мной столь же неусыпно, как и в библиотеке.

Клермонт оставил на столе двадцать фунтов, помахал Мэри, которая ответила ему тем же, и направил меня, слегка придерживая за локоть, между столиками сильно опустевшего зала.

– Куда вы ходите на занятия? – спросил он, открыв передо мной дверцу машины.

– В студию на Хай-стрит. Я пока не нашла учителя, который бы меня устраивал, но это близко, а выбирать не приходится.

В Нью-Хейвене несколько секций йоги, а вот Оксфорд порядком отстал.

– Здесь вы не найдете того, что вам нужно, – конфиденциально сообщил Клермонт.

– Так вы тоже йогой занимаетесь? – Посмотреть бы, как выгибается это массивное тело.

– В каком-то смысле. Если хотите завтра со мной пойти, могу забрать вас у Хэртфорда в шесть. Сегодня придется еще помучиться в городской школе, зато завтра позанимаетесь как следует.

– А где ваша школа? Я бы позвонила – спросила, нет ли там сегодня занятий.

– Нет. Понедельник, среда, пятница и воскресенье.

– Вот оно что. Как там вообще?

– Трудно объяснить – увидите сами, – сказал он, сдерживая улыбку.

К моему удивлению, мы уже подъехали к воротам колледжа. Привратник Фред, увидев значок Рэдклиффа, вышел посмотреть, в чем дело.

Клермонт открыл мне дверцу. Я помахала Фреду и протянула вампиру руку.

– Чудесный завтрак. Спасибо за чай и компанию.

– Всегда пожалуйста. Увидимся в библиотеке.

– Машина что надо, – присвистнул Фред. – Это ваш друг, доктор Бишоп? – Это была его работа – знать о гостях как можно больше в целях безопасности, а любопытство – неотъемлемая черта всех привратников.

– Думаю, да, – задумчиво ответила я.

Поднявшись к себе, я взяла из пачки американских денег десятидолларовую бумажку, положила в конверт – просто так, без письма, – адресовала Крису, написала большими буквами «АЭРО», приклеила марки.

Крис в жизни не даст мне забыть, что выиграл это пари. Ни за что не даст.

Глава 8

– Эта ваша машина... банально, честное слово. – Волосы, которые я пыталась убрать с лица, трещали и липли к пальцам.

Клермонт непринужденно прислонился к своему «ягуару». Костюм для йоги, опять-таки серый с черным, на вид прямо из магазина, выглядел все же менее дорогим, чем его библиотечные туалеты.

Элегантный вампир у шикарного автомобиля меня почему-то злил. День выдался не так чтобы очень: в библиотеке сломался конвейер и своих рукописей я дожидалась целую вечность. Доклад пребывал в зачаточном состоянии; я с тревогой посматривала на календарь, воображая, как историки будут задавать мне заковыристые вопросы. Октябрь уже на носу, а конференция в ноябре.

– Думаете, мини лучше бы меня маскировала? – Он протянул руку за моим ковриком.

– Да нет, собственно...

В осенних сумерках на нем прямо-таки светилась надпись «вампир», но аспиранты и доны¹⁸ проходили мимо как ни в чем не бывало. Если они в упор не чувствуют, да что там не чувствуют – не видят, кто он такой, то машина и вовсе не имеет значения. Во мне продолжала накапливаться злость.

– Я что-то сделал не так? – Серо-зеленые глаза смотрели невинно.

Клермонт открыл дверцу и потянул носом, когда я села в машину.

– Вы что, обнюхиваете меня? – не выдержала я.

Еще вчера мне показалось, что мое тело снабжает его информацией без моего на то разрешения.

– Не искушайте, – промурлыкал он.

У меня мурашки побежали по шее, когда я вдумалась в смысл этих слов. Он захлопнул дверцу, положил в багажник мой коврик для йоги и одним плавным движением переместился за руль, впусив внутрь ночной воздух.

– Неважный день? – с деланным сочувствием спросил Клермонт.

Я ответила уничтожающим взглядом. Он прекрасно знал, как сложился мой день. Они с Мириам опять торчали в читальном зале герцога Хамфри, преграждая доступ другим сверхъестественным существам. Когда мы с ним ушли переодеться для йоги, Мириам осталась – проследить, чтобы за нами не увязались даймоны или кто-нибудь похуже.

Клермонт включил зажигание и поехал по Вудсток-роуд, не предпринимая дальнейших попыток завязать разговор.

– Куда мы едем? – спросила я подозрительно (по сторонам были только жилые дома).

– На йогу, – невозмутимо ответил он. – Я бы сказал, что в таком настроении она будет вам весьма кстати.

– И где она, эта йога?

Мы направлялись куда-то в сторону Бленема.

– Вы передумали? – с едва заметным раздражением спросил Мэтью. – Отвезти вас в студию на Хай-стрит?

Я содрогнулась, вспомнив о вчерашнем занятии.

– Нет.

– Тогда расслабьтесь. Это не похищение. Разве плохо, когда вами руководит кто-то другой? Притом вас ждет сюрприз.

– Хм...

¹⁸ Преподаватели университета.

Из стереосистемы полилось нечто классическое.

– Не думайте ни о чем. Слушайте! – приказал Мэтью. – Напрягаться под Моцарта попросту невозможно.

Не узнавая себя, я уселась поудобнее, закрыла глаза. «Ягуар» плавно покачивался, снаружи почти ничего не было слышно – я плыла над землей, несомая волнами музыки.

Скоро мы подъехали к высоким железным воротам – даже я при всей сноровке через них бы не перелезла. По обеим их сторонам тянулись красные кирпичные стены причудливой кладки. Я выпрямилась.

– Отсюда не видно. – Клермонт, посмеиваясь, опустил стекло, набрал код. Раздался мелодичный сигнал, ворота открылись.

Хрустя гравием, мы проехали вторые ворота, еще древнее первых, – это была просто арка в кирпичной стене, намного ниже предыдущей. Ее венчала крохотная надстройка с окнами, похожая на фонарь. Слева от ворот стояла великолепная сторожка, тоже из кирпича, с витыми трубами и окнами в мелких свинцовых переплетах. «Олд-Лодж» – значилось на потускневшей медной табличке.

– Как красиво! – ахнула я.

– Я так и думал, что вам понравится, – сказал довольный вампир.

В парке уже стемнело. Стайка оленей, вспугнутая фарами и шумом мотора, скрылась в спасительном мраке. Мы поднялись на небольшой холм, сделали поворот. «Ягуар» едва полз.

– Ну вот, – показал вперед Клермонт.

Двухэтажный особняк в тюдоровском стиле с небольшим внутренним двориком. Мощные прожекторы освещали его фасад сквозь узловатые дубовые ветки.

Не сдержав эмоций, я выругалась. Клермонт сначала удивился, а потом усмехнулся. Он подкатил к дому и припарковался рядом с последней спортивной моделью «ауди». На площадке уже стояло с десяток машин, а на холме мелькали фары и других.

– Вы уверены, что я здесь буду на месте?

Я занималась йогой больше десяти лет, но это еще не значило, что я ас. Кто их знает – может, они тут стоят вверх ногами, опираясь на одну руку.

– Да, конечно. Состав у нас смешанный.

– Ну-ну. – Мое беспокойство, несмотря на его ответ, только усилилось.

Клермонт достал из багажника наши коврики, пропустил вперед новоприбывших, открыл дверцу машины и подал мне руку. Что-то новенькое, отметила я. Его прикосновения до сих пор вызывали у меня дискомфорт, разница наших температур поражала.

Он помог мне выйти и сжал напоследок руку, подбадривая. Наши взгляды встретились, и мы смущенно отвернулись друг от друга.

Во двор вели третьи ворота. Особняк изумительно сохранился – никому не дали пробить в нем симметричные георгианские окна или пристроить аляповатые викторианские оранжереи. Мы точно перенеслись в прошлое.

– Невероятно, – пробормотала я.

Клермонт, усмехаясь, провел меня в большую, подпертую стопором дверь. Я так и ахнула – интерьер ошеломил меня еще больше, чем внешний вид. Куда ни кинь взгляд – полированные стенные панели с орнаментом в стиле «льняные складки». В огромном камине горит огонь. Окруженный скамейками стол на козлах выглядел как ровесник самого дома – только электричество и напоминало, что мы в двадцать первом веке.

На темных дубовых скамейках лежали груды свитеры с пиджаками, внизу рядами стояла обувь. Клермонт выложил на стол связку ключей, мы разулись и пошли дальше.

– Помните, я говорил, что состав у нас смешанный? – спросил он, подходя к одной из дверей. Я кивнула. – Это правда, но войти в эту комнату могут только такие, как мы.

Он открыл дверь. Десятки любопытных взглядов защекотали меня, облобызали, обдали холодом. В комнате было полно даймонов, вампиров и колдунов. Сидя на ярких ковриках – кто поджав ноги, кто на коленях, – они ждали начала занятий. У некоторых даймонов в ушах торчали наушники, колдуны вполголоса сплетничали, вампиры держались спокойно, не проявляя эмоций.

У меня отвисла челюсть.

– Виноват, – сказал Клермонт. – Я боялся, что вы не пойдете, если я расскажу, но это действительно лучшая школа в Оксфорде.

К нам направлялась высокая колдунья с короткими иссиня-черными волосами и кожей цвета кофе со сливками. Все остальные отвернулись и возобновили медитацию. Клермонт, при входе слегка напряженный, почувствовал себя заметно свободнее.

– Здравствуй, Мэтью, – хрипловато, с индийским акцентом сказала колдунья.

– Здравствуй, Амира. Это Диана Бишоп, о которой я тебе говорил.

Амира, пристально всмотревшись в мое лицо, улыбнулась:

– Очень приятно, Диана. Йогой раньше занимались?

Новая волна тревоги захлестнула меня.

– Занималась, но здесь я впервые.

– Добро пожаловать в Олд-Лодж, – еще шире улыбнулась она.

Знает ли здесь кто-нибудь об «Ашмоле-782»? Знакомых лиц в зале я не видела, и атмосфера была открытая, без намека на всегдашние трения между разными созданиями.

Крепкая теплая рука охватила мое запястье, и сердце сразу же пришло в норму. Я с удивлением вскинула глаза на Амиру. Как она это сделала?

Она отпустила меня, но пульс остался ровным.

– Думаю, вам с Дианой будет удобнее здесь, – сказала она Клермонту. – Устраивайтесь, сейчас начинаем.

Мы расстелили коврики около двери. Соседей справа у меня не было; чуть подальше, закрыв глаза, сидели в позе лотоса двое даймонов. Щекотное ощущение на плече быстро прошло, и чей-то голос произнес в голове: *Извини*.

Он исходил откуда-то спереди, как и щекотка. Амира, с упреком взглянув на кого-то в первом ряду, попросила внимания.

Мое тело приняло привычную сидячую позу, Клермонт спустя пару секунд тоже сел.

– Закрывайте глаза. – Амира нажал кнопку на крошечном пульте, из стен и потолка полилась медитативная музыка. Музыка была средневековая, и кто-то из вампиров блаженно вздохнул.

Я отвлеклась, рассматривая лепной потолок бывшего главного зала.

– Закрывайте глаза, – мягко повторила Амира. – Трудно освободиться от своих тревог, своих забот, своих эго, но для этого мы здесь и собрались.

Формула, которую я не раз слышала в других классах, здесь имела специфическое значение.

– Мы собрались, чтобы поучиться правильно управлять своей энергией. Почти все свое время мы притворяемся кем-то другим. Отбросьте это. Воздайте честь своей подлинной сущности.

После легкой разминки мы стали на колени, разогрели позвоночник, приняли позу собаки, постояли в ней немного и поднялись.

– Врастите ногами в землю, – велела Амира. – Поза горы.

Я сосредоточилась на ногах и вздрогнула, ощутив неожиданный толчок.

Амира начала делать виньясы. Вслед за ней мы воздевали руки к потолку и опускали к самым ступням, тянулись и наклонялись. Когда ладони всех колдунов, вампиров и даймонов

соприкоснулись над головой, Амира предоставила нам выполнять движения в собственном ритме. Она нажала кнопку на пульте, и в комнате зазвучал «Рокет мэн» Элтона Джона.

Эта музыка как-то очень подходила к знакомым мне упражнениям. Я проделывала их в такт, дышала, расслабляя напряженные мускулы, изгоняя из головы все мысли. На третьем повторе энергетика в зале изменилась. Трое колдунов поднялись над полом на добрый фут.

– Взлетать не надо, – попросила Амира.

Двое опустились спокойно, а один спикировал вниз головой.

В темп укладывались не все. Даймоны копошились как параличные, вампиры со своими мощными мускулами опережали остальных.

– Тихонько, – говорила Амира. – Спешить и напрягаться не стоит.

Постепенно энергия снова вошла в нужное русло. Когда начались стоячие позы, лидировали вампиры – они выдерживали минуту за минутой без всяких усилий. Я целиком отдалась движению, не думая больше о том, соответствует ли моя подготовка уровню этого класса.

Когда мы приступили к прогибам назад на полу, все уже взмокли, кроме вампиров – у этих даже испарины не было. Некоторые, в том числе и Клермонт, делали невероятные стойки на руках и локтях. Один раз он вытянулся в струнку, и создалось такое впечатление, что вампир касается пола одним только ухом.

Заключительная савасана всегда давалась мне труднее всего. Долго вылежать на спине в позе трупа я не могла, и расслабленность всех остальных только добавляла мне дискомфорта. Я лежала, закрыв глаза, и старалась не дергаться.

– Диана, эта поза не для тебя, – шепотом сказала Амира, став между мной и вампиром. – Ляг на бок.

Мои глаза открылись сами собой. Как она умудрилась разгадать мой секрет?

– Свернись клубочком. – Заинтригованная, я подчинилась, и мне сразу же стало легче. Амира легонько потрепала меня по плечу. – И глаза закрывать не надо.

Я лежала лицом к Клермонту. Амира убавила свет, но я хорошо видела его сияющий профиль.

Он смотрелся как лежащее изваяние средневекового рыцаря на гробнице Вестминстерского аббатства: длинные руки и ноги, длинный торс, сильная лепка лица. В нем чувствовалось что-то древнее, хотя выглядел он не намного старше меня. Я мысленно прошлась пальцем по его выпуклому лбу от волос до густых бровей, погладила нос, обвела губы.

Когда я досчитала про себя до двухсот, он сделал вдох, а потом долго-долго не выдыхал.

Через некоторое время Амира предложила классу вернуться к жизни. Мэтью повернулся ко мне и открыл глаза. Его лицо стало мягким – с моим, насколько я чувствовала, произошло то же самое. Вокруг нас началось движение, но я, вопреки приличиям, так и лежала на боку, глядя в глаза вампиру. В той же позе оставался и он. Когда я наконец села, комната от резкого прилива крови закружилась вокруг меня.

Наконец вращение остановилось. Амира пропела финальную мантру, позвенела серебряными колокольчиками на пальцах. Все на сегодня.

Вампиры общались с вампирами, колдуны с колдуньями. Даймоны обсуждали, куда пойти вечером и в каком из оксфордских клубов джаз лучше. Да ведь их направляет энергия класса, с улыбкой подумала я, вспомнив, что говорила Агата об их беспокойных душах. Двое инвестиционных банкиров из Лондона, оба вампиры, обсуждали нераскрытые убийства в столице. Меня кольнула тревога – вспомнилось вестминстерское дело, о котором я читала в газете. Мэтью сердито глянул на них, и они сменили тему и стали обсуждать, куда завтра пойти на обед.

Двигаясь к выходу, все проходили мимо нас с Клермонтом. Колдуны кивали, с любопытством косясь; даймоны заглядывали нам в глаза и обменивались многозначительными взглядами.

дами и ухмылками, вампиры намеренно игнорировали меня, но в обязательном порядке здоровались с Мэтью.

Под конец в зале остались только мы и Амира. Она свернула свою циновку и подошла к нам:

– Хорошо позанимались, Диана.

– Спасибо, Амира. Йога была просто незабываемая.

– Приходи когда хочешь, с Мэтью или одна. – Она похлопала его по плечу. – Надо было сказать ей.

– Я боялся, что она не захочет пойти... и знал, что ей понравится, когда она окажется здесь. – Клермонт застенчиво глянул на меня.

– Выключите свет, когда будете уходить, ладно? – сказала напоследок Амира.

Я обвела взглядом безупречно спроектированный зал:

– Да... действительно сюрприз получился. – Мне хотелось, чтобы он еще немного помучился.

Мэтью бесшумно возник за моей спиной:

– Приятный, надеюсь. Понравилось?

Медленно обернувшись к нему, я запрокинула голову, глядя в его лицо:

– Да.

– Я рад. – Снова эта улыбка, от которой сердце замирает в груди.

Чтобы оторваться от его глаз, я нагнулась и стала скатывать коврик. Мэтью забрал свой, выключил свет. Мы обулись в комнате с камином, успевшим прогореть до углей.

– Не хочешь выпить чая перед отъездом? – спросил Мэтью, беря со стола ключи.

– Где бы это?

– В сторожке.

– Там что, кафе?

– Нет, но кухня имеется. И посидеть есть где. Я сам заварю.

– Мэтью, – осенило меня, – это твой дом?

Мы уже вышли во двор. Над входом значилась дата: 1536.

– Я его и построил, – ответил он, не сводя с меня глаз.

Итак, Мэтью Клермонту никак не меньше пятисот лет.

– Прелести Реформации, – продолжал он. – Генрих пожаловал мне поместье с условием, что я снесу стоявшее здесь аббатство. Я сохранил что мог, хотя это было трудно; король тогда пребывал в дурном настроении. Несколько ангелов, кое-где старая кладка – все остальное новое.

– Впервые слышу, чтобы здание, построенное в шестнадцатом веке, кто-то называл новым.

Я попыталась взглянуть на дом его глазами, больше того – увидеть его как часть Мэтью. Здесь он пятьсот лет назад собирался жить, а жилище может многое рассказать о своем хозяине. Дом был тихим, солидным и надежным, как Мэтью. Никаких архитектурных излишеств.

– Красиво, – просто сказала я.

– Теперь дом слишком велик для жилья, не говоря уж о том, как все изнашивается. Стоит открыть окно, и что-нибудь обязательно отваливается, несмотря на постоянный уход. Пару комнат занимает Амира, и несколько раз в неделю здесь проходят занятия.

– А ты, значит, живешь в сторожке? – спросила я, пока мы шли к машине по вымощенному булыжником двору.

– Всю неделю я в Оксфорде, а сюда приезжаю на выходные. Здесь спокойнее.

Да... нелегко, вероятно, вампиру жить в толпе шумных студентов, чьи разговоры он слышит помимо воли.

Мы доехали до сторожки. Ее, лицо усадьбы, в свое время украсили немного обильнее, чем большой дом. Я смотрела на витые трубы и замысловатую кладку.

– Знаю, – со стоном промолвил Мэтью. – Каменщик дорвался-таки до этих труб. Его кузен работал в Хэмптон-Корте у Вулси¹⁹, и мой мастер просто не желал слышать «нет».

Мэтью щелкнул выключателем у двери. Золотой свет залил большую комнату с полом из каменных плит и очагом, где можно было быка зажарить.

– Замерзла?

Часть сторожки переделали в современную кухню, посреди которой возвышался огромный холодильник. Я старалась не думать о том, что Мэтью там держит.

– Немножко. – Я поежилась в своем свитере. На дворе было относительно тепло, но я продрогла из-за того, что вспотела.

– Тогда зажги камин, – предложил Мэтью.

Дрова были уже приготовлены. Я взяла из старинной оловянной кружки длинную спичку и подожгла их.

Мэтью поставил чайник, а я стала осматривать комнату. Хозяину явно нравились коричневая кожа и темное полированное дерево, они красиво смотрелись на фоне каменных плит. Цветным пятном выделялся старый ковер теплых красных, синих и желтых оттенков. Над камином висел огромный портрет второй половины семнадцатого столетия. Темноволосую красавицу в желтом платье писал определенно сэра Питера Лили²⁰.

– Моя сестра Луиза, – сказал Мэтью, заметив мой интерес (он как раз принес из кухни поднос с чайными принадлежностями). – Dieu²¹, как прекрасна она была!

– Что же с ней случилось?

– Она уехала на Барбадос, намереваясь стать королевой Вест-Индии. Мы ей говорили, что на маленьком острове ее пристрастие к молодым джентльменам не пройдет незамеченным, но она не желала слушать. Ей нравилось жить на плантации, выращивать сахарный тростник и владеть рабами. – По лицу Мэтью пробежала тень. – Во время одного восстания соседи-плантаторы, разгадавшие ее тайну, решили покончить с ней. Отрубили Луизе голову, тело изрезали на куски, останки сожгли и свалили все на рабов.

– Мне очень жаль. – Глупые слова для такой тяжелой потери.

– Смерть, достойная жертвы, – чуть улыбнулся он. – Я любил сестру, но это нелегко мне давалось. Она усваивала пороки всех веков, в которые жила. Ни одна крайность для нее не была крайней. – Мэтью с трудом оторвал взгляд от холодного красивого лица на портрете. – Чай готов. – Он поставил поднос на низкий дубовый столик перед камином, между двумя кожаными диванами.

Я принялась разливать, ни о чем больше не спрашивая, хотя вопросов у меня хватило бы на несколько вечеров. Под взглядом больших черных глаз Луизы я старалась не пролить ни капли на полированную столешницу – вдруг этот стол когда-то принадлежал ей. Мэтью не забыл ни о молоке, ни о сахаре. Придав чаю нужный оттенок, я устроилась на мягком диване.

Мэтью вежливо взял свою чашку, но пить не стал.

– Не нужно делать что-то только из-за того, что я здесь, – сказала я.

– Я привык, – пожал плечами он. – А привычные движения действуют успокаивающе.

– Давно занимаешься йогой?

– Это совпало с отъездом Луизы. Я отправился в другую Индию, настоящую, и застрел на Гоа во время муссонов. Делать было нечего, кроме как пить и учиться всему индийскому.

¹⁹ Томас Вулси (1475–1530) – кардинал, лорд-канцлер при короле Генрихе VIII. Его загородный дворец Хэмптон-Корт после обвинения Вулси в измене перешел к королю.

²⁰ Питер Лили (1618–1680) – английский портретист голландского происхождения.

²¹ Боже мой (фр.).

Тогдашние йоги были гораздо одухотвореннее большинства нынешних. Амиру я не так давно встретил в Мумбае, когда был там на конференции. Посмотрел, как она ведет класс, и понял, что она не уступает мастерством старым йогам. И не имеет предрассудков насчет дружбы с вампирами, как некоторые колдуны. – В последней фразе чувствовалась горечь.

– Понял и пригласил сюда?

– Я рассказал ей об Англии, а она согласилась попробовать. Скоро уж десять лет, как она здесь, и в нашем классе всегда полно народу. Амира, конечно, еще и частные уроки дает, в основном людям.

– Никогда не видела, чтобы колдуны, вампиры и даймоны занимались чем-то вместе, хотя бы и йогой, – призналась я. Существовали строгие табу на общение с другими расами. – Скажи мне кто-нибудь, ни за что не поверила бы.

– Амира – оптимистка и любит преодолевать трудности. Поначалу все было совсем непросто. Вампиры отказывались находиться в одном помещении с даймонами, а первым колдунам и вовсе никто не доверял. – Я слышала по его голосу, что и он не свободен от предрассудков. – Теперь почти весь класс признает, что сходства у нас больше, чем отличий, и соблюдает правила вежливости.

– Мы, возможно, и кажемся похожими, – я подтянула колени к груди, – но определенно не чувствуем себя таковыми.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Мэтью.

– Мы всегда знаем, когда рядом... не человек. По легкому касанию, по холоду, по щекотке.

– Это, видимо, привилегия колдунов. Я, например, не знаю.

– Чувствуешь что-нибудь, когда я смотрю на тебя?

– Нет, а ты? – Его невинный взгляд тут же пустил мурашки по моей коже.

Я кивнула.

– Опиши свои ощущения. – Он подался вперед, и я почувствовала западню.

– Холод, – начала я, не зная, стоит ли говорить как есть. – Как будто лед под кожей.

– Весьма неприятно, мне кажется. – Мэтью наморщил лоб.

– Нет, просто немного странно. Хуже всего даймоны – их взгляды я ощущаю как поцелуи, – скривилась я.

Мэтью со смехом поставил чашку на стол, уперся локтями в колени и наклонился ко мне:

– Значит, колдовскими способностями ты все-таки пользуешься.

Западня захлопнулась. Я потупилась, красная до ушей, меня охватила злость.

– В жизни бы не открывать «Ашмол-782» и не снимать с полки тот чертов журнал! Это было мое пятое колдовство за весь год. Стиральная машина вообще не считается – без моих чар она затопила бы квартиру внизу.

Мэтью поднял руки – сдаюсь, мол.

– Мне все равно, Диана, пользуешься ты магией или нет. Просто я поражен тем, на что ты способна.

– Не пользуюсь я ни магией, ни колдовством – называй как хочешь. Я не такая. – Щеки у меня пылали.

– Нет, такая. Это сидит у тебя в крови и в костях. Такое же генетическое наследие, как голубые глаза и светлые волосы.

У меня никогда не получалось объяснить, почему я чужаюсь магии. Сара и Эм не понимали, где же Мэтью понять? Чай остыл. Я сжалась в комок под изучающим взглядом вампира.

– Не хочу я этого, – в конце концов процедила я. – Никогда не хотела.

– Но почему? Эмпатия Амиры, которая согрела тебя сегодня, – часть ее магии. Колдовской дар ничем не хуже музыкального или поэтического, просто он другой.

– А я не желаю быть другой! – взъярилась я. – Хочу жить обыкновенной жизнью, как нормальные люди. – Вот именно. Не опасаясь, что тебя разоблачат и убьют. Я стиснула зубы, чтобы не выпалить это вслух. – Вот тебе разве не хочется быть нормальным?

– Скажу тебе как ученый, Диана: никакой «нормальности» в природе не существует. – Его тон уже не был мягким. – Нормальность – это сказочка, которой люди успокаивают себя, сталкиваясь с неопровержимыми свидетельствами того, что почти все вокруг «ненормальное».

Пусть себе говорит, я останусь при своем убеждении. Опасно быть существом иного порядка в управляемом людьми мире.

– Диана, посмотри на меня.

Вопреки всем инстинктам я посмотрела.

– Ты отталкиваешь от себя магию. Точно так же, по-твоему, поступали ученые, о которых ты пишешь. Проблема в том, что у них ничего не вышло. Даже те из них, что были людьми, не сумели полностью изгнать магию из своего мира – это твои собственные слова. Она возвращалась снова и снова.

– Это совсем другое, – шепотом ответила я. – Сейчас я говорю о своей жизни. Ею я могу управлять.

– Не другое, а то же самое, – сказал он тихо и уверенно. – Ты будешь пытаться, но у тебя ничего не выйдет, как не вышло у Роберта Гука и Исаака Ньютона. Они оба знали, что без магии мир не может существовать. Блестящий Гук, умевший мыслить в трех измерениях, изобретавший приборы и ставивший опыты, так и не раскрыл полностью свой потенциал именно из-за страха перед тайнами мироздания. А вот Ньютон... столь бесстрашного ума я никогда не встречал. Он не боялся того, что нельзя увидеть глазами и с легкостью объяснить. Он принимал все как есть. Ты, как историк, знаешь, что к теории притяжения он пришел через алхимию и веру в невидимые причины роста и перемен.

– Ну, значит, я Гук. У меня нет желания стать легендой наподобие Ньютона.

Или собственной матери.

– Страх сделал Гука желчным завистником. Он вечно оглядывался через плечо и критиковал чужие эксперименты. Так жить не годится.

– Я не буду строить свою работу на магии, – упрямылась я.

– Но ты и не Гук, – отрезал Мэтью. – Он был человеком, которому вражда с магией испортила жизнь, а ты колдунья. Тебя эта вражда уничтожит.

От этих заманчивых речей в меня закрадывался страх. Послушать Мэтью Клермонта, нечеловеком можно быть без всяких тревог и последствий. Но он вампир, ему нельзя доверять. И насчет магии он не прав. Не может быть прав. В противном случае получается, я всю жизнь сражалась с воображаемым врагом.

«Страшно тебе? Сама виновата. Приоткрыла магии дверь, вопреки собственным правилам, а следом пролез вампир со всей прочей компанией». Я вспомнила, как погибли мои родители, начала задыхаться и вся покрылась гусиной кожей.

– Я умею выживать только без магии, Мэтью.

Я дышала медленно, пытаясь не поддаваться чувствам, но призраки отца и матери не желали уходить.

– Это твое выживание – ложь, к тому же неубедительная. Ты думаешь, что хорошо притворяешься, но обманываешь только себя. – Он точно диагноз ставил. – Я видел, как люди на тебя смотрят. Они знают, что ты другая.

– Чепуха.

– Шон теряет дар речи, стоит тебе на него поглядеть.

– Он был равнодушен ко мне в аспирантуре.

– И до сих пор равнодушен, но дело не в этом. Мистер Джонсон, надеюсь, не твой поклонник? Однако он вместе с Шоном трепещет при малейшей перемене твоего настроения

и боится, когда не может посадить тебя на привычное место. И добро бы речь только о людях: Берно ты перепугала чуть ли не до смерти.

– Того монаха? – не поверила я. – Он тебя испугался, а не меня!

– Мы с Берно знаем друг друга с тысяча семьсот восемнадцатого года, – сухо сообщил Мэтью. – С какой стати он будет меня бояться? Познакомились на вечере у герцога Чандоса, где он пел Дамона в «Ацисе и Галатее» Генделя. Уверяю тебя, испугала его именно ты.

– Мы живем не в волшебной сказке, Мэтью, а в человеческом мире. Людей намного больше, и они действительно нас боятся. Человеческий страх сильнее и магии, и вампиров.

– Страх и отрицание – человеческий путь. Колдуну он заказан, Диана.

– Этого я как раз не боюсь.

– Еще как боишься! Пошли, я отвезу тебя в Оксфорд.

– Послушай... – Желание получить нужную информацию пересилило все остальное. – Мы оба интересуемся «Ашмолем-782». Между вампиром и колдуньей не может быть дружбы, но работать-то вместе мы можем?

– Не уверен.

Всю дорогу до Оксфорда мы молчали. Люди ошибаются, думая, что вампиров делает страшными жажда крови, – в Мэтью меня больше всего пугало это его отчуждение и внезапные вспышки гнева.

У ворот Нового колледжа он достал мой коврик из багажника и сказал без всякого выражения:

– Хороших тебе выходных.

– Спокойной ночи, Мэтью. Спасибо, что на йогу сводил, – сказала я столь же бесстрастно. И не оглянулась ни разу, хотя чувствовала на себе его холодный взгляд.

Глава 9

Мэтью пересек Эйвон²² по горбтому арочному мосту. Знакомые крутые утесы и темное небо Ланаркшира успокаивали его – суровая и контрастная красота этой части Шотландии соответствовала его настроению. Липовая аллея, остаток былой роскоши, некогда вела ко дворцу. Мэтью, сбросив скорость, подъехал по ней к черному входу в бывший охотничий домик. Необработанный бурый камень заднего фасада контрастировал с кремовой штукатуркой главного. Клермонт вылез из «ягуара», достал сумки из багажника.

Белая дверь гостеприимно распахнулась.

– Паршиво выглядишь. – Поджарый крючконосый даймон, темноволосый и кареглазый, смерил взглядом закадычного друга.

Хэмиш Осборн познакомился с Мэтью Клермонтом в Оксфорде лет двадцать назад. Их, как многих нелюдей, всю жизнь учили бояться представителей чуждого вида. Поначалу они не знали, как держаться друг с другом, но сходное чувство юмора и склад ума со временем сделали их неразлучными.

Гнев, отразившийся было на лице Мэтью, тут же угас.

– Я тоже рад тебя видеть, – проворчал он, ставя на пол сумки.

От дома пахло старой штукатуркой и деревом, от Хэмиша – лавандой и мятой. Вампир жадно вдохнул, силясь забыть про запах колдуньи.

Дворецкий Хэмиша Джордан (человек) принес с собой запахи лимонной политуры и накрахмаленного белья. Они не до конца перебили Дианины жимолость и белокудренник, но все-таки помогли.

– Рад вас видеть, сэр.

Джордан унес наверх багаж Мэтью. Дворецкий принадлежал к старой школе: ему хорошо платили, чтобы он не болтал о хозяйских секретах, но Джордан и без того ни одной живой душе не проговорился бы, что Осборн – даймон, у которого временами гостят вампиры. Или что на завтрак, скажем, здесь иногда просят подать сэндвичи с арахисовым маслом и бананом.

– Спасибо, Джордан. – Мэтью, избегая смотреть Хэмишу в глаза, обвел взглядом холл. – Ты, я вижу, приобрел очередного Гамильтона, – заметил он, разглядев на стене незнакомый пейзаж.

– Ты не часто замечаешь мои покупки. – Акцент у даймона, как и у Мэтью, был оксбриджский, но тоже со странными нотками – в данном проскальзывало Глазговское «р».

– Кстати, о новых приобретениях: как там Душка Уильям?

Уильям (человек) был новым любовником Хэмиша, таким красивым и милым, что Мэтью наградил его именем цветка²³. Прозвище прижилось: Хэмиш теперь так и называл возлюбленного, а Уильям скупал и дарил друзьям горшки с гвоздикой, которые попадались ему в цветочных лавках.

– Ворчит, – усмехнулся Хэмиш. – Я обещал ему тихие домашние выходные.

– Мог бы и не приезжать – я тебя не просил, – тоже ворчливо заметил Мэтью.

– Знаю, но мы с тобой давненько не виделись, а Кэдзоу в эту пору года очень хорош.

Мэтью недоверчиво уставился на друга:

– Ого, а я смотрю, тебе и вправду нужно поохотиться.

– Позарез, – отрывисто признался вампир.

– Выпьем сначала или сразу приступишь?

– Выпить мне бы не помешало – вяло признался Клермонт.

²² *Эйвон* – река в Шотландии, приток Клайда.

²³ *Душка Уильям* (sweet William) – английское название турецкой гвоздики.

– Вот и отлично. Тебе вино, мне виски. – Хэмиш попросил Джордана достать бутылку из погреба сразу после раннего звонка Мэтью. Он терпеть не мог пить один, а вампир в рот не брал виски. – Заодно расскажешь, с чего тебе так приспичило поохотиться в этот чудный сентябрьский денек.

Они поднялись в библиотеку. Деревянными панелями ее обшили в девятнадцатом веке, нарушив первоначальный замысел архитектора: он планировал создать просторную, полную воздуха комнату, где дамы восемнадцатого столетия могли бы дожидаться с охоты мужей. Но белый потолок с лепными гирляндами и суетливыми ангелочками сохранился и бросал молчаливый укор современности.

Мужчины уселись в кожаные кресла рядом с камином, где уже плясал, разгоняя осенний холод, огонь.

– Превосходно, – одобрил Мэтью вино, которое показал ему Хэмиш.

– Я так и думал. У «Братьев Берри и Радд» меня заверили, что оно хоть куда. – Хэмиш налил Мэтью вина, а себе виски из графина.

Посидев некоторое время в уютном молчании, Мэтью сказал:

– Прости, что притащил тебя сюда. Сложилась трудная ситуация... сложно объяснить.

– У тебя просто и не бывает, – усмехнулся даймон.

В Хэмише Осборне Мэтью привлекали отчасти его прямота, отчасти несвойственные даймонам здравомыслие и ровный характер. Вампир на своем веку дружил со многими даймонами, в равной мере одаренными и безумными. С Хэмишем было гораздо проще: ни тебе кипучих споров, ни бешеных всплесков активности, ни периодов опасной депрессии. В их общении долгое молчание перемежалось остроумными беседами, и все окрашивало безмятежное отношение Хэмиша к жизни.

Особенности характера сказывались и в том, что областью своей деятельности Хэмиш избрал не искусство, как большинство даймонов, а сферу финансов. У него был талант не только наживать деньги, но и выискивать слабые места в международной системе. Креативность он вкладывал не в сонаты, а в финансовые таблицы. Осборн так замечательно разбирался в хитростях валютного рынка, что с ним советовались монархи, премьер-министры и президенты.

Мэтью это восхищало не меньше, чем та легкость, с которой Хэмиш общался с людьми. Осборн любил бывать в их обществе. Человеческие недостатки даймона скорее стимулировали, чем удручали. Он получил это в наследство от родителей (его отец был страховым брокером, а мать домохозяйкой). Мэтью был знаком с этой невозмутимой четой и понимал, отчего Хэмиш так любит людей.

Треск дров в камине и запах виски помогали вампиру расслабиться. Красная жидкость в его бокале мерцала в свете очага.

– Не знаю, с чего и начать...

– С конца, – посоветовал даймон. – Когда ты снял трубку и вздумал мне позвонить.

– Мне надо было уехать от одной колдуньи.

Хэмиш посмотрел на Мэтью, подмечая, насколько тот взвинчен:

– И что же в ней такого особенного?

Мэтью глянул на него из-под густых бровей:

– Всё.

– Неприятности, да? – сочувственно, но с иронией поинтересовался Хэмиш.

– Можно и так сказать, – с резким смешком признал Мэтью.

– А имя у нее есть?

– Диана. Историк, приехала из Америки.

– Богиня охоты, – протянул Хэмиш. – Что она такое, помимо имени, – обыкновенная колдунья?

– Вот уж нет.

– Ага. – Хэмиш видел, что Мэтью и не думает успокаиваться – наоборот, рвется в драку.

– Она Бишоп. – Мэтью знал по опыту, что даймон мигом ухватит суть любой его реплики.

Хэмиш порылся в памяти:

– Сейлем, штат Массачусетс?

Мэтью угрюмо кивнул:

– Последняя из тех Бишопов. Ее отец – Проктор.

– Дважды колдунья, – тихо присвистнул Хэмиш, – потомок двух славных родов. Да, ты ничего не делаешь наполовину. Сильна, вероятно.

– Мать у нее очень сильная. Об отце я мало что знаю, а вот Ребекка Бишоп – статья особая. В тринадцать лет колдовала так, как некоторые за всю жизнь научиться не могут. И с самого детства была провидицей.

– Ты ее знаешь, Мэтт?

С кем только не пересекался друг Хэмиша за множество своих жизней!

– Нет, но о ней много говорят – как правило, с завистью. Ты же знаешь, какие они, эти колдуны.

Хэмиш, давно знавший, что колдунов Мэтью не жалует, взглянул на него поверх своего бокала:

– Ну а Диана что же?

– Она утверждает, что магией не пользуется.

Эта короткая фраза давала сыщику сразу две нити. Хэмиш начал с той, что распутать было попроще.

– Совсем? А пропавшую сережку найти? Волосы покрасить?

– Не тот тип. Сережки не носит, волосы не красит. Трехмильная пробежка и час на реке в неустойчивой лодчонке.

– С ее-то происхождением как-то трудно поверить, что она обходится без магии. – Мечтатель в Хэмише уживался с прагматиком – именно поэтому даймон так хорошо управлялся с чужими деньгами. – Ты тоже не веришь, иначе не думал бы, что она врет. – Хэмиш потянул за вторую нить.

– По ее словам, она все же колдует, но очень редко, по разным пустяковым делам. – Мэтью, задумчиво взъерошив волосы, отпил вина. – Но я-то знаю, что это происходит куда как чаще. Я чувю. – Он заговорил откровенно впервые с тех пор, как приехал. – Пахнет как летом перед грозой, а иногда это даже и видно. В моменты гнева или самозабвенной работы она светится. – «И когда спит тоже», – нахмурившись, добавил он про себя. – Да я иногда почти на вкус это чувствую.

– Светится, говоришь?

– Ты бы этого не увидел, хотя, возможно, почувствовал бы как-то по-своему. *Chatoiement*²⁴ – колдовское свечение – никогда не бывает ярким. Даже когда я был еще молодым вампиром, его излучали лишь самые сильные колдуны, а теперь такое и вовсе редкость. Диана ничего об этом не знает и не осознаёт всей важности такого явления. – Мэтью, вздрогнув, сжал кулак.

Даймон посмотрел на часы на запястье. Было совсем еще рано, но он уже понял, зачем его друг приехал в Шотландию.

Еще немного, и Мэтью влюбится.

Вошел Джордан (он безупречно умел рассчитывать время):

– Егерь подогнал джип, сэр. Я сказал, что сам он сегодня вам не понадобится.

В самом деле: зачем егерь, когда в доме вампир.

²⁴ Игра цветов, переливы (*фр.*).

– Отлично. – Хэмиш встал и допил виски. Повторить бы, да нельзя: сейчас нужно быть в здравом уме.

– Я предпочел бы пойти один, Хэмиш, – сказал вампир.

Он не любил охотиться с теплокровными, то есть с людьми, даймонами или колдунами. Для Хэмиша он, как правило, делал исключение, но разобраться с чувствами к Диане Бишоп ему хотелось наедине.

– Мы ведь только скрадывать будем, – лукаво заметил Хэмиш. Он задумал отвлечь и разговорить Мэтью, чтобы не тянуть из него каждое слово клещами. – Смотри, какой хороший денек. Пошли, будешь доволен.

Мэтью с мрачным видом забрался в старенький джип Хэмиша. Они почти всегда им пользовались, когда приезжали в Кэдзоу, хотя в больших охотничьих угодьях шотландцы предпочитают «лендровер». Мэтью не смущала поездка по холоду в открытой машине, а Хэмиш веселился, наблюдая за этим сверхчеловеком.

Переключая передачи – Мэтью каждый раз морщился от этого звука, – Хэмиш ехал в гору, на луг, где обычно паслись олени. Мэтью, увидев пару самцов, велел остановиться, вылез и присел у переднего колеса. Хэмиш с улыбкой присоединился к нему.

Даймон уже не раз скрадывал с Мэтью оленей и знал, что тому нужно. Вампир убивал не всегда, хотя сегодня, будь он один, наверняка заявился бы домой сытым и только к вечеру, а в имении стало бы двумя оленями меньше. Он не просто плотоядный, – он хищник. Именно охота, а не кровь, которую пьют вампиры, делает их вампирами. Временами, когда Мэтью овладевало беспокойство, он просто гнался за первой попавшейся дичью, но не убивал ее.

Вампир следил за оленями, а даймон – за ним, нутром чувствуя, что в Оксфорде не все ладно.

Мэтью просидел возле джипа несколько часов кряду, решая, стоит ли пускаться в погоню. Пользуясь своими необычайно развитыми органами чувств, он вглядывался в животных, постигал их привычки, смотрел, как они реагируют на хрустнувшую ветку или вспорхнувшую птицу, – все это без малейших признаков нетерпения. Главным для Мэтью был тот момент, когда добыча признавала себя побежденной.

В сумерках он встал и кивнул Хэмишу. Достаточно для первого дня. Ему дневной свет не требовался, но Хэмишу впотьмах было бы затруднительно спуститься с горы.

Когда добрались, было уже совсем темно. Джордан зажег повсюду свет, и дом, светящийся как фонарь, выглядел в этой глуши чрезвычайно нелепо.

– Совершенно незачем было строить здесь такой дом, – заметил Мэтью светским, но несколько язвительным тоном. – Чистое безумие со стороны Роберта Адама²⁵.

– Ты уже не раз высказывался насчет моего маленького чудачества, – спокойно отозвался Хэмиш. – Ты, конечно, смыслишь в архитектуре больше меня, и Адам, вполне возможно, был не в своем уме, соглашаясь возвести в диком Ланаркшире эту, как ты выражаешься, эту «непродуманную причуду». Но я люблю этот дом, и твои слова ничего не изменят.

Этот разговор они вели с тех самых пор, как Хэмиш купил Кэдзоу-Лодж (вместе с мебелировкой, егерем и Джорданом) у аристократа, у которого не было денег на содержание поместья. Мэтью тогда пришел в ужас, но для Хэмиша эта покупка была знаковым событием. Она показывала, что он оторвался от своих глазговских корней и мог себе позволить такие вот непрактичные траты – просто потому, что вещь ему нравилась.

– Хм... – нахмурился вампир.

Ну ничего, пусть лучше дуется, чем лезет на стену. Хэмиш перешел к следующему этапу своего плана.

– Ужин в восемь, в столовой, – сказал он.

²⁵ Братья Адам, Роберт и Джеймс, – шотландские архитекторы, декораторы, конструкторы мебели (XVIII в.).

Мэтью терпеть не мог эту любимую комнату Хэмиша. Его раздражало все: высокие потолки, сквозняки, а больше всего – бросающаяся в глаза женственная отделка.

– Я не голоден, – проворчал он.

– Еще как голоден! – резко возразил Хэмиш – цвет лица вампира говорил ему о многом. – Когда в последний раз ел как следует?

– Несколько недель назад. – Мэтью, как всегда, не замечал времени. – Не помню уже.

– Так вот, сегодня угостишься супом и вином, а завтра сам о себе позаботишься. Хочешь побыть один или рискнешь сразиться со мной на бильярде?

Хэмиш, первоклассный бильярдист, лучше всего играл в снукер, которому обучился еще подростком. В Глазго он заработал на этом свои первые деньги и почти всегда побеждал. Мэтью отказывался играть с ним в снукер (заявляя, что проигрывать всякий раз, хотя бы и другу, не очень приятно) и пытался научить Хэмиша карамболю – старинной французской игре, в которой неизменно выигрывал сам. Английский бильярд был для них компромиссом.

– Сейчас, только переоденусь. – Против сражения, какого бы то ни было, Мэтью не мог устоять.

Обтянутый сукном стол стоял в комнате напротив библиотеки. Хэмиш пришел в брюках и свитере, Мэтью – в джинсах и белой рубашке. Обычно вампир избегал белого, ведь в нем он становился похожим на привидение, но больше ни одной приличной рубашки у него с собой не было. Клермонт собирался на охоту, а не на званый обед.

– Готов? – спросил он, взявшись за кий.

Хэмиш кивнул:

– Не больше часа, ладно? Потом сойдем вниз и выпьем. Смотри же, не обижай меня.

Они ударили по шарам. Те, срикошетив от дальнего борта, откатились назад.

– Белый, – объявил Мэтью, бросая желтый шар Хэмишу.

Даймон выставил красный на свою отметку и отошел.

Мэтью, как и на охоте, не спешил набирать очки. Он забил пятнадцать хазардов подряд, загоняя красный шар в разные лузы, и сказал:

– Прошу...

Хэмиш молча выставил свой желтый шар.

Мэтью перешел к более сложным ударам, карамболям, которые давались ему хуже. Здесь нужно было попасть одним ударом по желтому и красному шару, что требовало не только силы, но и умения.

– Где ты откопал эту колдунью? – спросил Хэмиш после успешного карамболя Мэтью.

– В Бодли. – Вампир взял белый шар и приготовился бить снова.

– В Бодли? – вскинул брови Хэмиш. – С каких это пор ты посещаешь библиотеку?

Белый шар перескочил через борт и упал.

– С тех самых, как подслушал двух колдуний на концерте. Разговор шел об американке, в чьи руки попал давно утерянный манускрипт. Не знаю, зачем он им вообще сдался. – Мэтью, раздраженный промахом, отошел от стола.

Хэмиш выполнил пятнадцать карамболей. Мэтью вернул белый шар на стол и взял мел, чтобы записать счет.

– И что же дальше? Просто так зашел и начал задавать ей вопросы? – Даймон загнал все три шара в лузу одним ударом.

– Пришел в библиотеку, чтобы ее отыскать. – Мэтью помолчал, дав Хэмишу обойти стол. – Любопытно же все-таки.

– А она тебе обрадовалась? – (Еще один сложный удар.)

Вампиры, колдуны и даймоны редко общаются между собой – обычно им вполне хватает тесного круга себе подобных. Такая дружба, как у Хэмиша с Мэтью, встречалась сравнительно

редко; даймоны, друзья Осборна, считали, что подпускать к себе вампира так близко – просто безумие. В такие вот вечера он склонен был признать, что они в чем-то правы.

– Не совсем. Сначала она испугалась, хотя мой взгляд выдержала не дрогнув. У нее необыкновенные глаза – серо-зелено-синие с золотом. А потом так разозлилась, что чуть меня не ударила. От нее здорово пахло гневом.

Хэмиш сдержал смех:

– Ну что ж, вполне объяснимо, когда тебя в Бодли подкарауливает вампир. – Милосердно решив избавить Мэтью от необходимости отвечать, он намеренно пустил желтый шар на столкновение с красным. – Вот черт, промазал.

Мэтью после нескольких хазардов стал опять пробовать карамболи.

– А за пределами библиотеки вы виделись? – спросил Хэмиш, когда друг немного успокоился.

– Я ее и в библиотеке почти не вижу. Я в одном отделении, она в другом. Угостил ее завтраком как-то раз и свозил к Амире в Олд-Лодж.

У Хэмиша едва челюсть не отвисла от удивления. В Олд-Лодж Мэтью возил далеко не всех женщин, с которыми был знаком. И почему это они сидят в разных отделениях?

– Не проще было бы сесть рядом с ней, раз ты так ею интересуешься?

– Да не интересуюсь я ею! – Кий Мэтью со всей силы ударил в белый шар. – Мне нужна рукопись. Уже лет сто пытаюсь заполучить эту книгу, а она просто заполняет бланк, и ей приносят манускрипт!

– Что это за рукопись, Мэтт? – Хэмиш держался как мог, но и его терпение имело предел. Мэтью расставался с информацией, как скряга, отсчитывающий гроши. Иметь дело с существами, для которых наименьшая единица времени составляет десятилетие, – настоящая мука для даймонов-скородумов.

– Алхимический трактат из книг Элиаса Ашмола. Диана Бишоп – уважаемый историк алхимии.

Мэтью снова врезал по шару и промазал. Хэмиш расставил шары и стал набирать очки, давая другу остыть. Наконец пришел Джордан и сказал, что напитки поданы.

– Какой счет? – Хэмиш знал, что выиграл он, но джентльмен всегда должен спрашивать – так учил его Мэтью.

– Выигрыш за тобой, разумеется.

Джордан грустно проводил взором Мэтью, сбежавшего по лестнице с явно нечеловеческой быстротой.

– У профессора Клермонта трудный день, Джордан.

– Да, сэр, похоже на то.

– Принесите-ка еще бутылку красного: вечер обещает быть длинным.

Напитки подали в бывшем салоне. Окна комнаты выходили в сад – в классическом стиле и слишком большой для охотничьего домика – его разбивали при дворце²⁶, а не при архитектурной причуде.

Здесь, перед камином, с бокалом в руке, Хэмиш наконец-то повел наступление к сердцу тайны:

– Расскажи про эту рукопись, Мэтью. Что в ней такого? Описано, как создать философский камень, превращающий свинец в золото? Или, может, эликсир, дарующий бессмертие? – Встретившись взглядом с Мэтью, он оставил свой насмешливый тон и прошептал потрясенно: – Нет, ты серьезно?

²⁶ Замок Кэдзоу, ныне разрушенный, был построен в XVI в. и принадлежал герцогу Гамильтону.

Философский камень – всего лишь легенда вроде Атлантиды или Святого Грааля. Его не существует на самом деле... хотя вампиры, колдуны и даймоны тоже в принципе существовать не должны.

– По-твоему, я шучу?

– Нет, – вздрогнул Хэмиш.

Мэтью всегда искал научное объяснение тому, почему вампиры не подвержены смерти и разложению. Философский камень как нельзя лучше вписывался в эти исследования.

– Это та самая пропавшая книга. Я знаю.

Хэмиш, как и большинство созданий, слышал о ней. По одной версии, колдуны похитили у вампиров бесценную книгу, содержащую в себе тайну бессмертия, по другой – вампиры ее украли у колдунов и потеряли. Поговаривали также, что это вовсе не колдовской трактат, а учебник, в котором описываются все четыре гуманоидных вида Земли.

У Мэтью на этот счет была собственная теория: в книге описывается много всего – не только разгадка того, почему вампиров так трудно убить, и предыстория мыслящих видов.

– Уверен, что это она? – Мэтью кивнул, Хэмиш перевел дух. – Неудивительно, что колдуны сплетничали. Как они узнали, что Диана Бишоп ее нашла?

– Кому есть до этого дело? – взъярился Мэтью. – Проблема в том, что они не умеют держать язык за зубами.

Очередное свидетельство того, что Мэтью и весь его род не питают любви к колдунам.

– В то воскресенье их слышал не только я, но и другие вампиры. Даймоны тоже что-то почувствовали...

– И теперь Оксфорд прямо кишит созданиями, – закончил Хэмиш. – Скоро ведь семестр начнется? Еще и люди присоединятся.

– Все гораздо хуже. Рукопись не просто пропала, она была заколдована, а Диана эти чары сняла. А потом отправила книгу обратно в хранилище и больше ее не заказывает. Момент, когда она наконец это сделает, ожидаю не я один.

– Мэтью... уж не защищаешь ли ты ее от других колдунов?

– По-моему, она сама не сознает своего могущества. Это огромный риск. Я не могу допустить, чтобы они первые добрались до нее.

Мэтью вдруг показался другу обескураженным и уязвимым.

– Слушай, Мэтт, встречая между Дианой и ей подобными, ты сделаешь только хуже. И потом, ни один колдун не станет открыто враждовать с Бишопами. Слишком древний и славный у нее род.

В наше время нелюди убивают один другого разве что для самозащиты. На агрессию смотрят неодобрительно. Мэтью рассказывал, что раньше все было иначе: кровная месть, вендетты – все это привлекало к созданиям людское внимание.

– Даймоны – народ неорганизованный, вампиры не посмеют перечить мне, но колдунам доверять нельзя. – Мэтью подошел с бокалом к камину.

– Оставь ты эту Диану в покое, – посоветовал Хэмиш. – Если рукопись заколдована, ты все равно не сможешь ее прочесть.

– Смогу – с ее помощью, – нарочито беззаботно бросил Мэтью, глядя в огонь.

– Мэтью, – сказал даймон (таким голосом он обычно давал своим младшим партнерам понять, что они оказались в опасном положении), – оставь рукопись и колдунью в покое.

Вампир осторожно поставил бокал на каминную полку и отвернулся:

– Вряд ли это возможно, Хэмиш. Я... желаю ее.

Когда голод Мэтью обострялся так, как сейчас, даже кровь не могла его утолить. Вампиру требовалось нечто большее. Вкусить Дианы – вот единственное средство успокоить эту жгучую боль.

Хэмиш без удивления смотрел на напрягшиеся плечи Клермонта. Вампир, чтобы вступить в брак, должен пожелать другое существо больше всего на свете, а голод неразрывно связан с желанием. Хэмиш сильно подозревал, что Мэтью – вопреки своим пламенным заявлениям, что нужного человека он никогда не встретит, – готов вступить в брак.

– Значит, основная твоя проблема – не колдуны и не Диана. И уж конечно, не древняя рукопись, где будто бы содержатся ответы на все вопросы. – Хэмиш дал Мэтью время осмыслить все это и спросил: – Ты хоть сознаешь, что охотишься за ней?

Когда он сказал это вслух, вампир вздохнул с облегчением:

– Да, признаю. Я лазил к ней в окно, пока она спала. Сопровождаю ее на пробежках. Она отвергает все попытки помочь ей, и чем дольше она это делает, тем сильнее мой голод.

У него был такой озадаченный вид, что Хэмиш прикусил губу, чтобы не улыбнуться. Все прежние женщины Мэтью сразу подпадали под его чары и делали все, что он говорил. Не диво, что его так прихватило на этот раз.

– Мне не ее кровь нужна. Физический голод я как-нибудь одолею. Быть с ней рядом не может быть так уж сложно. Нет, что это я, – поморщился Мэтью. – Нельзя нам быть рядом, нас тут же заметят.

– Не обязательно. Мы вот с тобой проводим много времени вместе, и никому дела нет.

На первых порах они, впрочем, маскировались, поскольку даже поодиночке привлекали к себе внимание. Когда эти двое перешучивались за ужином или сидели ранним утром во дворе колледжа среди пустых бутылок шампанского, не заметить их было попросту невозможно.

– Это не одно и то же, сам понимаешь.

– Ну да, совсем забыл! – вспыхнул Хэмиш. – На даймонов всем плевать, зато вампир с колдуньей – другое дело. Только вы и значите кое-что в этом мире.

– Хэмиш! Ты же знаешь, что я совсем так не думаю.

– Ты разделяешь вампирское презрение к даймонам, Мэтью. И к колдунам тоже, если уж на то пошло. Разберись как следует, что ты чувствуешь по отношению к другим видам, прежде чем уложить эту колдунью в постель.

– Я не собираюсь укладывать Диану в постель, – отчеканил Мэтью.

– Ужин подан, сэр. – Джордан уже некоторое время стоял на пороге.

– Слава богу, – выдохнул Хэмиш.

С вампиром гораздо легче управиться, когда он, помимо разговора, занят чем-то еще.

Они сели за дальний конец длинного, рассчитанного на кучу гостей стола. Хэмиш принялся за первое блюдо, а Мэтью поигрывал ложкой, ожидая, когда его суп остынет.

– Грибы и шерри? – спросил он, понюхав тарелку.

– Ага. Джордан хотел попробовать что-нибудь новенькое, и я ему разрешил – там нет ничего для тебя неприемлемого.

Мэтью, гостя в Кэдзоу-Лодж, не требовал для себя каких-то особых блюд, но Джордан был подлинным волшебником по части супов, а Хэмиш не любил ни пить, ни есть в одиночку.

– Извини меня, Хэмиш.

– Извиняю, – Хэмиш застыл с ложкой у рта, – но ты не представляешь себе, как трудно быть даймоном или колдуном. У вас это необратимо: вампирами становятся внезапно и сразу, без всяких вопросов, а мы, остальные, наблюдаем, ждем и колеблемся. Поэтому вампирское высокомерие для нас невыносимо вдвойне.

Мэтью вертел ложку, как дирижерскую палочку.

– Колдуны знают, что они колдуны, – хмуро заметил он. – Никакого сравнения с даймонами.

Мэтью со стуком положил ложку и отпил из бокала.

– Ты прекрасно знаешь, что родитель-колдун – это еще не гарантия. Может родиться вполне обычный ребенок, а может младенец, который подпалит свою колыбельку. Никто не знает, где и как проявится твоя сила, если вообще проявится.

Хэмиш, в отличие от Мэтью, дружил с одной колдуньей. Джанин занималась его волосами (благодаря ей они лежали просто превосходно) и снабжала чудодейственным лосьоном собственного изготовления. Он подозревал, что она вкладывала в работу толику волшебства.

– Но все-таки для них это не полная неожиданность. – Мэтью зачерпнул ложкой суп. – За Дианой целые века семейной истории – совсем не похоже на то, через что ты прошел подростком.

– Мне еще повезло, – сказал Хэмиш, вспоминая истории других даймонов.

В двенадцать лет, буквально за один день, жизнь Хэмиша круто перевернулась. Той долгой шотландской осенью ему стало ясно, что он умнее школьных учителей. Так думает большинство двенадцатилетних, но Хэмиш не просто думал, он знал, и это знание вселяло тревогу. Он притворялся больным и прогуливал школу, а когда это не помогло, стал выполнять задания молниеносно, даже не притворяясь нормальным. Классный руководитель, отчаявшись, обратился в университет города Глазго – пусть пришлют кого-нибудь проверить, почему Хэмиш за пару минут решает задачи, над которыми его одноклассники бьются неделями.

Молодой математик Джек Уотсон, рыжий и голубоглазый, с одного взгляда опознал в Хэмише Осборне такого же даймона, как он сам. После формальной процедуры, доказывающей, что Хэмиш – математический вундеркинд, Уотсон пригласил его на университетские лекции. И попутно объяснил директору школы, что такой мальчик, если оставить его в классе, неминуемо станет поджигателем или кем-нибудь в этом роде.

После этого Уотсон нанес визит в скромный домик Осборнов и поведал изумленным родителям, как на самом деле устроен мир и какие создания в нем обитают. Перси Осборн, воспитанный в строгих пресвитерианских традициях, долго отказывался признавать, что рядом с людьми живет столько разных существ. «Но в колдунов и ведьм же ты веришь, – возразила ему жена, – почему не поверить заодно в вампиров и даймонов?» Хэмиш, больше не чувствуя себя одиноким, залился слезами радости. «Я всегда знала, что ты особенный», – сказала мать, прижимая его к себе.

Пока Уотсон пил чай и ел шоколадное печенье, сидя возле электрического камина, Джессика Осборн решила заодно обсудить и другие особенности своего сына. Соседская девочка от Хэмиша без ума, сказала она, но вряд ли они поженятся. Хэмиша больше тянет к ее старшему брату, лучшему футболисту в квартале. Перси и Джек, услышав это, не удивились и несколько не огорчились.

– Но семья Дианы с самого начала рассчитывала, что девочка станет колдуньей. – Мэтью попробовал чуть теплый суп. – И Диана ею стала – не важно, пользуется она своим дарованием или нет.

– Сдается мне, это ничуть не лучше, чем жить среди невежественных людей. Представляешь, какое давление испытывает ребенок? Не говоря уж о жуткой мысли о том, что твоя жизнь тебе не принадлежит? – Хэмиша передернуло. – Я предпочел бы совсем ничего не знать.

– Скажи... что ты почувствовал, когда впервые проснулся, зная, что ты даймон? – нерешительно спросил Мэтью. Вампиры обычно избегают личных вопросов.

– Я точно родился заново. Вспомни, как ты сам проснулся, обуреваемый жаждой крови, и слышал, как растет трава. Все другое. Я то улыбался как дурак, который выиграл в лотерею, то плакал у себя в комнате. И все-таки не верил по-настоящему, пока ты не затащил меня в клинику.

Когда они подружились, Мэтью подарил Хэмишу на день рождения бутылку «Крюга» и отвел его в больницу Джона Рэдклиффа. Пока Хэмишу делали магнитно-резонансную томографию, Мэтью задавал ему вопросы. Потом они, попивая шампанское (Хэмиш так и не снял

операционную пижаму), сравнили полученный результат с энцефалограммой выдающегося нейрохирурга из этой же больницы. Даймон заставил Мэтью несколько раз показать ему томографию, глядя, как его мозг при ответе на самый простой вопрос загорается наподобие пин-больного автомата. Лучшего подарка он еще никогда не получал.

– Диана, насколько я понял с твоих слов, сейчас находится там же, где был я до этой твоей МРТ. Ей известно, что она колдунья, но она все еще чувствует, что ее жизнь – ложь.

– Именно, ложь. – Мэтью проглотил еще ложку супа. – Она притворяется человеком.

– Разве тебе не интересно, почему она это делает? И как ты вообще ее терпишь при своей нелюбви к лжецам?

Мэтью задумался.

– Слишком много у тебя секретов для такого ненавистника лжи, – продолжал Хэмиш. – Если эта колдунья тебе зачем-то нужна, заслужи для начала ее доверие. Тут единственный способ – рассказать ей то, что ты хочешь от нее скрыть. Побороть защитные инстинкты, которые она в тебе разбудила.

Пока Мэтью обдумывал ситуацию, Хэмиш перевел разговор на правительственный и финансовый кризис: политические интриги вампира всегда отвлекали.

– Слышал о двойном убийстве в Вестминстере? – спросил Хэмиш, когда Мэтью совсем успокоился.

– Да. Кто-то должен положить этому конец.

– Может быть, ты?

– Это не мое дело. Пока еще.

У Мэтью была своя версия, связанная с его научной работой.

– По-прежнему думаешь, что эти убийства свидетельствуют о вырождении вампиров?

– Да.

Мэтью был убежден, что популяция нечеловеческих видов понемногу уменьшается. Хэмиш сначала отмахивался, но теперь начал думать, что Мэтью прав.

Они вернулись к менее животрепещущим темам и после ужина опять поднялись наверх. Один из неиспользуемых салонов даймон разгородил на две гостевые комнаты – спальню и гостиную. В гостиной сразу бросался в глаза старинный шахматный столик с фигурами из слоновой кости и черного дерева – таким бы в музее стоять под стеклом, а не в продуваемом сквозняками охотничьем домике. Шахматы, как и та МРТ, были подарком Мэтью.

Их дружба окрепла в такие вот долгие вечера, проведенные за игрой в шахматы и разговорами о работе. Мэтью рассказывал Хэмишу о своем прошлом, и теперь даймон знал о Мэтью Клермонте почти все. Вампир же, единственный из всех созданий, известных Хэмишу, не страшился могучего интеллекта даймона.

Осборн, по заведенному обычаю, играл черными.

– Мы разве доиграли прошлую партию? – Мэтью с деланным удивлением воззрился на доску.

– Да. Ты выиграл. – Ответ Хэмиша вызвал на лице вампира редкую улыбку.

Игра началась. Мэтью не спешил, а Хэмиш ходил быстро и решительно. В тишине тикали часы и трещали поленья в очаге.

Через час Хэмиш приступил к заключительной части своего плана.

– У меня вопрос, – сказал он, пока Мэтью обдумывал следующий ход. – Колдунья нужна тебе ради нее самой или из-за ее власти над манускриптом?

– На кой мне сдалась ее магия! – Мэтью неосмотрительно пошел ладьей, чем Хэмиш тут же и воспользовался.

Вампир со склоненной головой как никогда напоминал ангела эпохи Возрождения, посвященного в тайны, которые смертным знать не дано.

– Господи, я сам не знаю, чего хочу.

– Думаю, знаешь, Мэтт, – тихо сказал Хэмиш.

Мэтью молча сделал ход пешкой.

– Все оксфордские нелюди скоро узнают – если уже не проведали, – что тебя интересует не только старая книга. Что в эндшпиле, Мэтт?

– Не знаю, – шепотом ответил вампир.

– Любовь? Ее кровь? Обращение?

Вампир зарычал.

– Очень страшно, – скучающим тоном отозвался Хэмиш.

– Я многого не понимаю, Хэмиш, но три вещи знаю точно. – Мэтью поднял бокал, стоявший на полу под столом. – Я не поддамся голоду и зову ее крови. Не хочу управлять ее силой. И определенно не имею желания делать ее вампиром. – Он содрогнулся при одной мысли об этом.

– Значит, остается любовь – вот тебе и ответ. Этого ты и хочешь.

– Хочу того, чего не должен хотеть, желаю ту, которую никогда не смогу получить.

– Боишься ей навредить? Но у тебя и раньше были связи с теплокровными женщинами, ни одной ничего плохого ты не сделал.

Ножка у массивного хрустального бокала надломилась, и красное вино брызнуло на ковер. Между пальцами вампира блеснуло стертое в порошок стекло.

– Ох, Мэтт... что ж ты молчал? – Хэмиш постарался, чтобы на его лице не отразилось ни грана от испытанного им шока.

– Не решался сказать. – Мэтью покатал в пальцах красную от крови стеклянную крошку. – Ты всегда так верил в меня...

– Кем она была?

– Ее звали Элинор. – Мэтью провел по глазам тыльной стороной ладони, тщетно пытаясь стереть образ из памяти. – Мы с братом повздорили, уже не помню о чем, – тогда-то мне хотелось его растерзать. Элинор стала меня урезонивать, бросилась между нами и... – Он обхватил голову руками, не трудясь стряхнуть с уже заживших пальцев стекло. – Я так любил ее – и убил.

– Когда это случилось? – шепотом спросил Хэмиш.

– Много лет назад, вчера... это не важно, – ответил Мэтью с чисто вампирским пренебрежением к ходу времени.

– Важно, если ты тогда был свежеиспеченным вампиром, не владеющим своими инстинктами.

– Я, видишь ли, убил еще одну женщину. Сесилию Мартен. Всего сто лет назад, когда был уже вполне зрелым вампиром. – Мэтью подошел к окнам. Раствориться бы в ночной тьме, убежать, не видеть ужаса в глазах Хэмиша.

– Это все? – резко осведомился Хэмиш.

– Вполне довольно и двух. Третьего раза быть не должно. Никогда.

– Расскажи, что у тебя вышло с этой Сесилией, – потребовал Хэмиш.

– Она была замужем за банкиром. Я увидел ее в опере и потерял голову. Все мы в Париже влюблялись тогда в чужих жен. – Его палец очертил на оконном стекле портрет женщины. – Идя к ней домой, я ничего такого не замышлял, просто хотел отведать, какая она на вкус. Но когда начал, остановиться уже не смог. И умереть ей тоже не дал: она была моей, я не хотел от нее отказываться. Dieu, ей вампирская жизнь была ненавистна. Однажды она попросту вошла в горящий дом – я не успел ее удержать.

– Ты не убивал ее, Мэтт, – нахмурился Хэмиш. – Она покончила с собой, вот и все.

– Я выпил из нее чуть ли не всю кровь, насильно напоил ее своей и превратил в ходячего мертвеца, не спрашивая согласия. Из одного лишь страха и эгоизма. Разве это не значит убить? Я лишил ее тепла, личности, человеческой жизни. Это убийство, Хэмиш.

– Почему ты скрывал это от меня? – Хэмиш пытался скрыть, как он задет молчанием друга.

– Даже вампирам бывает стыдно. Я ненавижу себя – и вполне заслуженно – за то, что сотворил с этими женщинами.

– Вот почему не надо долго хранить тайны: они разъедают тебя изнутри. – И Хэмиш добавил, хорошо обдумав свои слова: – Ты не убийца. И с Элинон, и с Сесилией все произошло неумышленно.

Мэтью взялся за белую оконную раму, прижался лбом к стеклу и произнес безжизненным голосом:

– Я чудовище. Элинон меня хотя бы простила, а Сесилия нет.

Тон, которым Мэтью это сказал, обеспокоил Хэмиша.

– Ты не чудовище.

– Может быть, но все равно я опасен. – Вампир повернулся к другу. – Особенно для Дианы. Таких чувств я даже к Элинон не испытывал. – При одной мысли о колдунье у него внутри все свело от голода. Он потемнел лицом, пытаясь совладать с собой.

– Вернись, доиграем, – отрывисто предложил Хэмиш.

– Лучше уж я пойду. Ты не обязан терпеть меня под своим кровом.

– Не будь идиотом, – одернул его Хэмиш. – Никуда ты не пойдешь.

Мэтью сел.

– Не понимаю, как можно не возненавидеть меня, узнав об Элинон и Сесилии.

– Трудно даже представить, из-за чего бы я мог возненавидеть тебя. Я люблю тебя как брата и буду любить до последнего.

– Спасибо. Постараюсь оправдать, – торжественно произнес Мэтью.

– Ты не старайся, ты делай. Ты, кстати, сейчас потеряешь слона.

Понемногу друзья снова втянулись в игру. Ранним утром, когда Джордан принес кофе для Хэмиша и бутылку портвейна для Мэтью, они так и сидели за шахматами. Дворецкий молча убрал осколки бокала.

Хэмиш отослал его спать и сказал Мэтью:

– Шах и мат.

Клермонт откинулся в кресле и уставился на доску. Его ферзь стоял в окружении других белых фигур: пешек, коня и ладьи. Мат королю поставила одинокая черная пешка.

– В шахматах важно не только защищать королеву, – заметил Хэмиш. – Почему ты никак не запомнишь, что защищать надо как раз короля?

– Король ходит только на одну клетку, а королева свободна как ветер. Лучше уж проиграть, чем лишиться ее свободы.

Хэмиш подозревал, что на уме у вампира не столько белая королева, сколько Диана.

– Стоит ли она того, Мэтью? – спросил он.

– Да, – без колебаний ответил тот, взяв королеву с доски.

– Понятно. Тебе повезло с ней, хотя сейчас ты, возможно, и думаешь по-другому.

– Мне повезло, а ей? Кому нужен такой поклонник? – криво усмехнулся вампир.

– Это зависит только от тебя. Помни одно: никаких секретов, если любишь ее.

Мэтью задумчиво посмотрел на безмятежное личико шахматной королевы.

Взошло солнце, Хэмиш давно отправился в постель, а Клермонт все так и сидел с резной фигуркой в руке.

Глава 10

Я открыла дверь, все еще силясь стряхнуть с себя лед, которым сковал меня Мэтью. Автоответчик приветствовал меня мигающей красной цифрой 13, в голосовой почте мобилника было девять вызовов. Звонила Сара – шестое чувство сигнализировало ей о неприятностях в Оксфорде.

Не в силах сталкиваться сейчас с двумя всевидящими тетками сразу, я убавила звук на автоответчике, отключила звонки на обоих телефонах и залезла в постель.

Утром, когда я отправилась на пробежку, Фред показал мне пухлую пачку принятых им сообщений.

– Потом заберу! – крикнула я, а он показал мне большой палец.

Ноги несли меня по знакомым тропинкам через поля и болота к северу от города. Пробежка временно вытеснила угрызения совести за то, что я не перезвонила в Америку, и воспоминания о холодном взгляде Мэтью.

Я забрала сообщения, выкинула их в корзину и, оттягивая неизбежный звонок домой, принялась за утешительный ритуал выходного дня – сварила себе яйцо, приготовила чай, собрала вещи в стирку, разгребла накопившиеся бумажки. Больше дел нет – придется звонить. Там совсем еще рано, но шансы, что в доме кто-то спит, нулевые.

– Что ты себе думаешь? – с ходу осведомилась Сара.

– Доброе утро, Сара. – Я устроилась в кресле у холодного камина, задрала ноги на ближайшую книжную полку. Разговор намечался долгий.

– Никакое оно не доброе. Мы тут места себе не находим. Что у тебя там происходит?

Эм взяла трубку на втором аппарате.

– Привет, Эм. – Я половчее приткнула ноги – разговор будет еще дольше, чем я полагала.

– Этот вампир тебе докучает? – с тревогой спросила она.

– Не слишком.

– Мы знаем, что ты там развлекаешься с вампирами и даймонами, – вмешалась Сара. – Либо ты не в своем уме, либо случилось что-то по-настоящему скверное.

– Я в своем уме, и ничего скверного со мной не случилось. – Я скрестила пальцы, надеясь на лучшее.

– Ты всерьез думаешь нас одурачить? Мы же тоже колдуньи! Говори правду, Диана.

Зря надеялась.

– Не наседай на нее, Сара, – сказала Эм. – Не забывай, мы доверяем Диане. Она способна принять правильное решение.

Судя по затянувшейся паузе, не все были с этим согласны.

Сара только набрала в грудь побольше воздуха, но Эм ее опередила:

– Где ты была вчера вечером?

– На йоге. – Отвертеться от вопроса я не могла, но отвечать кратко и по существу было все-таки в моих силах.

– На йоге? – переспросила Сара. – Почему ты занимаешься йогой вместе с этими созданиями? Ты же знаешь, как опасно знаться с даймонами и вампирами.

– Класс вела колдунья! – завелась я, вспоминая милую ласковую Америку.

– Это была его идея, так ведь? – вновь вступила Эм.

– Да. Мы занимались у него в доме.

Сара презрительно фыркнула.

– Я тебе говорила, что это он, – сказала ей Эм и опять обратилась ко мне: – Я вижу вампира, стоящего между тобой и чем-то... не знаю чем.

– А я говорю тебе, Эмили Метер, это чушь! Вампиры не защищают колдунов! – отчеканила Сара.

– Этот защищает, – призналась я.

– Что? – хором ахнули Эм и Сара.

– Уже несколько дней. – Я прикусила губу, обдумывая, как бы все объяснить, и перешла к делу: – Началось все в библиотеке. Я заказала рукопись, и оказалось, что она заколдована.

Пауза.

– Заколдована... Книга заклинаний, ты хочешь сказать? – Сара – эксперт в этой области; самое ценное ее достояние – старинный колдовской том, передаваемый Бишопами из поколения в поколение.

– Не думаю. В ней не видно ничего, кроме иллюстраций на тему алхимии.

– Дальше! – Сара знала, что видимое в заколдованных книгах – далеко не самое главное.

– Текст кто-то заколдовал. В глубине страницы скользят какие-то строчки, одни поверх других.

Сара в штате Нью-Йорк со стуком поставила на стол кофейную кружку.

– Мэтью Клермонт появился до того или после?

– После, – ответила я.

– А почему ты не упомянула об этом, рассказывая о встрече с вампиром? – Сара не скрывала своего гнева. – Нельзя же быть такой беспечной, Диана, клянусь богиней! Что это за чары? И не говори, что не знаешь.

– У книги странный запах. И ощущение какое-то... неправильное. Я не могла открыть ее, положила на переплет ладонь... – Я посмотрела на свою руку, вспоминая, как мы с книгой сразу узнали друг друга, и наполовину ожидая увидеть свечение, о котором говорил Мэтью.

– И?... – поторопила Сара.

– Она пощекотала мне руку, вздохнула и... расслабилась, что ли. Я почувствовала это сквозь кожу и дерево переплета.

– Как же ты сняла чары? Сказала что-то? Или подумала? – Любопытство Сары разгоралось с каждой минутой.

– Я ничего не делала, Сара. Книга мне была нужна для работы – я положила на нее ладонь, вот и все. Потом открыла ее, сделала кое-какие записи, закрыла и вернула библиотекарю.

– Вернула?! – Сарин телефон грохнулся на пол.

Я отодвинула трубку подальше от уха, но от тетиных красочных выражений это меня не избавило.

– Диана, ты слушаешь? – слабо пискнула Эм.

– Слушаю, слушаю.

– Я тебе удивляюсь, Диана Бишоп! – негодовала Сара. – Вернуть волшебный предмет, не изучив его досконально!

Тетя учила меня распознавать волшебные и заколдованные объекты и рассказывала, как с ними следует поступать. Не надо прикасаться к ним или двигать их, пока не поймешь, что это за магия. Чары бывают хрупкими, а на многих еще и защита.

– Что мне было делать, Сара? – стала оправдываться я. – Сидеть в библиотеке до посинения? Был вечер пятницы, мне хотелось домой.

– Что случилось, когда ты ее вернула?

– Было что-то такое в воздухе, – созналась я. – Вся библиотека как будто вздрогнула.

– Ты вернула книгу, и чары восстановились. – Сара выругалась еще раз. – Очень немногие колдуны способны накладывать чары, которые восстанавливаются после того, как были нарушены. Ты явно не с любителем имеешь дело.

– Этот выброс энергии и привлек их всех в Оксфорд, – внезапно осенило меня. – Не когда я открыла книгу, а когда чары стали на место. Я сталкиваюсь с созданиями не только

на йоге, Сара, – в Бодли меня тоже окружают вампиры и даймоны. Клермонт пришел туда в понедельник вечером – он подслушал разговор каких-то двух колдуний и надеялся увидеть то, о чем они говорили. А во вторник библиотека так и кишела всевозможными нелюдями.

– Приехали, – со вздохом сказала Сара. – Еще до конца месяца даймоны начнут разыскивать тебя в Мэдисоне.

– Обратись за помощью к колдунам. – Эм старалась говорить спокойно, но я чувствовала, как ей тревожно.

– Как же, за помощью! Один колдун в коричневом твидовом пиджаке пытался залезть мне в голову – хорошо, что Мэтью его отпугнул.

– Вампир вмешался в отношения между тобой и другим колдуном? – пришла в ужас Эм. – Неслыханно! Только один из нас имеет право на это.

– Лучше бы спасибо ему сказала. – Мне, возможно, больше и не хотелось слушать нотации Клермонта или завтракать с ним, но благодарности он все же заслуживал. – Не знаю, что было бы, не окажись он там. Еще ни один колдун не вторгнулся ко мне таким образом.

– Может, тебе уехать из Оксфорда на какое-то время? – предложила Эм.

– Из-за одного невоспитанного колдуна? Ну уж нет.

Эм и Сара пошептались, прикрыв свои трубки.

– Все это мне очень не нравится. – По тетиному тону можно было предположить, что настал конец света. – Какие-то заколдованные книги, даймоны преследуют тебя, вампиры приглашают тебя на йогу, колдуны угрожают одной из рода Бишопов. Даже люди неизбежно что-то заметят, если вы будете продолжать в том же духе.

– Если хочешь остаться в Оксфорде, постарайся не бросаться в глаза, – поддержала ее Эм. – А лучше всего было бы вернуться ненадолго домой и переждать, пока все не уляжется. Раз у тебя больше нет рукописи, они, возможно, потеряют к тебе интерес.

Никто из нас не верил в такую возможность.

– Нет. Не стану я убегать.

– Это не бегство! – заспорила Эм.

– Именно бегство. – Стать трусихой в глазах Мэтью Клермонта? Нет, спасибо.

– Не может же он дежурить при тебе неотступно, лапочка, – грустно заметила Эм, прочитав мои невысказанные мысли.

– Надо думать, – мрачно поддакнула Сара.

– Я не нуждаюсь в помощи Клермонта. Уж как-нибудь сама о себе позабочусь.

– Этот вампир оберегает тебя не по доброте душевной, Диана, – сказала Эм. – Ему что-то от тебя нужно – придется тебе разгадать, что именно.

– Может, он в самом деле интересуется алхимией... или ему попросту скучно.

– Вампиры никогда не скучают, – ввернула Сара. – Тем более когда колдовская кровь близко.

С тетиными предрассудками бесполезно бороться. Мне очень хотелось рассказать ей про йогу, когда я на целый час освободилась от страха перед созданиями другого вида, – да нет, она не поймет.

– Ну хватит, – твердо сказала я. – Можете не беспокоиться: сближаться с Мэтью Клермонтом и листать заколдованные рукописи я больше не буду, однако из Оксфорда не уеду. Точка.

– Как знаешь, – сказала Сара, – только, когда ты там, от нас в случае чего тебе будет мало пользы.

– Знаю, Сара.

– И если тебе снова попадется волшебный предмет, обращай с ним как колдун, а не как человек. – Первое место в Сарином списке человеческих недостатков занимали упрямое

невежество и неверие во все сверхъестественное. – Отнесись к нему с уважением, а если не знаешь, что делать, – спроси.

– Обещаю.

– Не думала я дожить до того дня, когда Бишоп будет полагаться на вампира, а не на собственный дар. Моя мать, должно быть, в гробу перевернулась. Ты отреклась от себя, Диана, и вот тебе результат. Вбила себе в голову, что о колдовской крови можно просто забыть, но так не бывает.

Я повесила трубку, но атмосферу моей квартиры Сара отравила надолго.

На следующее утро я сделала несколько йогических упражнений. Свежесваренный чай, пахнувший цветами и ванилью, содержал в себе ровно столько кофеина, чтобы не дремать днем и нормально спать ночью. Я поставила белый фарфоровый чайник, обернутый полотенцем, у своего кресла для размышлений, поджала колени и стала вспоминать все, что произошло на этой неделе. Память упорно возвращала меня к последнему разговору с Клермонтом. Неужели все попытки помешать магии просочиться в мою жизнь и работу оказались напрасными?

В случае каких-либо умственных затруднений я всегда воображала себе белый блестящий стол с фактами, рассыпанными на нем, как кусочки головоломки. Это снимало напряжение и делало работу чем-то вроде игры.

Теперь я высыпала на стол события минувшей недели: «Ашмол-782», Мэтью Клермонта, Агату Уилсон, колдуна в твидовом пиджаке, ходьбу с закрытыми глазами, нелюдей в Бодли, «Ноутс энд квайериз», йогиню Амиру. Я крутила все это так и сяк, но в моем пазле не доставало многих частиц, и картинки не получалось.

Иногда выбранный наугад фрагмент помогал мне вычленить самое важное. Я взяла воображаемыми пальцами один из кусочков, ожидая увидеть «Ашмол-782», и на меня глянули темные глаза Мэтью Клермонта.

Чем он так важен, этот вампир?

Кусочки пазла начали двигаться сами собой, да так быстро – не уследишь. Я хлопнула по столу воображаемыми ладонями, кусочки замерли, а я ощутила знакомое покалывание.

Моя игра выдала свою магическую подкладку. Из этого следовало, что я пользовалась магией и в школе, и в колледже, и в научной работе, но мое сознание решительно отказывалось признать, что я нарушала собственные правила без своего ведома.

На следующий день я в свое обычное время явилась в библиотеку, поднялась по лестнице, приготовилась к встрече.

Клермонта не было.

– Вам что-нибудь нужно? – Мириам, раздраженно отодвинув стул, встала.

– А где же профессор Клермонт?

– На охоте, – бросила Мириам. – В Шотландии.

Охотится, значит, сглотнула я.

– И когда вернется?

– Он не сказал, доктор Бишоп. – Мириам скрестила руки и выставила крошечную ножку вперед.

– Я надеялась пойти с ним вечером на йогу в Олд-Лодж, – пролепетала я, чтобы как-то объяснить свой интерес к Мэтью.

Мириам швырнула мне пушистый черный комочек, который я едва успела поймать.

– Вы забыли это в его машине.

– Спасибо. – От моего свитера пахло гвоздикой и корицей.

– Вы должны лучше следить за своими вещами. Вы, доктор Бишоп, колдунья – позаботьтесь о себе сами и не ставьте Мэтью в столь невыносимое положение.

Я молча повернулась и пошла к Шону за рукописями.

– Все в порядке? – спросил он, хмуро глядя на Мириам.

– В полном. – Я назвала номер своего обычного места и одарила его улыбкой.

«Как она смеет так говорить со мной!» – кипятилась я, готовясь к работе. Пальцы чесались, как будто под кожей ползали насекомые, между пальцами проскакивали сине-зеленые искорки. Я плюхнулась на стул, сунув под себя руки.

Нехорошо. Я, как и все университетские, давала клятву не приносить в Бодли ничего, что способно воспламениться. В последний раз со мной такое случилось в тринадцать лет, и пришлось вызывать пожарных, чтобы потушить нашу кухню.

Ну вот, кажется, проходит. В Селден-Энде я, к счастью, была одна, и моего фейерверка никто не видел. Вытащив руки, я обследовала их на предмет колдовской активности. Искры угасали, приобретая серебристо-серый оттенок.

Убедившись, что больше не являюсь огнеопасной, я открыла первую папку, но компьютер трогать боялась – как бы клавиши не расплавить.

Сосредоточиться, конечно, было трудно. К обеду я так и не закончила с первой рукописью, но надеялась, что чашка чая поможет мне успокоиться.

К началу семестра в читальном зале герцога Хамфри бывает довольно много людей, но сейчас в средневековом крыле сидел всего один человек, пожилая женщина. Она разглядывала в лупу иллюстрированную рукопись, зажатая между незнакомым мне даймоном и одной из вампирш, которых я видела на прошлой неделе. Джиллиан Чемберлен с четырьмя другими колдунями тоже присутствовала и смотрела на меня как на предательницу собственной расы.

Я остановилась у стола Мириам.

– Вам, полагаю, даны инструкции сопровождать меня на обеденный перерыв – идете?

Она с преувеличенной осторожностью положила свой карандаш:

– Иду.

Догнав меня на площадке, она показала на ступеньки с другой стороны:

– Сюда.

– Почему? В чем разница?

– Как хотите, – пожала она плечами.

Сойдя на один пролет, я заглянула в окошко на двери нижнего читального зала – и ахнула.

Создания, заполонившие зал, сидели строго по видам. Даймоны за одним длинным столом – хоть бы пару книжек перед собой положили! – немигающие вампиры за другим. Колдуны как бы работали, но выглядели весьма сердитыми, поскольку две другие расы заняли ближайшие к двери столы.

– Вот почему нам нельзя собираться вместе. На такое любой человек обратит внимание, – промолвила Мириам.

– Что я сделала на этот раз?

– Ничего, просто Мэтью сегодня нет.

– Почему они его так боятся?

– Спросите его сами. Вампиры не сплетничают. Не волнуйтесь, со мной вам тоже ничего не грозит, – заверила Мириам, показав острые белые зубы.

Сунув руки в карманы, я сбежала по лестнице, пробила во дворе через стайку туристов, сжевала в «Блэкуэллсе» сэндвич и запила его бутылкой воды. Мириам, когда я вышла, вернула на полку детективный роман и последовала за мной.

– Диана, что у вас на уме? – спросила она, когда мы прошли в ворота библиотеки.

– Не ваше дело.

Она вздохнула.

В читальном зале обнаружился твидовый колдун. Мириам, неподвижная как статуя, наблюдала за нами из центрального прохода.

– Главный здесь вы?

Он утвердительно склонил голову; я подала ему руку:

– Диана Бишоп.

– Питер Нокс. Я знаю, кто вы: дочь Ребекки и Стивена. – Он слегка дотронулся до моих пальцев.

На его столе лежали книга заклинаний, изданная в девятнадцатом веке, и стопка справочников.

Его фамилия мне показалась знакомой, а услышав из его уст имена родителей, я разволновалась и сглотнула.

– Пожалуйста, уберите из библиотеки ваших... друзей. Не нужно пугать первокурсников, которые приезжают сегодня.

– Если бы мы могли спокойно поговорить, доктор Бишоп, мы, я уверен, пришли бы к соглашению. – Нокс поправил очки.

От него определенно веяло опасностью: я начала ощущать зловещее покалывание под ногтями.

– Меня не надо бояться, – скорбно заверил он, – а вот вампир...

– Вы думаете, что я нашла нечто принадлежащее колдунам. Так вот, у меня этого больше нет. Если вам нужен «Ашмол-782», бланки заказов на столе перед вами.

– Вы не понимаете всей сложности ситуации.

– Не понимаю и не хочу понимать. Оставьте меня в покое, пожалуйста.

– Внешне вы очень похожи на свою мать, но и от упрямого Стивена в вас немало, я вижу.

Я почувствовала знакомую смесь зависти и раздражения – как всегда, когда кто-то из колдунов говорил о моих родителях или истории нашей семьи. Как будто они имели на это такое же право, как я.

– Я попытаюсь, – добавил Нокс, – но эти твари меня не слушаются. – Он показал на одну из вампирских сестричек, с интересом за нами следившую.

Поколебавшись, я подошла к ней:

– Уверена, вы слышали наш разговор. И должны знать, что меня уже опекают двое вампиров. Вы лично можете остаться, если не доверяете Мэтью и Мириам, только уберите из нижнего зала всех остальных.

– Колдуны редко стоят того, чтобы вампиры тратили на них время, но вы, Диана Бишоп, сегодня полны неожиданностей. Мне нужно поговорить с Клариссой, моей сестрой. – Ее выговор и манера растягивать слова свидетельствовали о безупречном происхождении и воспитании, зубы слабо поблескивали. – Чтобы такой ребенок, как вы, бросал вызов Ноксу? Будет о чем рассказать сестре.

Я не без усилия оторвалась от созерцания ее красоты и отправилась на поиски знакомого даймона.

Любитель кофе латте бродил у компьютеров в наушниках со свободно болтающимся проводом, мурлыча что-то себе под нос. Когда он сдвинул наушники, я попыталась обрисовать ему всю серьезность создавшегося положения.

– Здесь можете копаться в Сети сколько хотите, но у нас проблема внизу. Совсем ни к чему, чтобы за мной следили две дюжины даймонов.

– Это вы так думаете.

– А не могли бы они вести наблюдение из более отдаленного пункта? Из Шелдонского театра или «Белой лошади»? В противном случае у читателей-людей скоро возникнут вопросы.

– Мы не такие, как вы.

– И что это должно означать? Что вы не хотите помочь мне? Или не можете? – Я очень старалась не проявлять нетерпения.

– Это все равно. Мы тоже хотим знать.

Вот и поговори с ним.

– Короче: буду признательна, если вы хоть как-то поможете освободить места в нижнем зале.

Под неотступным взглядом Мириам я вернулась на свое место, а в конце крайне непродуктивного рабочего дня тихо выругалась и собрала вещи.

На следующее утро в Бодли стало куда свободнее. Что-то строчившая Мириам на меня даже и не взглянула. Клермонта по-прежнему не было, но все создания, соблюдая его негласные правила, держались подальше от Селден-Энда. Джиллиан со своими папирусами, обе сестрицы и несколько даймонов сидели в средневековом крыле. Все они, за исключением Джиллиан, работавшей по-настоящему, старательно притворялись. Заглянув в нижний читальный зал после утреннего чая, я увидела всего нескольких представителей чуждых видов, в том числе музыкального любителя кофе. Он сделал мне ручкой и подмигнул.

На этот раз я поработала плодотворно, хотя вчерашнее отставание все же не наверстала. Начала я с самого заковыристого, то есть с алхимических стихотворений. Одно из них приписывалось Мариам, сестре Моисея. *«Коль три часа задаче посвятить, Все три в единый сплав соединишь»*. Смысл оставался тайной, хотя речь, скорее всего, шла о химической комбинации серебра, золота и ртути. Не мог бы Крис поставить эксперимент, описанный здесь? Я набросала несколько возможных его вариантов.

Следующий стих, анонимный, назывался «Тройственное пламя Софии». Вчера я видела иллюстрацию алхимической горы, изрытой ходами, где множество людей добывало драгоценные металлы и камни. Сходство ее с образами этого стихотворения бросалось в глаза:

Нашли два камня в недрах в давни годы.
Предивные создания Природы.
Познав их цену, силу, вес, объем,
Заставь бродить их вкупе с серебром
Иль золотом – за твой усердный труд
Они тебе сторицей воздадут.

Я подавила стон – мое исследование усложнялось по экспоненте. Помимо связи науки с изобразительным искусством, намечалась связь упомянутого искусства с поэзией.

– Трудно, должно быть, сосредоточиться, когда вампиры с тебя глаз не сводят.

Рядом, вперив в меня недобрый взор карих глаз, стояла Джиллиан Чемберлен.

– Чего тебе, Джиллиан?

– Да так, пообщаться. Мы ведь сестры, не забыла?

Ее блестящие черные волосы доходили до воротника. Гладкие какие – сразу видно, что у нее проблем со статическим электричеством нет. Она-то периодически избавляется от лишней энергии. Меня пробрала легкая дрожь.

– У меня нет сестер, Джиллиан. Я единственный ребенок в семье.

– Оно и к лучшему. С твоей семьей и так было немало хлопот. Вспомни, что случилось в Сейлеме, – а все из-за Бриджит Бишоп.

Ну вот, снова-здорово. Я закрыла книгу, которую читала. Бишопы, как всегда, первостепенная тема.

– О чем ты, Джиллиан? Бриджит Бишоп осудили за колдовство и казнили. Не она начала охоту на ведьм – она была жертвой, как и все остальные. Тебе это известно точно так же, как другим колдунам в этой библиотеке.

– Бриджит Бишоп обратила на себя внимание людей – сначала своими куклами, потом вызывающей одеждой и аморальным поведением. Без нее истерия не вспыхнула бы.

– Ее признали невиновной, – ошетинилась я.

– Да, в тысяча шестьсот восьмидесятом – только в это никто не поверил. Особенно когда в стене ее подвала нашли безголовых, проткнутых булавками кукол. А после Бриджит не сделала ничего, чтобы помочь другим колдуньям, попавшим под подозрение. Такая вот независимая. – Джиллиан понизила голос. – Прямо как твоя мать.

– Прекрати, Джиллиан! – Воздух вокруг нас сделался неестественно холодным и чистым.

– Твои родители задирали нос, как и ты. Думали, что поддержка кембриджского ковена им ни к чему. Ну и заплатились.

Я зажмурилась, но образ, который я пыталась забыть всю свою жизнь, никуда не делся. Изувеченные, окровавленные тела отца и матери, лежащие в меловом кругу где-то в Нигерии. Тетя ничего не хотела рассказывать, и я пошла в городскую библиотеку, где впервые увидела эту фотографию и броский заголовок над ней. После этого меня много лет преследовали кошмары.

– Кембриджский ковен не смог бы предотвратить их смерть. Их убили перепуганные люди на другом континенте. – Я вцепилась в подлокотники кресла, надеясь, что Джиллиан не заметит, как побелели мои костяшки.

– Это были не люди, Диана, – с неприятным смешком сказала она. – Иначе их давно бы поймали. – Она нагнулась, приблизив свое лицо к моему. – Ребекка Бишоп и Стивен Проктор что-то скрывали от других колдунов. Нужно было выяснить, что именно. Жаль, что они погибли, но их смерть была неизбежна. Мы даже представить себе не могли, какой силой обладал твой отец.

– Не смей говорить о моих родителях так, будто они твои! Их убили люди. – В моих ушах стоял рев, холод вокруг усиливался.

– Уверена? – От шепота Джиллиан меня пробрал озноб. – Ты же колдунья – ты знала бы, если б я тебе солгала.

Я постаралась не выдать растерянности. То, что сказала Джиллиан, не могло быть правдой, но типичных признаков лжи – гнева или всепоглощающего презрения – я действительно не ощутила.

– Подумай о Бриджит Бишоп и своих родителях, прежде чем отвергать очередное приглашение ковена. – Дыхание Джиллиан щекотало мне ухо. – У колдуньи не должно быть секретов от других колдунов, ничего хорошего из этого не выйдет.

Она выпрямилась – теперь меня щекотал ее взгляд. Я упорно смотрела на закрытую книгу.

Она ушла. Температура снова стала нормальной, сердцебиение унялось, в ушах перестало шуметь. Я дрожащими руками уложила вещи и поспешила домой. Адреналин бушевал в крови – кто знает, скоро ли удастся совладать с паникой.

Библиотеку я покинула без происшествий, избежав зоркого взгляда Мириам. Если Джиллиан права, мне следует остерегаться не человеческого страха, а зависти других колдунов. После ее упоминания о скрытой отцовской силе в моей памяти зашевелилось что-то, но что – мне так и не удалось вспомнить.

Привратник Фред отдал мне почту. Сверху лежал кремовый конверт с витиеватой надписью: ректор приглашал меня выпить перед обедом.

Позвонить секретарю и сказать больно? В таком состоянии я и капли шерри не проглочу.

С другой стороны, надо бы лично выразить благодарность за гостеприимство, оказанное мне колледжем. Чувство профессионального долга мало-помалу вытесняло тревогу. Я снова вошла в образ ученого и решила принять приглашение.

Служитель открыл мне дверь в квартиру ректора:

– Здравствуйте, доктор Бишоп.

Голубые глаза в лучистых морщинках, белоснежные волосы и круглые красные щеки делали Николаса Марша похожим на Санта-Клауса. Одетая в броню науки и ободренная теплым приемом, я улыбнулась:

– Профессор Марш... – Мы обменялись рукопожатиями. – Спасибо за приглашение.

– Боюсь, оно запоздало, но я был в Италии.

– Да, казначей мне сказал.

– Тогда вы, надеюсь, извините меня за столь долгое невнимание. Позвольте в порядке компенсации представить вас моему старому другу – он известный писатель, в Оксфорде всего на несколько дней. То, о чем он пишет, может быть вам интересно.

Марш посторонился, и я застыла на месте при виде твидового рукава и каштановой с проседью шевелюры.

– Питер Нокс. – Хозяин взял меня под локоток. – Ваши работы ему знакомы.

Колдун встал, и я наконец вспомнила, откуда знаю его фамилию. Она упоминалась в репортаже о вестминстерских убийствах: полиция обратилась к нему как к эксперту по оккультным вопросам. У меня зазудели пальцы.

– Доктор Бишоп, – протянул руку Нокс. – Я видел вас в Бодли.

– Я вас, кажется, тоже. – Искры, к счастью, из меня не посыпались.

После рукопожатия, длившегося долю секунды, Нокс слегка согнул и разогнул пальцы.

Этого не заметил бы ни один человек, но мне вспомнилось детство, когда мама таким же движением пекла блинчики или складывала глаженое белье. Зажмурившись, я приготовилась к вероятным последствиям.

Зазвонил телефон.

– Простите, надо ответить, – извинился ректор, – присаживайтесь.

Я устроилась подальше от Нокса на жестком деревянном стуле с прямой спинкой (на него обычно усаживали проштрафившихся молодых сотрудников).

Окончив разговор, ректор подошел ко мне с бокалом шерри в руке:

– Это вице-канцлер. У нас не хватает двух новеньких студентов. Прошу меня извинить – пойду разберусь, а вы пока поболтайте.

Вдалеке отворилась дверь, послышались голоса, и все стихло.

– Не хватает студентов? – повторила с ехидцей я.

Все это, конечно, работа Нокса – и переполох, и телефонный звонок.

– Неприятный случай, правда? Зато мы с вами сможем поговорить без помех.

– О чем? – Я вдыхала аромат шерри, молясь о скорейшем возвращении ректора.

– О многом.

Я покосилась на дверь.

– Николас будет занят все это время, – сообщил Нокс.

– Предлагаю поторопиться, чтобы ректор мог вернуться к своему шерри.

– Как пожелаете. Скажите, доктор Бишоп, – что привело вас в Оксфорд?

– Алхимия. – Так и быть, отвечу на его вопросы – хотя бы ради того, чтобы Марш поскорей вернулся, – но не скажу ни слова больше необходимого.

– Вы должны были сразу понять, что «Ашмол-782» заколдован. Это заметил бы всякий, в ком есть хоть капля крови Бишопов. Зачем же вы сдали его? – Карие глаза Нокса буквально сверлили меня. Рукопись была нужна ему не меньше, чем Мэтью Клермонту, – а может, и больше.

– Закончила с ним работать, вот и сдала, – напряженно-спокойным голосом ответила я.

– Значит, рукопись вас несколько не заинтересовала?

– Несколько.

Он скривил губы, прекрасно зная, что это ложь.

– Вы поделились своими наблюдениями с вампиром?

– Вы имеете в виду профессора Клермонта?

Любое создание, не называя по имени представителя чужого вида, дает понять, что не считает его равным себе.

Нокс опять шевельнул пальцами. Я подумала, что теперь он наставит их на меня, но он всего лишь взялся за подлокотники кресла.

– Мы все глубоко уважаем вашу семью и понимаем, что вам пришлось пережить, но ваши неортодоксальные отношения с этим созданием вызывают недоумение. Позволяя себе подобное, вы предаете свой древний род. Это следует прекратить.

– Профессор Клермонт – ученый и мой коллега, – сказала я, не желая говорить о своей семье, – а о рукописи мне ничего не известно. Она была в моем распоряжении всего несколько минут. Я действительно поняла, что она заколдована, но для меня это не имело значения – книгу я взяла, чтобы изучить ее содержание.

– Вампир уже больше ста лет жаждет заполучить эту книгу. Нельзя допустить, чтобы она попала к нему.

– В чем, собственно, дело? – Меня понемногу разбирал гнев. – Вампиры и даймоны не способны накладывать чары. Книгу заколдовали колдуны, и чары восстановились – из-за чего весь сыр-бор?

– Это выше вашего разума, доктор Бишоп.

– Уж как-нибудь постараюсь понять, мистер Нокс.

Ему не понравилось, когда я указала на отсутствие у него академической степени. Сам он титуловал меня довольно ехидно, словно хотел подчеркнуть, что настоящий эксперт здесь он, а не я. Да, я не пользовалась своей силой и даже потерянные ключи вернуть не сумела бы, но его высокомерие меня крайне бесило.

– Меня беспокоит то, что одна из Бишопов связалась с вампиром. – Он поднял руку, когда я хотела было ответить. – Не будем говорить неправду, оскорбляя этим друг друга. Такая, как он, тварь должна вызывать у вас естественное отвращение, однако вы ему благодарны.

Я промолчала, хотя готова была взорваться.

– Вторая причина моего беспокойства – это люди, которые скоро начнут догадываться.

– Я пыталась убрать созданий из библиотеки.

– Дело не в одной библиотеке, согласны? Какой-то вампир оставляет по всему Вестминстеру обескровленные тела. А даймоны, и без того зависимые от вывихов собственной психики и колебаний энергии в мире, сейчас особенно беспокойны. Нам нельзя обращать на себя внимание.

– Вы сказали репортерам, что в этих смертях нет ничего сверхъестественного.

– А вы думали, я так все и выложу людям? – искренне удивился Нокс.

– В общем, да – они ведь вам платят.

– Вы не только распушенны, вы попросту глупы. Удивляюсь вам, доктор Бишоп: ваш отец славился здравым смыслом.

– Знаете, у меня был длинный день. Это все? – Я встала и направилась к двери. Я всегда терпеть не могла, когда кто-то, помимо Сары и Эм, заводил разговор о моих родителях, – теперь, после откровений Джиллиан, я находила такие разговоры почти непристойными.

– Нет, не все. Больше всего мне хотелось бы знать, как необученная колдунья сумела разрушить чары, устоявшие против других колдунов, до которых вам как до неба.

– Вот почему вы все следите за мной. – Я снова села, прислонившись к ребристой спинке жесткого стула.

– Не будьте о себе столь высокого мнения. Это вполне могло быть счастливой случайностью, – например, книга попала к вам в годовщину наложения чар. Время способно влиять на магию, а юбилеи – самые слабые звенья. Вы не пробовали снова заказать манускрипт, но во второй раз у вас, возможно, и не получится.

– И какую же годовщину нам положено праздновать?

– Шестисотую.

Интересно, зачем кому-то вообще понадобилось накладывать чары на эту рукопись? И для чего кто-то разыскивал ее столько лет? Я побледнела.

Все снова упиралось в Мэтью Клермонта.

– Поняли теперь, да? Спросите своего вампира, что он делал осенью тысяча восемьсот пятьдесят девятого года. Сомневаюсь, что он скажет всю правду, но его ответы приведут вас к собственным выводам.

– Я устала. Почему вы просто не скажете мне как колдун колдуну, зачем «Ашмол-782» нужен вам?

Даймон мне дал объяснение, даже Мэтью кое на что намекнул, интерес Нокса представлялся мне недостающим кусочком пазла.

– Это наша рукопись! – рявкнул Нокс. – Мы единственные из разумных созданий, способные разгадать ее тайны, и только нам можно эти тайны доверить.

– Что в ней содержится?! – наконец-то взорвалась я.

– Самые ранние заклинания, впервые произнесенные. Чары, хранящие в целости этот мир, – мечтательным тоном начал перечислять Нокс. – Тайна бессмертия. Рассказ о том, как колдуны создали первого даймона. Сведения о том, как раз и навсегда покончить с вампирами. – Он впился в меня глазами. – Это залог нашей силы, прошлой и будущей. Ни даймонам, ни вампирам, ни людям ее отдавать нельзя.

То, что произошло сегодня, обрело смысл. Я свела колени, чтобы они не дрожали.

– Никто не стал бы собирать все это в одной-единственной книге.

– Это сделала первая колдунья – и ее потомки на протяжении многих веков. Это история нашей расы, Диана. Не предназначенная для посторонних.

В комнату вошел ректор, не замечая накалившейся атмосферы.

– Много шума из ничего, – весело объявил он. – Студенты без спросу увели плоскодонку. Их нашли под мостом – навеселе и весьма довольных собой. Возможно, это приведет к романтическим отношениям.

– Рада, что все завершилось благополучно. – Пробили часы – я уже сорок пять минут находилась здесь. – Как же летит время... я приглашена на ужин.

– Я думал, вы отужинаете с нами, – нахмурился Марш. – Питер так хотел побеседовать с вами об алхимии...

– О, мы с доктором еще встретимся, – посулил Нокс. – Леди не ждала, что я здесь окажусь, и впереди у нее наверняка что-то более заманчивое, чем обед с двумя старичками.

Будьте осторожны с Клермонтом, прогремел его голос у меня в голове. *Он убийца.*

– Разумеется, – заулыбался Марш. – Очень надеюсь увидеть вас снова, когда проблемы с новенькими наконец утрясются.

Спросите его насчет 1859 года. Посмотрим, раскроет ли он свою тайну колдунье.

Вряд ли это тайна, раз вы ее знаете.

Нокс заметно удивился, когда я ответила ему таким же телепатическим способом. Я прибегла к магии уже шестой раз за год – что поделаешь, чрезвычайные обстоятельства.

– С большим удовольствием, ректор. Еще раз благодарю, что разрешили мне пожить в колледже. Мистер Нокс...

Откланявшись, я отправилась в свое старинное убежище – в крытую аркаду и бродила среди колонн, пока пульс не пришел в норму. Сегодня ко мне подступили с угрозами сразу два колдуна, представители моего собственного вида. Что делать, терзалась я – и вдруг поняла что.

Я вернулась к себе, отыскала в сумке смятую карточку Клермонта, набрала первый номер.

После нескольких гудков механический голос предложил мне оставить сообщение.

– Мэтью, это Диана. Извини, что беспокою, но нам нужно поговорить. – Я чувствовала себя виноватой, собираясь ограничиться Ноксом, – о Джиллиан и родителях я говорить не хотела. – По поводу того колдуна из библиотеки, Питера Нокса. Пожалуйста, перезвони мне.

Я заверила Сару и Эм, что ни один вампир не войдет в мою жизнь, но Джиллиан Чемберлен с Питером Ноксом заставили меня передумать. Дрожащими руками я опустила шторы и заперла дверь. Угрозило же меня включить «Ашмол-782» в свой список.

Глава 11

Всю ночь я, не смыкая глаз, просидела сначала на диване, потом на кровати. Телефон лежал рядом. Ни чай, ни гора электронных писем не отвлекли меня от недавних событий. То, что моих родителей могли убить колдуны, не укладывалось в голове. Чтобы прогнать эти мысли, я стала складывать пазл из «Ашмола-782» и Нокса, жаждущего в него заглянуть.

На рассвете я приняла душ и переоделась. Завтракать, против обыкновения, совсем не хотелось. Кое-как промаявшись до открытия Бодли, я заняла свое обычное место в читальном зале. Телефон я положила в карман и поставила на вибрацию, хотя терпеть не могла, когда в библиотечной тиши начинали жужжать и подпрыгивать чужие мобильники.

В половине одиннадцатого на противоположном конце Селден-Энда устроился Питер Нокс. Якобы чтобы вернуть книгу, я пошла к выдаче взглянуть, на месте ли Мириам. Она была там, крайне рассерженная.

– Колдун уселся неподалеку от вас?

– Именно. И смотрит мне в спину, когда я работаю.

– Здесь нужен кто-то побольше меня.

– Его, мне кажется, одними габаритами не проймешь, – с кривой улыбкой заметила я.

Мэтью вошел в Селден-Энд внезапно и совершенно бесшумно. Ледяного прикосновения на лопатках я не почувствовала, но по волосам, плечам и спине запорхали снежинки, точно вампир наскоро проверил, цела ли я.

Я вцепилась в стол, не смея оглянуться: вдруг это только Мириам? Потом все-таки убедилась, и сердце у меня ушло в пятки.

Вампир смотрел не на меня, а на Питера Нокса.

– Мэтью, – тихо окликнула я, встав со стула.

Он отвернулся от колдуна и подошел. Я неуверенно нахмурилась, и на его гневном лице появилась успокаивающая улыбка.

– Как я понял, здесь возникли проблемы. – Веявшая от него прохлада освежала, как бриз в жаркий день.

– Ничего, мы бы справились, – сказала я с оглядкой на Нокса.

– Может быть, отложим разговор? Ненадолго, до вечера? – Мэтью потрогал бугорок под своим мягким свитером. Что он такое хранит у самого сердца? – Можно съездить на йогу.

Несмотря на бессонную ночь, поездка в Вудсток на машине с отменной звукоизоляцией и полтора часа медитативных движений показались мне заманчивой перспективой.

– С удовольствием, – искренне ответила я.

– Хочешь, поработаю здесь, с тобой рядом?

Его запах кружил мне голову.

– Спасибо, не надо.

– Если передумаешь, дай знать. Если нет, увидимся у Хэртфорда в шесть. – Он с отвращением глянул на Нокса и пошел к своему столу.

Когда я отправилась на обед, Мэтью кашлянул, и Мириам встала, раздраженно швырнув карандаш. Прекрасно: значит, в «Блэкуэллс» Нокс за мной не потащится.

День тянулся бесконечно. Я устала бороться со сном и в пять часов уже собралась. Нокс в компании нескольких человек так и сидел в Селден-Энде. Мэтью проводил меня вниз. Воспрянув духом, я мигом добежала до дому, переоделась, взяла коврик и встретила Мэтью у железной ограды Хэртфорда.

– Ты пунктуальна. – Он улыбнулся, положил коврик в багажник и втянул носом воздух, помогая мне сесть, – что за послание получил он от моего тела?

– Нам в самом деле надо поговорить.

– Это не к спеху, выберемся сначала из Оксфорда. – Он закрыл мою дверцу и сел за руль. Движение на дороге в Вудсток усилилось из-за нашествия студентов и донов. Мэтью ловко маневрировал и часто шел на обгон.

– Как там Шотландия? – спросила я, когда мы выехали из города. Мне было все равно, о чем говорить, лишь бы он не молчал.

Посмотрев на меня, он снова обратил взгляд на дорогу.

– Превосходно.

– Мириам сказала, что ты ездил охотиться.

Он снова потрогал выпуклость у себя на груди.

– Напрасно сказала.

– Почему?

– Потому что некоторые вещи не обсуждаются с другими созданиями. Не станут же колдуны рассказывать представителям другой расы, что четыре дня бормотали заклинания и варили летучих мышей.

– Колдуны не варят летучих мышей! – возмутилась я.

– Это так, к слову.

– Ты был там один?

Мэтью долго молчал и наконец сказал:

– Нет.

– Я тоже в одиночестве не осталась. Создания...

– Мириам мне говорила. – Его руки стиснули руль. – Знай я, что этого колдуна зовут Питер Нокс, ни за что бы не уехал из Оксфорда.

– Ты был прав, – торопливо вставила я: прежде чем переходить к Ноксу, требовалось сделать признание. – Магия никогда не уходила из моей жизни. Я использовала ее в работе, сама того не ведая. Обманывала себя долгие годы. – Мэтью молчал и смотрел на дорогу. – Теперь мне страшно.

– Знаю. – Холодные пальцы тронули меня за колено.

– Что же мне делать?

– Мы подумаем и решим. – «Ягуар» свернул к воротам Олд-Лодж. На подъеме и спуске Мэтью не сводил с меня глаз. – Йога тебе сегодня по силам?

Я кивнула. Мэтью открыл мне дверцу, но руку не стал подавать – вместо этого он взвалил на плечо оба наших коврика. Товарищи по классу, проходя мимо, с любопытством поглядывали на нас.

Мэтью подождал, когда мы останемся одни. Чувствуя, что в нем идет какая-то внутренняя борьба, я запрокинула голову и посмотрела ему в глаза. Я только что призналась, что применяла магию без ведома для себя, – в чем же он-то никак не может признаться?

– В Шотландии я гостил у старого друга, Хэмиша Осборна, – вымолвил наконец он.

– У того самого? Которого газеты прочтат в парламент? В канцлеры казначейства?

– Он не будет баллотироваться, – сухо заявил Мэтью, поправив на плече спортивную сумку.

– Значит, он все-таки гей. – Мне вспомнилась одна ночная телепрограмма.

Мэтью испепелил меня взглядом:

– Да. Больше того, он даймон.

При всем своем невежестве я знала, что созданиям запрещено состоять в политических и религиозных структурах человеческого общества.

– Вот как. Финансы – странноватая карьера для даймона, но теперь понятно, почему он так ловко управляется с такими деньжищами.

– Не только с ними. – Молчание затягивались, но Мэтью не спешил войти в дом. – Мне было необходимо уехать и поохотиться.

Я не знала, что на это ответить.

– Ты оставила в моей машине свитер, – добавил он, словно это о чем-то говорило.

– Мириам мне его вернула.

– Знаю. Я не мог его больше терпеть – понимаешь почему?

Я помотала головой. Он вздохнул и выругался по-французски.

– Моя машина пропахла тобой, Диана. Мне действительно требовалось уехать.

– Все равно не понимаю.

– Я не переставал думать о тебе. – Он запустил руку в волосы, отвел взгляд.

Мое сердце билось неровно, мозг из-за недостаточного притока крови работал плохо – но наконец до меня дошло.

– Ты боишься причинить мне вред?

Я с детства прониклась здоровым страхом перед вампирами, но Мэтью до сих пор вел себя образцово.

– Я ни в чем не уверен, – предостерегающим тоном ответил он.

– Значит, ты уехал не из-за того, что было в пятницу вечером. – У меня вырвался вздох облегчения.

– Нет. Никакой связи, – мягко заверил он.

– Эй, вы двое! Идете или будете делать упражнения прямо здесь? – осведомилась с порога Амира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.